15

MAY 28 1936

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

КРАСНЫЙ АРХИВ

2 (75)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАРХИВА СССР и РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ

На фронте исторической науки. В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б). — К истории Парижского мира 1856 г. — Реформа 1861 г. и крестьянское движение. — Студенческое движение в 1901 г. — Поиски драгоценных металлов на Севере в XVII и XVIII вв. — Новые материалы о Н. А. Добролюбове. — Из дневника Л. Тихомирова. — Трудовое казачество Донской области о Брестском мире и о защите Советской страны. — Губернатор в роли проповедника корана. — Из истории Шосткинского завода.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1936

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

На фронте исторической науки

В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б) 3
Постановление ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР 4
И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» 5
И. Сталин, С. Киров. А. Жданов. Замечания о конспекте учебника «Новой истории» 6
Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР (постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) 8

К истории Парижского мира 1856 т. *С предисловием С. П* 10
Реформа 1861 г. и крестьянское движение. *С предисловием М. Лурье* 62
Студенческое движение в 1901 г. *С предисловием В. Орлова* 83
Поиски драгоценных металлов на Севере в XVII и XVIII вв. *С предисловием А. Бирзе* 113
Новые материалы о Н. А. Добролюбове. *С предисловием Е. Ч.* 145
Из дневника Л. Тихомирова 171

Из записной книжки архивиста

Трудовое казачество Донской области о Брестском мире и о защите Советской страны. *С предисловием Г. Костомарова* 185
Губернатор в роли проповедника корана. *С предисловием П. Русина* 188
Из истории Шосткинского завода. *С предисловием М. Сыромятниковой* . . . 192

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ)

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936

На фронте исторической науки

В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б)

Придавая важное значение надлежащей постановке преподавания гражданской истории в школах СССР, Совет Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) еще 16 мая 1934 года приняли и опубликовали известное постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В этом постановлении Совнарком и ЦК ВКП(б) констатировали неудовлетворительность постановки преподавания истории в школах СССР. Совнарком и ЦК ВКП(б) установили, что главным недостатком учебников истории и самого преподавания является их отвлеченный, схематический характер: «вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей — учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами» (из постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года).

Совнарком и ЦК указали, что «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важнейших исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимые для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащихся к марксистскому пониманию истории».

В соответствии с этим было постановлено подготовить к июню 1935 года новые учебники по истории: а) История древнего мира; б) История средних веков; в) Новая история; г) История СССР; д) Новая история зависимых и колониальных стран.

Совнарком и ЦК ВКП(б) постановили организовать для составления новых учебников пять групп и утвердили персональный состав этих групп.

9/VI 1934 года ЦК ВКП(б) и Совнаркомом Союза ССР был решен вопрос о введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса истории СССР и организованы группы по составлению элементарных учебников истории СССР.

14/VIII 1934 года ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР одобрили представленные тт. Сталиным, Кировым и Ждановым замечания по поводу конспектов новых учебников по «истории СССР» и «новой истории».

В этих замечаниях были подвергнуты обстоятельному разбору и суровой критике оба конспекта, причем, как было установлено, особенно неудовлетворительно был составлен конспект по истории СССР, который изобиловал боль-

шим количеством ненаучных, неграмотных, с точки зрения марксизма, определений, страдал крайней неряшливостью, особенно недопустимой при создании «учебника, где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение». Крупными, хотя и меньшими, недостатками страдал также конспект учебника по «новой истории».

Замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова исчерпывающим образом указывали, в каком направлении необходимо было переработать конспекты и подготовляемые учебники. Однако Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) вынуждены констатировать, что представленные ныне на рассмотрение СНК и ЦК учебники по истории большей частью неудовлетворительны, продолжают страдать теми же недостатками, на которые указано выше. Особенно неудовлетворительно составлен учебник по «истории СССР», представленный группой профессора Ванага, а также учебники по элементарному курсу истории СССР для начальной школы, представленные группами Минца и Лозинского. То обстоятельство, что авторы указанных учебников продолжают настаивать на неоднократно уже вскрытых партией и явно несостоятельных исторических определениях и установках, имеющих в своей основе известные ошибки Покровского, Совнарком и ЦК не могут не расценивать как свидетельство того, что среди некоторой части наших историков, особенно историков СССР, укоренились антимарксистские, антиленинские, по сути дела, ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку. Совнарком и ЦК ВКП(б) подчеркивают, что эти вредные тенденции и попытки ликвидации истории как науки связаны в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой «исторической школе Покровского». Совнарком и ЦК указывают, что задача преодоления этих вредных взглядов является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки и под'ема исторического образования в СССР, имеющих важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения.

В соответствии с этим Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) постановили создать для просмотра и коренного улучшения, а в случае необходимости и для переделки уже написанных учебников по истории, комиссию Совнаркома и ЦК ВКП(б) в составе тт. Жданова (председатель), Радека, Сванидзе, Горина, Лукина, Яковлева, Быстрянского, Затонского, Файзуллы Ходжаева, Баумана, Бубнова и Бухарина. Этой комиссии предоставлено право организовать группы для просмотра отдельных учебников, а также об'являть конкурс на учебники взамен тех, которые будут признаны комиссией подлежащими коренной переделке.

Совнарком и ЦК постановили также опубликовать в печати замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова и другие материалы по этому вопросу.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР

Для просмотра и улучшения, а в необходимых случаях и для переделки написанных уже учебников по истории организовать комиссию в составе тт. Жданова (председатель), Радека, Сванидзе, Горина, Лукина, Яковлева, Быстрянского, Затонского, Файзуллы Ходжаева, Баумана, Бубнова и Бухарина.

Комиссии предоставить право организовать группы для просмотра отдельных учебников, а также об'являть конкурс на учебники взамен тех, которые будут признаны подлежащими коренной переделке. В первую очередь должны быть просмотрены учебники по элементарному курсу истории СССР и по новой истории.

Председатель СНК Союза ССР
В. Молотов.

Секретарь ЦК ВКП(б)
И. Сталин.

26 января 1936 года.

Замечания по поводу конспекта учебника по „Истории СССР"

Группа Ванага не выполнила задания и даже не поняла самого задания. Она составила конспект русской истории, а не истории СССР — т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР (не учтены данные по истории Украины, Белоруссии, Финляндии и других прибалтийских народов, северокавказских и закавказских народов, народов Средней Азии и Дальнего Востока, а также волжских и северных народов — татары, башкиры, мордва, чуваши и т. д.).

В конспекте не подчеркнута аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма, вкупе с русской буржуазией и помещиками («царизм — тюрьма народов»).

В конспекте не подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времен Екатерины II до 50-х годов XIX столетия и дальше («царизм, как международный жандарм»).

В конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены; самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств.

В конспекте свалены в одну кучу понятия реакция и контрреволюция, революция «вообще», революция буржуазная и революция буржуазно-демократическая.

В конспекте не даны условия и истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России и, таким образом, октябрьская революция, как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной, равно как немотивированным остается создание Союза ССР.

Конспект изобилует всякого рода затасканными, трафаретными определениями вроде «полицейский террор Николая I», «Разинщина» и «Пугачевщина», «наступление помещичьей контрреволюции в 70-х гг. XIX столетия», «первые шаги промышленного переворота», «первые шаги царизма и буржуазии в борьбе с революцией 905—907 г.» и так дальше. Авторы конспекта слепо копируют затасканные и совершенно ненаучные определения всякого рода буржуазных историков, забывая о том, что они обязаны преподавать нашей молодежи марксистские, научно обоснованные определения.

Конспект не отражает роли и влияния западно-европейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование буржуазного революционного движения и движения пролетарско-социалистического в России. Авторы конспекта очевидно забыли, что русские революционеры считали себя учениками и последователями известных корифеев буржуазно-революционной и марксистской мысли на Западе.

В конспекте не учтены корни первой империалистической войны и роль царизма в этой войне, как резерва для зап.-европейских империалистических держав, равно как не учтена зависимая роль как русского царизма, так и русского капитализма от капитала западно-европейского, ввиду чего значение октябрьской революции, как освободительницы России от ее полуколониального положения, остается немотивированным.

В конспекте не учтено наличие общеевропейского политического кризиса перед мировой войной, выразившегося, между прочим, в упадке буржуазной демократии и парламентаризма, ввиду чего значение советов с точки зрения мировой истории, как носителей пролетарской демократии и органов освобождения рабочих и крестьян от капитализма, остается немотивированным.

В конспекте не учтена борьба течений в правящей коммунистической пар-

тии СССР и борьба с троцкизмом, как с проявлением мелко-буржуазной контрреволюции.

И так далее и тому подобное.

Вообще надо сказать, что конспект составлен крайне неряшливо и не совсем грамотно с точки зрения марксизма.

Мы уже не говорим о неточном стиле конспекта и об игре в «словечки» вроде того, что Лжедмитрий назван Дмитрием «Названным» или вроде «торжества старых феодалов в XVIII веке» (неизвестно, однако, куда делись и как себя вели «новые» феодалы, если они вообще существовали в это время) и т. д.

Мы считаем необходимым коренную переработку конспекта в духе изложенных выше положений, при этом должно быть учтено, что речь идет о создании учебника, где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение, а не о безответственных журнальных статьях, где можно болтать обо всем и как угодно, отвлекаясь от чувства ответственности.

Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР — это во-первых, и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории,— это во-вторых.

И. Сталин
А. Жданов
С. Киров

9. VIII—34 г.

Замечания о конспекте учебника „Новой истории“

Вследствие того, что новая история, самая богатая содержанием, перенасыщена событиями, а также ввиду того, что самое главное в новой истории буржуазных стран, если иметь в виду период до октябрьской революции в России, это победа французской революции и утверждение капитализма в Европе и Америке,— считаем, что было бы лучше, если бы учебник новой истории открывался главой о французской революции. Для связи с предшествующими событиями можно было бы предпослать небольшое введение с кратким изложением основных событий нидерландской и английской революций, отнеся подробное изложение событий нидерландской и английской революций к концу учебника средней истории.

Стало быть, мы предлагаем выкинуть из конспекта первую часть (6 глав), т. е. весь первый раздел, заменив его кратким введением.

Главным недостатком конспекта считаем то обстоятельство, что он недостаточно резко подчеркивает всю глубину разницы и противоположности между революцией французской (буржуазной революцией) и октябрьской революцией в России (социалистической революцией). Основной осью учебника новой истории должна быть эта именно идея противоположности между революцией буржуазной и социалистической. Показать, что французская (и всякая иная) буржуазная революция, освободив народ от цепей феодализма и абсолютизма, наложила на него новые цепи, цепи капитализма и буржуазной демократии, тогда как социалистическая революция в России разбила все и всякие цепи и освободила народ от всех форм эксплоатации,— вот в чем должна состоять красная нить учебника новой истории.

Нельзя поэтому допускать, чтобы французскую революцию называли просто «великой»,— ее надо назвать и трактовать как революцию буржуазную.

Равным образом нельзя называть нашу социалистическую революцию в России просто революцией октябрьской,— ее надо называть и трактовать как революцию социалистическую, революцию советскую.

Сообразно с этим надо перестроить конспект учебника новой истории с подбором соответствующих определений и терминов.

Разбивку новой истории в конспекте на две части считаем мало мотивированной и случайной, произведенной по какому-то непонятному признаку. Мы бы считали целесообразным разбить новую историю на три части:

Первая часть — от французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской Коммуны (исключительно). Это будет период победы и утверждения капитализма в передовых странах.

Вторая часть — от франко-прусской войны и Парижской Коммуны до победы октябрьской революции в России и окончания империалистской войны (включительно). Это будет период начавшегося упадка капитализма, первого удара по капитализму со стороны Парижской Коммуны, перерастания старого «свободного» капитализма в империализм и свержения капитализма в СССР силами октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества.

Третья часть от конца 1918 года (год окончания войны) до конца 1934 года. Это будет период послевоенного империализма в капиталистических странах, экономического и политического кризиса в этих странах, период фашизма и усиления борьбы за колонии и сферы влияния, с одной стороны, и с другой стороны — период гражданской войны и интервенции в СССР, период первой и начало второй пятилетки в СССР, период победоносного строительства социализма в нашей стране, период искоренения последних остатков капитализма, период победы и под'ема в СССР социалистической индустрии, победы социализма в деревне, победы колхозов и совхозов. Мы считаем большой ошибкой, что авторы конспекта обрывают историю на 1923 годе. Эту ошибку надо исправить, доведя историю до конца 1934 г. В соответствии с этим придется произвести переделку и перераспределение материала, разделов и глав.

Хорошо было бы освободить конспект от старых затасканных выражений вроде «старый порядок», «новый порядок» и пр. Лучше было бы заменить их словами «докапиталистический порядок» или еще лучше «абсолютистско-феодальный порядок», а вместо «нового порядка» сказать «порядок капитализма и буржуазной демократии». При таком изменении так называемый «новый порядок», т. е. капиталистический порядок, будет выглядеть уже как порядок с т а р ы й, в сравнении с советским строем в СССР, представляющим высший тип устройства человеческого общества.

Хорошо было бы также освободить конспект от чрезмерного обилия «эпох». «Эпоха консульства», «эпоха Наполеона», «эпоха Директории»,— не слишком ли много эпох?

Нам кажется также неправильным, что колониальному вопросу уделено в конспекте несоразмерно мало места. В то время как Жорж Зандам, Шпенглерам, Киплингам и т. д. уделено достаточно много внимания, колониальному вопросу и положению, скажем, в таком государстве, как Китай, уделено мало внимания.

Было бы также хорошо заменить формулу «об'единения Германии и Италии» формулой «воссоединение Германии и Италии в самостоятельные государства». Иначе может получиться впечатление, что речь идет не о борьбе за воссоединение таких ранее раздробленных государств, как Германия и Италия, а об об'единении этих государств в одно государство.

В общем конспект новой истории составлен, по-нашему, более толково, чем конспект истории СССР, но сумбура в этом конспекте все же достаточно много.

9.VIII—34 г.

И. Сталин
С. Киров
А. Жданов

Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б).

Придавая исключительное значение преподаванию в школе исторической науки и созданию марксистских учебников по истории, Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

1. Об'явить конкурс на составление лучшего учебника для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории.

2. Для премирования лучших учебников, представленных на конкурс, установить 4 премии:

первая премия	100 000 рублей,
вторая премия	75 000 рублей,
третья премия	50 000 рублей,
четвертая премия	25 000 рублей.

3. В конкурсе могут принимать участие все желающие, без всяких ограничений, как отдельные лица, так и коллективы (группы авторов, институты и т. д.).

4. Срок представления учебников на конкурс — 1 июля 1936 года.

5. Учебники могут представляться на конкурс за подписью автора или под избранным им девизом.

6. Учебник должен быть рассчитан на учащихся 3-го и 4-го классов начальной, неполной средней и средней школы (10—12-летний возраст учеников).

7. Об'ем учебника не должен превышать 20 печатных листов, из которых 18 листов чистого текста и 2 листа иллюстраций и карт.

8. При составлении учебника авторы должны руководствоваться теми установками, которые даны: а) в решениях Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР», б) «Замечаниями по поводу конспекта учебника по истории СССР» за подписями товарищей И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова от 8.VIII—34 г., опубликованными в «Правде» и в «Известиях» от 27 января 1936 года, и в) статьями товарищей Бухарина («Известия» от 27.I), Радека («Правда» от 27.I) и Быстрянского («Правда» от 1.III—36 г.).

9. При составлении учебника авторы должны, в первую очередь, иметь в виду указания ЦК ВКП(б) в постановлении «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16.V—34 г., что «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат» и что «только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории».

10. Элементарный курс истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории для начальной школы по своему содержанию и характеру изложений

должен учитывать возрастные особенности учащихся 3-го и 4-го классов, для которых этот учебник предназначается.

11. Учебник должен быть конкретен и исторически правдив. Одновременно с этим изложение должно быть ярким, интересным, художественным и вполне доступным для учащихся указанных возрастов.

12. В конце учебника должен быть помещен словарь трудных и иностранных слов.

13. Для рассмотрения представленных на конкурс учебников и присуждения премий назначить жюри в составе:

А. Жданов (председатель),
К. Бауман,
А. Бубнов,
Н. Бухарин,
В. Быстрянский,
П. Горин,
В. Затонский,
А. Сванидзе,
Файзулла Ходжаев,
Я. Яковлев.

Председатель Совета
Народных Комиссаров Союза ССР
В. Молотов.

Секретарь Центрального
Комитета ВКП(б)
И. Сталин.

3 марта 1936 года.

К истории Парижского мира 1856 г.

Парижский мир 1856 г., которым завершилась так называемая Крымская война 1853—1856 гг., явился поворотным моментом в истории внешней политики царской России. Попытка Николая I захватить Проливы путем войны с Турцией натолкнулась на создание европейской коалиции против России, и русско-турецкая война быстро превратилась в войну европейскую. Падение Севастополя и военное поражение царизма неизбежно повлекли за собой утрату им политического влияния в Европе. Требования, совместно выработанные Англией, Францией, Австрией и пред'явленные последней в качестве ультиматума России, сводились к отказу России от протектората над Молдавией и Валахией, к установлению свободного плавания по Дунаю, к нейтрализации Черного моря и к потере Россией права держать там военный флот. Наконец, Россия должна была отказаться от исключительного права покровительствовать православным подданным Турции. Это право служило царскому правительству предлогом для вмешательства во внутренние дела Турции. Царское правительство вынуждено было принять эти предварительные условия для того, чтобы начать переговоры о мире. Публикуемые ниже документы освещают общий ход переговоров на парижском конгрессе.

Царскому правительству путем заигрывания с Наполеоном III и обещаний содействовать укреплению его династии устранением из статей венского трактата пунктов, направленных против семьи Бонапартов, удалось разбить единый фронт европейской коалиции. Попытка Англии ограничить продвижение царизма на Кавказе за линию реки Кубани и получить от России обязательство не строить заново на восточном побережьи укреплений, покинутых или разрушенных во время войны, не была поддержана Францией. С помощью Валевского, имевшего инструкции, непосредственно шедшие от Наполеона, представителям России удалось также сильно смягчить условия мира в части требования, касающегося исправления европейской границы и сводившегося к отторжению от России примерно одной трети Бессарабии, в чем особенно заинтересована была Австрия. Отторгнутая часть была возвращена России по Берлинскому трактату 1878 г.

Но никакие смягчения условий мира не могли скрыть основного — утрату царизмом господствующего влияния на направление европейской политики. Военный разгром России вскрыл все язвы дореформенного крепостнического строя и отсталость народного хозяйства страны. Нарастание крестьянского движения требовало немедленных шагов для предупреждения революции. В центре внимания становились вопросы внутренней политики.

«Вспыхнувшая теперь в России борьба,—говорит Энгельс,—между господствующим классом и угнетенным сельским населением уже сейчас подрывает всю систему русской иностранной политики. Эта система была мыслима лишь до тех пор, пока в России не замечалось никаких процессов внутреннего развития. Но то время миновало. В результате усилий правительства и дворянства промышленность и сельское хозяйство России достигли такой ступени развития, на которой существующие ныне социальные отношения становятся уже нетерпимыми. С одной стороны, их необходимо совершенно уничтожить. С другой,— для того чтобы осуществить это, нужны насильственные меры. А вместе с тем строем, какой существовал в России от Петра Великого до Николая, рушится и внешняя политика этой России» [1].

---

[1] Ф. Энгельс. Статьи и письма по военным вопросам, изд. «Красная новь», М. 1924 г., стр. 282.

Документы, касающиеся войны 1853—1856 гг., опубликованы А. Зайончковским *. Вышедшие два тома (I в 1907 г., II — в 1912 г.) охватывают период до начала 1854 г.

Публикуемые ниже документы являются извлечением из подготавливаемого Архивом внешней политики сборника документов, который должен будет охватить последующий период до заключения Парижского мира включительно.

Настоящая работа подготовлена к печати М. Я. Бессмертной.

С. П.

Депеша австрийского министра иностранных дел Буоля [1] австрийскому послу в Петербурге Эстергази [2], 16/4 декабря 1855 г. **

Слова, которые ваше превосходительство удостоилось услышать из уст самого императора нашего августейшего монарха, должны были снова подтвердить вам намерения, неизменно направлявшие политику его величества во всех фазах борьбы, так тяжко угнетающей Европу. Всегда верный этим принципам император считал бы, что он не выполнил своего долга по отношению к своим народам и к Европе, если бы он пропустил настоящий момент, когда враждующие стороны принуждены обстоятельствами прервать военные действия, и не сделал бы последней попытки найти новые пути, ведущие к заключению мира, который является самой настоятельной потребностью Европы.

Вполне доверяя искренности так часто повторяемых императором Александром уверений в том, что он готов содействовать заключению всякого мира, не наносящего ущерба ни его достоинству, ни чести его страны, его императорское величество почел своей обязанностью приложить все свои усилия, чтобы выяснить степень взаимности, которую эти настроения могли бы встретить при дворах Франции и Великобритании. В силу этого его величество изволил поручить мне выяснить взгляды на этот предмет парижского и лондонского кабинетов. Хотя мы и убедились, что эти кабинеты проникнуты непоколебимой решимостью не проявлять какой-либо инициативы в деле открытия мирных переговоров, однако, к нашему большому удовольствию, их намерения таковы, что мы позволяем себе надеяться на их согласие рассмотреть и принять такие условия, которые могли бы представить все гарантии надежного и длительного мира и окончательно разрешить вопрос, из-за которого возгорелась война.

Более того, мы позволяем себе выразить надежду, что эти державы, хотя и сохраняют за собой во всей своей силе право предложить такие мирные условия, которые они найдут для себя подходящими, тем не менее они теперь еще склонны следовать принципу, провозглашенному в самом начале борьбы, а именно — не преследовать чьих бы то ни было частных интересов и не простирать своих требований дальше тех, которые необходимы для успокоения Европы, и которые гарантировали бы невозможность повторения такого прискорбного осложнения.

Все эти обстоятельства побудили императорский кабинет взять на себя задачу подробно рассмотреть настоящее положение и сформулировать основания, на которых, по его мнению, могло бы покоиться здание надежного мира. Четыре принципа [3], уже принятые Россией, всегда

---

* Зайончковский, Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой.

** Публикуемые документы хранятся в Архиве внешней политики, в фонде «канцелярия министра». Подлинники на французском языке.

казались нам наилучшей исходной точкой. Только для того, чтобы обеспечить дело мира и в особенности, чтобы избежать тех подводных камней, которые были причиной неудачи последних конференций [4], мы сочли необходимым развить эти четыре принципа сообразно общим интересам Европы и более точной формулировкой облегчить окончательное соглашение.

Результатом этой работы является прилагаемый здесь документ [5]. Если бы воюющие державы приняли его, то он приобрел бы значение прелиминарных условий мира. За подписанием этих прелиминарных условий немедленно последовали бы общее перемирие и окончательные переговоры о мире.

Так как эта работа удостоилась одобрения его величества императора, вы уполномочиваетесь, граф, представить ее на рассмотрение российского двора с настоятельнейшей просьбой взвесить содержание прилагаемого документа и сообщить нам его решение, причем мы считаем чрезвычайно важным узнать это последнее возможно скорее. Если, как мы надеемся, наши предложения встретят благоприятный прием, мы не замедлим горячо рекомендовать дворам Парижа и Лондона принять их, выражая одновременно одушевляющую нас уверенность в том, что своим правом пред'являть особые условия эвентуально при ведении переговоров они воспользуются только в целях общих интересов и в такой мере, чтобы не создавать серьезных препятствий для водворения мира.

Мы настоятельно просим российский двор спокойно разобрать предложения, которые мы передаем на его рассмотрение. Мы не будем распространяться относительно тех серьезных последствий, которые повлекбы за собой отказ вступить на вторично предлагаемый нами путь к почетному примирению, отказ, вследствие которого на него обрушилась бы вся тяжесть громадной ответственности. Мы предпочитаем надеяться, что он благоразумно взвесит все шансы.

Мы думаем, что в этом мы являемся выразителями пожеланий и насущных интересов Европы. Нам остается лишь обратиться к возвышенным чувствам императора Александра, от верховного решения которого зависит судьба стольких тысяч человеческих жизней. Мы твердо надеемся, что его императорское величество остановится на том решении, которое, по нашему мнению, одно только и отвечает действительным интересам его народов и требованиям гуманности.

Примите и пр.

Буоль.

Государственный канцлер Нессельроде [6] австрийскому послу в Петербурге Эстергази, 16/4 января 1856 г.

Ваше сиятельство.

Спешу сообщить вам, что мы принимаем пять предложений, которые формулированы в документе, приложенном к депеше графа Буоля от 16/4 декабря, в качестве проекта предварительных условий и для открытия окончательных переговоров о мире. Я уведомляю князя Горчакова [7] о сообщении, которое я вам делаю, ваше сиятельство, и поручаю ему довести его до сведения вашего двора.

Благоволите и пр.

Нессельроде.

Инструкция государственного канцлера Нессельроде первому уполномоченному на парижском мирном конгрессе графу А. Ф. Орлову[8], 11 февраля/30 января 1856 г.

При обстоятельствах чрезвычайно тяжелых и решительных для будущего России император обращается к вам, чья испытанная преданность престолу заслужила на протяжении 50 лет благоволение трех государей.

Полагаясь на ваш опыт, ваши способности и ваши познания, наш августейший государь соблаговолил назначить вас, г. граф, первым уполномоченным на конгрессе, который будет иметь место в Париже с целью восстановления мира. Благодаря постоянному участию в текущих делах, а также благодаря каждодневному общению с его величеством, ваше превосходительство находитесь не только в курсе политики императорского кабинета, но и у самых истоков ее.

Вот почему достаточно будет здесь ограничиться лишь несколькими указаниями, чтобы обрисовать общее политическое положение. Видимая причина кризиса на Востоке достаточно хорошо известна, и нам нет надобности возвращаться к этому вопросу. Истинными причинами, благодаря которым он разросся до настоящих пределов, были антагонизм Великобритании, личные виды Луи-Наполеона и бессильный эгоизм Австрии. Перед лицом этих трех факторов потерпели крах конференции в Вене, несмотря на самую примирительную позицию, занятую там императорским кабинетом.

С тех пор политический горизонт Европы сделался еще более мрачным, несмотря на то, что в ходе военных событий изменений решающего характера не произошло.

В то время как Швеция, придерживавшаяся до сего времени благоприятной для нас позиции, без всякой нужды встала под покровительство морских держав[9], Австрия в развитие договора от 2 декабря 1854 г.[10] обещала западным державам бросить на чашу весов все свое влияние с целью создать против России европейскую лигу.

Приняв на себя миссию передать предложения, которые должны были служить прелиминарными условиями мира, Австрия угрожала немедленным разрывом, в случае нашего отказа.

Я имею честь препроводить вашему превосходительству при сем прилагаемую копию депеши, которую венский кабинет передал нам с этой целью через своего посланника в Петербурге.

Момент был решительный.

Конечно, если бы мы повиновались только своим чувствам, мы бы не колеблясь бросили перчатку этому правительству, столь же бесчестному, сколь неблагодарному.

Но, с другой стороны, мы не могли терять из виду серьезные последствия, которые повлек бы за собой наш отказ. Он поставил бы Россию перед двойной альтернативой.

Одна заключалась в том, что коалиция, созданная против нас, охватила бы все европейские державы.

Они поставили бы России целый ряд условий, которые связали бы ее в будущем на неопределенное время. Последствием этого была бы общая экономическая блокада. В то же время возросли бы требования наших противников. Отказавшись от принципа, которого они до тех пор придерживались,— не домогаться частных интересов, они поставили бы нам неприемлемые условия и только для того, чтобы вернуться к прежнему положению, утраченному из-за нашего отказа, нам пришлось бы в течение неопределенного времени и до истощения всей

Европы сохранять состояние войны, для того, чтобы отстаивать себя.

Вторая альтернатива заключала в себе не менее опасности. Кто бы мог поручиться за то, что под решительным давлением Англии и Франции у венского кабинета, руководимого близоруким коварством, не возникнет стремление перекроить карту Европы и принять участие в военных действиях, направленных к достижению этой цели? Перед лицом опасностей, сопряженных с каждой из этих альтернатив, наш августейший государь, руководясь лишь чувством любви к своей стране и заботой о будущем своего народа и подавая пример величайшей самоотверженности, счел за должное поручить императорскому кабинету заявить о том, что он безоговорочно принимает австрийские условия.

Вернуть своим народам благодеяния мира, сохраняя при этом условия, необходимые для процветания и величия России в будущем, или же, если бы, против всякого ожидания, эти стремления не осуществились благодаря происках врагов, хотя бы изменить политическое положение так, чтобы не дать войне распространиться дальше наличных пределов, такова благородная мысль, руководившая его императорским величеством и такова двойная задача, которую император соблаговолил доверить испытанному искусству вашего превосходительства.

Для содействия вам его величество соблаговолил назначить вторым уполномоченным на парижский конгресс г. барона Бруннова [11], в настоящее время состоящего послом при германском сейме. Будучи лично вам известен, он не преминет действовать в полном согласии с вами для достижения общей цели, как он уже неоднократно делал это в славные времена наших дипломатических анналов.

Пред лицом столь трудных обстоятельств вы должны будете употребить все усилия, чтобы преодолеть враждебные замыслы, которые будут вам угрожать со всех сторон. Есть однако два обстоятельства, которые, будучи умело использованы, сослужат вам немалую службу.

Первое — это впечатление, произведенное великодушным решением нашего августейшего государя. Переворот, который оно произвело в общественном мнении Европы и даже воюющих стран, есть несомненный факт. Искусству наших уполномоченных предстоит использовать и укрепить его, с тем чтобы воздействовать в этом направлении и на сами правительства. Прямота и искренность наших намерений будут нашим лучшим оружием против наших врагов. Только выказывая нашу решимость искренне принять новое создавшееся для России положение, мы закрепим плоды этого решения, а число сторонников мира и их влияние возрастут.

Вторым благоприятным для нас обстоятельством являются противоречия интересов и стремлений наших противников. Наши уполномоченные слишком хорошо знакомы с политическим положением настоящего времени, чтобы нужно было разбирать его более подробно.

Англия есть и будет нашим действительным и неумолимым врагом. До настоящего времени личная неприязнь министра, стоящего во главе ее политики [12], встречала сочувствие всей нации, стремящейся отплатить за неудачи, которые она потерпела в этой войне, и находила поддержку в личных интересах императора Наполеона. Ныне эти последние, повидимому, удовлетворены. Получив от союза с Англией все выгоды, какие только он мог извлечь, властитель Франции не может следовать за ней в ее воинственных замыслах, где его ждет лишь неизвестность. А это не может входить в цели столь холодного и расчетливого человека, как Луи-Наполеон.

Он не захочет, конечно, окончить теперешнюю войну, порвав свой союз с Англией. Тем более он не захочет враждовать с ней. Но, с другой стороны, естественно, что он будет стараться избавиться от той зависимости, в которой он до некоторой степени находится по отношению к ней. Об этом свидетельствует то, что французский кабинет стремится завязать с Веной все более и более близкие отношения. Наши уполномоченные должны искусно использовать это положение. Недостаточная заинтересованность Франции в содействии целям Англии, преследуемым ею в Азии, а также открывающаяся для французского императора перспектива — стать благодаря союзам твердой ногой на континенте, окажутся в руках наших уполномоченных в ходе конференции средством вызвать в политике Франции поворот, необходимый для того, чтобы Англия отказалась от своих воинственных замыслов. Наряду с основной целью, заключающейся в восстановлении мира, подробные инструкции, при сем прилагаемые, одобренные его величеством императором, а также дополнительные пояснения к ним укажут вам, граф, вопросы, на которые вам нужно будет обратить особое внимание.

Твердо решившись дать искреннее согласие на систему, которую отныне предназначено ввести на Востоке, императорское правительство желало бы внести в нее некоторые изменения как по форме, так и по существу.

А именно следовало бы из'ять из редакции прелиминарных условий все то, что носит унизительный для России характер. Кроме того, следовало бы, развивая некоторые принципы, уклониться от того, что в них есть враждебного и стеснительного для нас на будущее время.

Наконец, императорский кабинет особенно желает изменить, если даже не из'ять совсем, статью об исправлении европейской границы. Славные традиции, связанные с территорией, подлежащей отторжению, а также всякого рода материальный ущерб, обязывают нас поставить этот вопрос прежде всех остальных и даже подчинить ему те выгоды, которые Россия могла бы получить от исправления ее азиатской границы после присоединения столь значительной территории, как Карс.

Кроме того, несмотря на громадные жертвы, принесенные императором ради мира, заключение мира может встретить на конгрессе серьезные препятствия, в виде новых требований, которые наши противники, и главным образом Англия, выдвинут на конгрессе, согласно статье пятой прелиминарного проекта. Эти препятствия могут возникнуть не только из сущности требований, но и из той формы их, в которой захотят сделать их для нас обязательными.

Из протокола, копия которого при сем прилагается и который по нашему предложению был подписан в Вене [13], ваше превосходительство усмотрите, что прелиминарный проект был только парафирован, а подписание окончательного прелиминарного акта предоставлено конгрессу.

Кроме того, по достаточно достоверным сведениям, Англия, прежде чем подписать его, будет настаивать, чтобы ее требования в отношении статьи V были бы нами приняты и включены в прелиминарные условия, как если бы соглашение по ним было достигнуто еще во время переговоров.

Но даже если допустить, что Англия ограничится требованием не возобновлять укреплений Бомарзунда и Аландских островов [14], способ действий этой державы не может быть для нас приемлемым. Причины этого мне нет надобности об'яснять подробно. Правда, мы не собираемся восстанавливать укреплений Бомарзунда и к соглашению по

этому предмету препятствий не будет, но наше согласие в этом вопросе, а также обладание крепостью и пашалыком Карса являются единственным нашим средством при ведении переговоров. Отказаться от него безоговорочно, включив это в прелиминарные условия,— означало бы лишить себя возможности вернуться к вопросу об исправлении европейской границы и разрешения его в более благоприятном для нас смысле. Целью наших уполномоченных будет то, чтобы удержать за собой это преимущество, не допустив разрыва переговоров при столкновении с первым же подводным камнем. Не предопределяя пути, которому они будут следовать, мы считаем полезным наметить здесь тот путь, который кажется нам наиболее выгодным.

Если Англия будет настаивать на том, чтобы условия, проистекающие из статьи V, были бы включены в прелиминарный акт, наши уполномоченные не будут возражать против этого, но в то же время они потребуют, чтобы все спорные пункты были бы подвергнуты предварительному обсуждению, основой которого должен служить принцип справедливой компенсации, формулированный нами в нашем ответе венскому кабинету [15]. Установив таким образом связь между различными вопросами, подлежащими разрешению, они выявят противоречивые интересы участников коалиции и смогут использовать происходящие оттуда разногласия с тем, чтобы добиться благоприятного решения.

Для нас могут представиться две различные комбинации. Одна — это выказать некоторую сговорчивость по отношению к Англии и желание удовлетворить ее специальные виды в Азии. Этим мы рассчитываем изолировать Австрию и добиться, если не полного ее отказа от требования исправления границы, то хотя бы существенного изменения ее позиции сообразно нашим интересам. Другая комбинация — это воспользоваться уже установившимся согласием между Францией и Австрией с тем, чтобы присоединиться к ним и составить таким образом группу союзников, способную парализовать намерения Англии и заставить ее отказаться от чрезмерных требований. В зависимости от значения требований, выдвинутых этой последней, наши уполномоченные и должны будут решить, которой из этих двух комбинаций следует им воспользоваться.

Результат этого обсуждения будет решающим для всего вопроса в целом. Его нужно немедленно зафиксировать в протоколе. Вслед за тем можно приступить или к подписанию прелиминарных условий, измененных соответствующим образом, или непосредственно к заключению окончательного договора о мире.

С нашей точки зрения более желателен второй метод. Очевидно, что нежелательные формулировки, содержащиеся в прелиминарных условиях, не будут фигурировать в окончательной редакции договора, как это доказывают статьи, относительно которых было достигнуто соглашение в Вене [16].

Кроме того из необходимости не откладывать на продолжительный срок заключения договора следует, что урегулирование второстепенных пунктов различных вопросов надо отложить до специальных конференций, которые должны быть созваны после заключения мира. Мы могли бы надеяться в этом случае, что эти вопросы будут разрешены в менее враждебном для России духе.

Как бы то ни было, это соображения второстепенные. Они должны быть подчинены главной цели — восстановлению мира. Из изложенного в начале этой инструкции ваше превосходительство уже ознакомились и с мотивами этого.

Существенно важным для нас является следующее: либо добиться того, чтобы мир был заключен на парижской конференции, либо, если против всякого ожидания это нам не удастся, выявить перед всем миром лояльность и искренность намерений, руководивших нашим августейшим государем в его благородном решении, так, чтобы не оставалось никаких сомнений в правоте дела, которое нам пришлось бы еще защищать, и для того чтобы отнять у наших врагов возможность вооружить против нас Европу ради своих целей.

Благородная прямолинейность вашего характера, такт и проницательность, неоднократно проявленные вами в ответственных поручениях, являются для его величества верной гарантией того, что и настоящая миссия, хотя и сопряженная с величайшими затруднениями, увенчается полным успехом.

Примите и пр. Нессельроде.

Нессельроде графу Орлову, 11 февраля/30 января 1856 г.

Упоминая в своей главной депеше, адресованной вашему превосходительству, о политических комбинациях и сближениях между отдельными договаривающимися сторонами, императорский кабинет имел в виду лишь указать вам способы, с помощью которых можно было бы парализовать на конференциях недоброжелательство наших врагов и достигнуть нашей главной цели — восстановления мира.

Само собой разумеется, что эти комбинации должны носить лишь временный характер и не связывать нашу свободу действий в будущем.

Более чем когда-либо наш августейший государь не желает связывать своей политики какими-либо окончательными обязательствами.

Восстанавливая среди благодеяний мира свои жизненные силы, Россия не будет понуждаема заключать преждевременные союзы для того, чтобы вернуть себе в Европе то политическое влияние, которым она так долго пользовалась.

Однако, говоря таким образом, мы далеки от мысли о добровольной изоляции, тем более не может быть речи о том, чтобы показывать, что чувство раздражения, для которого впрочем имеется достаточно оснований, руководит политикой императорского кабинета. Это дало бы основание подозревать нас в тайных замыслах и могло бы вызвать восстановление коалиции, которую нам с трудом удалось разрушить.

От искусства наших уполномоченных зависит занять такую позицию, которая позволила бы избежать это затруднение и в то же время не брать на себя несвоевременных обязательств.

В этом отношении мы должны в особенности остерегаться того, кто в данную минуту является вершителем судьбы Франции.

Пребывая в неизвестности относительно планов, которые могли бы появиться у него из-за чувства самосохранения, мы отнюдь не должны заранее связывать себя с его политикой.

Но, с другой стороны, было бы однако разумно заручиться его благорасположением, указав ему на те выгоды, которые он может извлечь при этом, а именно, что без действенного участия России и, независимо от того, каковы бы ни были тенденции остальной Европы, не исключая и Англии, невозможно возникновение и осуществление какой бы то ни было коалиции против династии Наполеонов.

Ваше превосходительство использует эти указания с присущим вам тактом и проницательностью.

Примите и пр. Нессельроде.

Доверительная записка Нессельроде Орлову, 11 февраля/30 января 1856 г.

Главный вопрос, который предстоит решить во время переговоров и решить в более благоприятную для нас сторону, чем это делают австрийские предложения, это вопрос, неточно называемый «исправлением границ Бессарабии». Надо думать, что в этом отношении наибольшие трудности мы встретим со стороны Австрии. Насколько нам известно, ни Англия, ни Франция не слишком в нем заинтересованы. Итак, дело идет в сущности о том, чтобы сломить сопротивление графа Буоля. Быть может, нижеизложенные соображения окажут на него воздействие.

Образ действий, которого придерживается с самого начала настоящего кризиса австрийский кабинет, вызвал в России крайнее раздражение. Не так-то легко простить измену неблагодарного друга. Не в интересах Австрии, чтобы это чувство усиливалось, чтобы враждебные настроения длились. Она может поплатиться за это при тех неожиданностях, которые всегда возможны в настоящем еще не устоявшемся положении Европы. Единственный, имеющийся у нее способ исправить зло, которое она нам сделала, загладить свою вину, это — пойти нам навстречу в вопросе о Бессарабии, отказаться от заведомо непригодного разграничения, ею же самой придуманного, разграничения, которое представляло бы для России самые серьезные затруднения и в то же время не давало бы никаких выгод ни воюющим державам, ни Германии.

Эти соображения, должным образом развитые, может быть повлияют на австрийского уполномоченного.

Нессельроде.

Депеша Бруннова Нессельроде, 19/7 февраля 1856 г.

Господин канцлер.

С тех пор, как я приехал, я уже дважды беседовал с графом Валевским[17] — 14/2 и 16/4 февраля. Для большей ясности я расположу все рассмотренные нами вопросы по темам.

Намерения французского правительства.

Император Наполеон определенно желает в возможно краткий срок притти к заключению мира.

Он высоко ценит чувство, побудившее нашего августейшего государя перенести переговоры в Париж. Он придает громадное значение их успеху. Следовательно, он употребит все усилия, чтобы устранить трудности, могущие либо замедлить их ход, либо сделать их безрезультатными. Затруднения, которые следует предвидеть, будут исходить не от Франции, а от Англии, с одной стороны, и от Австрии — с другой.

Первая с самого начала не проявляла большого желания содействовать заключению мира. Она предпочла бы испробовать счастья в третьей кампании, чтобы восстановить военную репутацию Великобритании, которой был нанесен ущерб первыми двумя кампаниями. К тому же соображения парламентского характера, от которых зависит судьба правительства, находящегося у власти, внушают лорду Пальмерстону сильные опасения в прочности его власти после заключения мира, который не будет пользоваться популярностью в глазах англичан, если он не оправдает надежд, которые правительство Великобритании имело неосторожность возбудить у сторонников войны.

Французский кабинет не без труда преодолел колебания и явное нежелание Англии. И это ему удалось только благодаря его настойчивости. Лично лорд Кларендон [18], расположен благоприятно. Но он всецело во власти общественного мнения, находясь под влиянием газет, боится оказаться не на высоте той доминирующей роли, которую он считает себя призванным играть в глазах Европы. Он чрезвычайно чувствителен ко всему тому, что касается англо-французского союза; он усматривает угрозу для его дальнейшего существования в тех отношениях, которые могут установиться между уполномоченными России и Франции. Отсюда крайняя необходимость для французского кабинета избегать всего, что могло бы вызвать подозрение и недоверие у английского кабинета. Давая ему повод к недоверию, подвергают риску успех переговоров. Граф Валевский с особенным ударением подчеркнул это затруднение.

«Император Наполеон,— сказал он мне,— определенно желает сохранить узы, которые связывают его с Англией. По необходимости ему приходится в сношениях с ней быть крайне осторожным. Он будет вам крайне обязан, если во время переговоров вы будете иметь это в виду. Если возникнут трудности, то для их преодоления он остановится на таких способах, которые, по его мнению, окажутся наиболее для этой цели пригодными, действуя притом с чрезвычайной осторожностью и никого не задевая. Поставив себе задачу добиться примирения, он ее выполнит без всякого сомнения с большим тактом и искусством. Вы можете быть в этом уверены».

Эти сведения подтвердил и г. Фульд [19] в конфиденциальной беседе, которую я имел с ним 16/4 сего месяца. По его мнению, император считает себя призванным играть роль примирителя противных сторон. Его присутствие на конференции, если бы это позволили соображения этикета, сильно способствовало бы установлению полного единодушия в переговорах. Но и не руководя лично этим собранием, он изо дня в день будет следить за его ходом, чтобы обеспечить его успех.

«Если бы мне позволено было высказаться,— сказал мне г. Фульд,— то я посоветовал бы вам доводить непосредственно до сведения императора обо всех тех инцидентах, уладить которые может помочь его личное вмешательство. Для этого он постарается предоставить вам все возможности. С той целью, чтобы члены конференции могли иметь непосредственные сношения с ним, он два дня в неделю уделяет на приемы. Граф Орлов сумеет использовать эти возможности, чтобы обратиться к поддержке императора, когда он найдет это желательным».

Особые затруднения, выдвигаемые Англией.

Ввиду предстоящего приезда генерал-ад'ютанта графа Орлова, я не счел нужным входить в подробный разбор тех особых вопросов, которые будут служить предметом наших совещаний. Я ограничился тем, что только слегка коснулся их, чтобы нащупать почву и быть в состоянии дать первому уполномоченному его величества общий отчет о всех моих предварительных наблюдениях.

Я не думаю, что погрешу против истины, если вкратце изложу их в следующих выражениях.

Представятся следующие затруднения, идущие со стороны английских уполномоченных:

1. Аландские острова. Они будут настаивать на обязательстве не восстанавливать укреплений, разрушенных во время войны. Французский кабинет считает, что и в его интересах поддерживать это требование.

2. Наши границы в Азии. Они будут возражать против всякой комбинации, имеющей своей целью превратить в постоянное владение теперешнюю оккупацию нами Карса и прилегающих к нему областей. Франция присоединится к Англии в ее решимости противиться всякому расширению границ, осуществляемому за счет территории Турции.

3. Черкесы. Британское правительство будет настаивать на том, что оно должно оказывать своего рода моральную поддержку племенам, среди которых оно во время войны старалось вызвать восстание. Англия не хочет, чтобы создалось впечатление, будто она, как только восстановился мир, покинула их и изменила им. Граф Валевский не сформулировал мне точно тех доводов, которые будут развивать английские уполномоченные, но, судя по тому, что он мне сказал, я имею основание полагать, что дискуссия по этому вопросу ограничится скорее всего простыми дипломатическими пререканиями вроде тех, к которым лорд Пальмерстон любит обычно прибегать, причем это не послужит непреодолимым препятствием к мирному заключению прений. Французское правительство на этот путь не станет и не будет поддерживать английских уполномоченных. «Обсуждать этот вопрос мы будем,— сказал мне граф Валевский,— но вам нечего беспокоиться: Англия в этом вопросе не проявит настойчивости». Из этого я заключил, что эта придирка будет фигурировать в английской программе только как парламентский прием для того, чтобы снять ответственность с английских министров.

4. Черное море. До сих пор о Николаеве не упоминалось. Я постарался не давать никакого повода думать, что это предположение приходило мне на ум. Но я полагаю, что не погрешу против истины, если выскажу предположение, что английские министры поднимут дискуссию по вопросу о невосстановлении нами наших фортов вдоль азиатского побережья * Черного моря [20]. Если графу Орлову не предоставлена в этом вопросе некоторая свобода действия, следовало бы, думается мне, восполнить этот пробел, ибо, принимая во внимание расстояние, отделяющее императорский кабинет от места переговоров, ничего не следует оставлять невыясненным.

5. Установление границы Бессарабии. Венский двор с большой ловкостью склонил на свою сторону британское правительство в отношении наших обязательств по вопросу о расширении границ Молдавии. Я считаю, что это — одно из тех затруднений, которые могут неблагоприятно отозваться на ходе переговоров. В самом деле, предполагаемое разграничение получило уже своего рода подтверждение в первой статье прелиминарных условий, на которые наш кабинет в принципе выразил свое согласие. Не легко будет внести изменения в это обязательство; в глазах наших противников оно является одним из основных, относительно которых уже достигнуто соглашение во время происходивших переговоров. Вне всякого сомнения, тот факт, что мы владеем территорией, занятой нашими войсками в Карском пашалыке, дает нам возможность получения компенсации. Но г. Валевский, хотя и признал значение этого аргумента, упомянул о некоторых пунктах восточного побережья Черного моря, занятых турецкой армией, стремясь этим ослабить значение побед, одержанных нашей армией у Карса. Правда, Франция, кажется мне, слабо поддер-

* В подлиннике против этой фразы на полях рукою Александра II сделана помета: «За исключением Новороссийска и Сухума нигде не намерен их восстановлять».

живает как требования Англии в Азии, так и требования Австрии в Бессарабии. Но из опасения задеть интересы как одной, так и другой создается довольно сложное положение, сопряженное, как я это предвижу, с разного рода затруднениями. Англичане делают вид, что поддерживают Австрию в Европе, для того, чтобы она в свою очередь пришла к ним на помощь в Азии. Франция, повидимому, оставляет за собой роль арбитра с тем, чтобы умерять требования одних и оказывать поддержку требованиям других, когда она это найдет нужным или выгодным для себя. Судьба переговоров главным образом зависит от степени проницательности и беспристрастия, которые проявит император Наполеон в добровольно взятой на себя роли арбитра, лестной для его самолюбия. На это соображение я, между прочим, обращу особое внимание графа Орлова, как только он приедет. На мой взгляд, это основная трудность переговоров.

Виды Австрии.

Все внимание сосредоточено на вопросах, касающихся Дуная.

Восточный вопрос для венского кабинета ограничен узким горизонтом княжеств. Такой взгляд на вещи придает австрийской политике мелочной характер, что способствует снижению ее престижа в глазах западных держав. Держась такого взгляда, граф Валевский, кажется мне, не склонен придавать большого значения роли, которую будут играть австрийские уполномоченные. Я думаю, что нам можно будет использовать это обстоятельство для того, чтобы заставить графа Буоля сойти с той выгодной позиции, которую он занимал во время конференций в Вене. Перенеся переговоры в Париж, наш августейший государь лишил главу австрийского кабинета его родной почвы. Эта перемена сразу бросилась мне в глаза. Австрия оказывается снова во втором ряду. Она не приобрела себе права воюющей державы. Она не сумела осуществить право державы-посредницы. Она перестала быть нашим другом и в то же время не стала открытой союзницей наших врагов. Одним словом, она находится в худшем положении, чем другие державы, так как никому доверия она не внушает. Граф Буоль, думается мне, испытывает на себе всю невыгодность политики, предавшей забвению прошлое, трусливой в настоящем и неопределенной в будущем Нам незачем будет облегчать ей роль, которую она сама себе выбрала; но наше поведение, не враждебное, непомнящее зла, должно преподать ей урок, а именно, что старые друзья всегда самые верные *.

Если в результате настоящих переговоров Австрия придет к подобному убеждению, то это убеждение еще может пригодиться венскому кабинету в его будущих сношениях с Россией.

Способ ведения переговоров.

Когда я приехал, то нашел французский кабинет в полной нерешительности относительно способа привести переговоры к быстрому и благоприятному окончанию. Лондонский, парижский и венский дворы, повидимому, уже совещались по этому поводу, но к окончательному соглашению не пришли. Однако, после моего первого свидания с графом Валевским я понял, что они стали на неверный путь, считая необходимым подписание двух договоров: 1) о прелиминарных мирных условиях и 2) окончательного договора о мире.

---

* В подлиннике против этого места на полях помета Александра II: «Отнюдь на это не рассчитываю».

Я тотчас же постарался опровергнуть эту идею. Прежде всего я доказал, что подписанием только прелиминарного договора главная цель нашей миссии не была бы достигнута. Цель эта состоит в восстановлении мира. История же дипломатии доказывает, что предварительные переговоры иногда оставались безрезультатными. Мы не должны увеличить число таких примеров еще одним. Наши усилия должны быть направлены к быстрому заключению полного мира. На это надеется, этого ожидает и требует весь мир. Нам важно не обмануть этого законного ожидания. Для этого мы должны возможно скорее притти к заключению о к о н ч а т е л ь н о г о мирного договора. Общественное мнение Европы не удовлетворилось бы договором по природе своей временным. Более того, этот договор дал бы повод думать, что мы хотим отсрочить обсуждение настоящих трудностей, будучи уверены в невозможности для нас их преодолеть. Искренность держав была бы тем самым поставлена под вопрос. Казалось бы, что мы ведем переговоры не для того, чтобы привести их к определенному концу, а для того, чтобы выиграть время. Такой расчет был бы самым плохим.

Я настаивал на следующем соображении, а именно: западные державы начнут с того, что выставят возвращение Карса Турции условием sine qua non подписания предварительного договора. Уполномоченные России могут согласиться на это только в том случае, если в обмен на это обещание получат соответственную компенсацию. И все переговоры вращаются вокруг этого пункта. И если нам удастся решить вопрос о равноценной компенсации, то все уже будет подготовлено для заключения мирного договора. Он уже будет налицо. Итак, для заключения окончательного договора потребуется затратить не больше времени и трудов, чем на подписание временного акта.

Эти соображения, изложенные спокойно, но убедительно, произвели, мне кажется, должное впечатление. Граф Валевский сказал мне, что он приложит усилия, чтобы это мнение одержало верх над мнением Англии и Австрии. Со своей стороны он выставил только одно возражение. Оно вызвано текстом последнего венского протокола. Он гласит, что к заключению перемирия и подписанию окончательного мирного договора будет приступлено только после того, как будут подписаны формальные прелиминарные условия мира.

Согласно этому уже установленному порядку, ф о р м а л ь н о с т ь п о д п и с а н и я предварительных условий должна п р е д ш е с т в о в а т ь перемирию и заключению окончательного договора.

Однако, это не является в глазах графа Валевского непреодолимым препятствием. Он думает, что можно было бы его устранить, подписав протокол, который подтвердил бы уже установленные проектом пункты; этот протокол декларировал бы перемирие и констатировал бы единодушное решение уполномоченных — немедленно приступить к обсуждению, долженствующему привести к окончательному умиротворению.

Таково было настроение графа Валевского, когда я его покинул. Как только первый уполномоченный его императорского величества приедет, я буду иметь честь представить ему результат этого обмена мыслей. Он решит тогда, держаться ли в дальнейших переговорах этого направления или его изменить, в зависимости от того, насколько он найдет это сообразным с волей нашего августейшего государя.

Предстоящий приезд графа Орлова побуждает меня отдать отчет императорскому кабинету о той позиции, которую я нашел нужным занять в ожидании приезда первого уполномоченного его императорского величества.

Прежде всего я позаботился сохранить его позицию в полной неприкосновенности.

Я воздержался от подробного обсуждения вопросов, которые предстоит разрешить. Я сказал, что полномочия и инструкции нашего августейшего государя даны нашему первому уполномоченному, всецело удостоенному доверием его императорского величества.

Моя обязанность состояла лишь в том, чтобы ознакомиться с обстановкой, в которой будут протекать переговоры, все выслушивать и ничего не решать, затем дать общий отчет о своих наблюдениях первому уполномоченному, с целью выиграть время и ускорить, насколько возможно, ход наших совещаний.

Это привело к своей цели. Приехав сюда, граф Орлов найдет почву достаточно подготовленной. Все ведение переговоров, как это и должно быть, будет принадлежать ему одному.

Позволяю себе отметить здесь одно соображение, которое я не замедлю предложить на его усмотрение. Император Наполеон, как я на это указывал выше, будет до некоторой степени играть роль примиряющего посредника. Эта ситуация может оказаться выгодной для нас. Для этого, как мне кажется, нам не следует итти на уступки на конференции, чтобы не терять одно за другим средства, находящиеся в нашем распоряжении, для успешного ведения переговоров. Лучше будет,— если того же мнения будет и граф Орлов,— секретно довериться непосредственно императору Наполеону о пределах полномочий, до которых по воле нашего августейшего государя наш первый уполномоченный мог следовать для устранения препятствий, находящихся на нашем пути. Император Наполеон, польщенный этим знаком доверия, употребит свое личное вмешательство, чтобы оказать воздействие на уполномоченных Австрии и Великобритании, с целью справедливого ограничения их требований, согласно воле нашего августейшего государя.

Если наши совещания пойдут по этому пути и если император Наполеон употребит свое личное влияние на другие кабинеты в нашу пользу, то я позволю себе считать мирный исход переговоров — не скажу верным,— но весьма вероятным.

Таково впечатление от тех сведений, которые я был в состоянии собрать в течение недели. В обстановке совершенно новой для меня я тем более стараюсь избегать всяких преувеличений. Я знакомлюсь с фактами, исследую положение вещей, наблюдаю людей без всякой предвзятой мысли. Пока результат моих наблюдений кажется мне определенно благоприятным. Я отдам об этом полный отчет первому уполномоченному его императорского величества, который, как мне передали, приедет вечером 21/9 сего месяца. Он сам уже будет судить, насколько моя первая оценка положения верна. И в дальнейшем он сам доведет до сведения императорского кабинета о тех поправках, какие может быть надо будет внести в эту оценку после более детального изучения положения. Срок, бывший в моем распоряжении, оказался слишком кратким, чтобы я мог охватить все оттенки быстро меняющейся и чрезвычайно сложной в своих подробностях ситуации, сфера действий которой притом так обширна, что ее нельзя охватить с первого взгляда,— это и вызывает необходимость в дальнейшем более углубленном изучении, исправляющем все недочеты первоначальной оценки. И в том и в другом случае я прошу ваше превосходительство быть снисходительным к представляемой мною на ваше суждение работе.

Честь имею... Бруннов.

Нессельроде графу Орлову, 29/17 февраля 1856 г.

Мы с нетерпением ожидали экспедиции, о которой возвестил нам барон Бруннов. Мы ее получили в одно время с телеграммами, в которых ваше превосходительство сообщаете о протоколе первого заседания конференции, устанавливающем перемирие, где также формулировано решение перейти без подписания прелиминарных условий к заключению окончательного договора.

Как ни благоприятным казался этот результат, он не мог однако совершенно успокоить нас относительно дальнейшего хода переговоров. Согласие, установившееся между Австрией и Англией относительно поддержки их взаимных претензий, и желание Франции не задевать ни той, ни другой до того ясно видны уже из первых же впечатлений, полученных бароном Брунновым, что уже тогда трудно было надеяться, что, жертвуя Карсом, мы добьемся уничтожения статьи об исправлении границы.

Телеграмма от 26/14 февраля за № 14[21], которую мы только что получили, с отчетом об особом совещании вашего превосходительства и барона Бруннова с уполномоченными лишь Франции и Англии подтвердила наши опасения.

Императорский кабинет имел, конечно, все основания именно так поставить этот вопрос.

Если эти пять пунктов обязательны для нас, то они обязательны и для других. Если мы не имеем права возвращаться к обсуждению статьи об исправлении границы, то так же точно и другие не имеют права пред'являть претензий, не имеющихся в проекте прелиминарий.

Так как Карс не упоминается в статье об очищении занятой территории, то требовать от нас его оставления значило бы выходить из пределов установленного; это значило бы вместе с тем, что нам предоставляется право взамен требовать справедливую компенсацию. Впрочем таково было и мнение венского кабинета. По крайней мере, в таком смысле поручено было графу Эстергази снестись с нами. Отсутствие графа Боуля на этом совещании впрочем служит тому достаточным доказательством. Преднамеренно оно или нет, но не доказывает ли это, что хотели либо избавить его от постыдного запирательства, либо удалить неудобного свидетеля.

Как бы то ни было, ваше решение обратиться к посредничеству Наполеона мне кажется разумным и вполне основательным. Это покажет, насколько достойно доверия его желание быть нам полезным, которым, как говорят, он одушевлен. Надо сознаться, мы не очень-то надеемся на акцию Наполеона. Ведь ему хочется возможно более блестящего мира. Он не покинет своих союзников. И пока мир не будет подписан, мы будем иметь дело со сплоченной коалицией. Вот истинное положение вещей. Оно и будет определять ход переговоров, как в отношении их формы, так и содержания.

Та или иная форма, конечно, имеет значение для успеха переговоров, она же будет являться исходным пунктом для политических взаимоотношений, которые придется устанавливать после заключения мира. Хотя мы и не можем отсюда давать своим уполномоченным точных указаний в этом отношении, однако мы можем только одобрить тот образ действий, который был ими принят и который состоит в том, чтобы по всем спорным пунктам договариваться на совещаниях представителей трех держав, т. е. договариваться с уполномоченными Англии и Франции. Ведь в конце концов изменений поставленных условий мы добьемся лишь в том случае, если на это согла-

сятся обе морские державы. Вопрос о мире или войне будет решен ими и нами. Следовательно между нами тремя и должны вестись переговоры. Только не задевая самолюбия Англии может, таким образом, проявиться личное влияние Наполеона, если вообще можно на него рассчитывать. Более того, решения, явившиеся следствием этого соглашения между троими, будут окончательными, без всяких излишних и неприятных для нас прений в присутствии австрийских, турецких и сардинских делегатов; конференция принуждена будет внести их в протокол. Итак, насколько мы можем судить отсюда, эта линия поведения имеет свои преимущества.

Окончательное решение этого вопроса зависит от уполномоченных императора; мы сделаем лишь следующее замечание. Для того, чтобы эта линия поведения не повлекла за собой затруднений, чтобы она не привела нас, помимо нашего желания, к невозможным для нас уступкам, что могло бы погубить все дело мира, важно, чтобы представители трех держав согласились тут же и относительно всех спорных пунктов. Эта линия поведения представляет материальные и политические выгоды, которые нам нет надобности перечислять. Раз состоялось соглашение трех держав, то и мир обеспечен. С этого момента все приготовления к войне, до такой степени для всех обременительные, можно будет приостановить, перемирие будет иметь более прочную основу; и, наконец, второстепенные вопросы получат более беспристрастное разрешение.

Во всяком случае, так как придется определенно договориться относительно всех спорных вопросов и определить с той и другой стороны границы, дальше которых итти будет нельзя, мы считаем нужным повторить здесь точку зрения императорского кабинета на все важнейшие вопросы, которые следовало бы включить в это особое соглашение.

Вопросы эти следующие:

Исправление Бессарабской границы; эвакуация Карса.

Статья, касающаяся Аландских островов.

Наконец, статья, касающаяся черкесов.

В тот момент, когда наши уполномоченные получат эту почту, два первых вопроса принципиально будут уже разрешены.

Однако, каково бы ни было решение, мы не думаем, что наше принципиальное согласие на эвакуацию Карса, как мы уже об этом говорили выше, могло бы нас лишить права требовать соответствующую компенсацию.

Эта компенсация заключалась бы в более удобной для нас границе Бессарабии, соответственно нашему достоинству, а также в смягчении других претензий, так, чтобы они утратили характер настоятельных требований.

Что касается исправления границы, то предыдущие инструкции определили уже, какие изменения должны быть внесены в линию границы, намеченную в прелиминарных условиях.

Следовательно, наши уполномоченные должны будут сообразоваться с этими инструкциями при заключении предварительного соглашения между представителями трех государств.

Что же касается других претензий, то в сущности они не имеют практического значения и скорее рассчитаны на то, чтобы удовлетворить тщеславие английского народа и укрепить положение правительства, находящегося у власти в Англии.

Если лорд Кларендон, как он это сказал в парламенте, желает получить «мир почетный для всех заинтересованных сторон, так как

только такой мир имеет шансы быть длительным», — то ему нетрудно будет, подчеркнув, как бескорыстно Россия, по просьбе морских держав, согласилась на эвакуацию такого важного пункта, как Карс, дать удовлетворение общественному мнению Англии, не пред'являя притом условий, имеющих своей целью польстить самолюбию одних, но в то же время оскорбительных для национального чувства других.

В особенности император Наполеон смог бы настоять на том, чтобы эта справедливая точка зрения принята была за основу соглашения между тремя державами.

Однако, так как мы не можем рассчитывать ни на первого, ни на второго, то мы находим нужным дать дополнительные инструкции нашим уполномоченным по этому вопросу.

1. Аландские острова. Требование не восстанавливать укреплений, разрушенных во время последней войны, является одним из тех требований, которые преследуют скорее внешний эффект. Мы понимаем, что после заключения договора со Швецией морские державы желают получить от нас такое обязательство. Но оно в значительной степени лишено реального значения, так как императорское правительство не намерено восстанавливать разрушенных укреплений. Вообще мы не понимаем, что общего между таким условием и договором, имеющим своей целью разрешение восточного вопроса.

Достаточно будет, повидимому, для урегулирования этого вопроса, одновременно с заключением договора, произвести обмен нотами или декларациями между обеими морскими державами и Россией.

Если тем не менее державы будут настаивать, чтобы это обязательство вошло в общий договор, то следует, как мы уже говорили, так смягчить его, чтобы оно потеряло видимость требования. Следующая редакция могла бы удовлетворить этому условию. «Так как императорское российское правительство заявило о своем намерении не восстанавливать укреплений на Аландских островах, договаривающиеся державы приветствуют эту добровольную декларацию, как действительную гарантию будущего мира, и принимают ее к сведению».

2. Второе требование британского кабинета будет касаться несомненно положения дел в западной части Кавказа, с целью получить, как сказал лорд Кларендон, торговые льготы и добиться невосстановления на этом отрезке Черноморского побережья фортов, в данное время нами покинутых, и тем обеспечить безопасность границы Оттоманской Порты.

Ясно, что цель подобного условия — это скорее произвести впечатление на воображение, чем стремление получить практические выгоды. Все, кто знает условия существования мелких народностей, живущих на этом побережье, согласятся с нами, что перемены, которые хотят произвести в их настоящем положении, поведут только к тому, что сделают это море, которое хотят успокоить путем его нейтрализации, предметом смут и раздора.

Что же касается торговли с этими народами, то неоднократные попытки императорского правительства достаточно ясно показали тщетность сделанных в этом направлении усилий. В один прекрасный день горцы разорили устроенные фактории. Еще долгое время вся торговля на этом побережье будет сводиться к продаже рабов и покупке пороха. При свободе торговли одно станет неот'емлемо от другого. Мы не знаем, считает ли Англия в своих интересах, чтобы здесь и дальше продолжалось состояние войны, но общественное мнение в целом, несомненно, будет возмущено продолжением бесчеловечной торговли.

Что же касается фортов, то мы уже писали в одной из предыдущих депеш, что после столкновения, вызванного делом о «Виксене»[22], сами британские министры, во избежание парламентских прений, посоветовали нам приступить как можно скорее к занятию главных пунктов побережья. Однако наш августейший государь не намерен восстанавливать все без исключения сейчас покинутые форты, что потребовало бы такой большой затраты денег и человеческого труда, которая совершенно не соответствовала бы их назначению. Оккупация должна ограничиться лишь несколькими главными пунктами. В действительности предполагается снова занять лишь Новороссийск и Сухум-Кале. Из них первый находится недалеко от Анапы, а второй — в Мингрелии; таким образом оба эти форта лежат на двух крайних точках побережья, которое на всем его остальном протяжении будет не оккупировано. Этих раз'яснений было бы более чем достаточно, если бы дело шло лишь о том, чтобы рассеять опасения за Турцию. Но, к несчастью, не доводами благоразумия и справедливости руководствуются при выработке пунктов будущего договора. Как мы уже говорили, его диктуют личные предубеждения и страсти. Поэтому мы должны ожидать, что они об'единятся также и на этом вопросе, чтобы попытаться причинить нам неприятность. Наши уполномоченные должны приложить все усилия для того, чтобы либо отклонить его, либо смягчить его как в отношении формы, так и содержания.

Таковы наши замечания, вызванные экспедицией барона Бруннова и телеграммами, полученными затем от вашего превосходительства.

Одним словом, мы хотим сказать, что, не будучи в состоянии разделить наших врагов, мы должны войти в особое соглашение с теми из них, от решения которых будет зависеть восстановление мира.

Примите и пр.

Нессельроде.

Депеша графа Орлова Нессельроде, 2 марта/19 февраля 1856 г., № 18.

Господин канцлер.

Приехав в Париж 21/9 текущего месяца в 11 часов вечера, я на другой же день имел свидание с графом Валевским. Он об'явил мне, что император, уже зная о моем приезде, даст мне 23/11 сперва официальную аудиенцию, а затем немедленно удостоит меня беседой наедине в своем кабинете.

В субботу, в два часа, я отправился в Тюльери. Высшие придворные чины, принимая меня, выказали большую предупредительность. Они меня тотчас провели к императору.

Его величество чрезвычайно милостиво принял меня. В кратких словах я изложил ему мнение нашего августейшего государя относительно достижения умиротворения, чего так страстно жаждет вся Европа. Я ему сказал, что император искренне разделяет выраженное ему желание об'единенными усилиями содействовать установлению добрых отношений между обоими кабинетами и укреплению симпатий, существующих между двумя великими нациями, судьбы которых провидение вручило попечению их монархов. В заключение я сказал, что наш августейший государь надеется, что надежный и почетный мир, заключенный между обеими империями, будет содействовать установлению дружественных отношений между обоими государями.

Император Наполеон сказал, что он разделяет эту надежду и желает ее осуществления, затем отпустил свою свиту и пригласил меня последовать за ним в его кабинет.

Его величество, милостиво предложив мне сесть, сел сам и тотчас же приступил к политической беседе.

Уверенный в том, что откровенность и прямота моих речей будет наилучшим способом произвести на него должное впечатление, я начал с заявления, что изложу ему сейчас без всяких умолчаний, уклонений и тонкостей истинное положение вещей и вслед за этим тут же не медля доведу до его сведения, на что я, строго выполняя ясно выраженную волю нашего августейшего государя, уполномочен ответить согласием и на что обязан ответить отказом.

Затем я вкратце изложил, на чем остановились переговоры.

1. Устье Дуная остается свободным и открытым для торговли всех наций. С целью устранить все затруднения для плавания по этой реке, острова, образующие дельту при ее впадении, никем не будут заняты, остаются нейтральными, и ни одно из прибрежных государств не будет иметь там своих сооружений.

Для обеспечения полной свободы торговых сношений по реке и в целях устранить возможность их перерыва, Россия согласна снести укрепления Измаила и Килиа-Нивы, при условии, чтобы Турция со своей стороны снесла укрепления Мачины, Тульчи и Иссакчи.

2. Черное море, как это уже установлено, будет об'явлено нейтральным. Это условие будет выполнено точно во всем его об'еме.

3. Пограничная линия между Молдавией и Бессарабией будет установлена лишь после обстоятельного обсуждения и с общего согласия, так как непреклонная воля императора — точно выполнить взятые на себя обязательства.

Но с другой стороны, следует принять во внимание, что мы завладели крепостью Карсом и той территорией, которую в данное время занимает наша азиатская армия. Этот факт, которого не касались переговоры, имевшие место до сего дня, должен быть, однако, особенно принят во внимание в качестве компенсации.

Я сочту своим долгом особенно настаивать на этом пункте при дальнейшем ведении переговоров. Из этого должно следовать, что если с одной стороны Россия отказывается от обладания крепостью Карсом и его пашалыком, то союзные державы в свою очередь взамен должны отказаться от предполагаемого разграничения в Бессарабии и оставить без изменения существующие в данное время территориальные границы.

Я полагаю, добавил я, что правильно поступил, откровенно изложив непосредственно императору положение вещей так, как оно есть в действительности, без всяких бесполезных фраз и праздных рассуждений, которые обыкновенно лишь усложняют трудности вместо того, чтобы их разрешить.

Наконец, я сказал императору, что постарался дать ему это доказательство доверия, будучи уверен, что если его величество соблаговолит поддержать мои предложения в целом, то с его помощью дело мира завершится в самый короткий срок.

Выслушав меня серьезно и внимательно, император сказал: «А Бомарзунд, согласны ли вы его не восстанавливать?»

Я ответил: «Мне известно, что ваше величество придаете большое значение этому вопросу. Поэтому я нисколько не колеблюсь вам заявить, что мой августейший государь не ставит разрешению этого дела никакого затруднения. Но он желал бы сделать этот пункт предметом особого соглашения, не подлежащего включению в окончательный мирный трактат».

Императору Наполеону, повидимому, понравилась откровенность, с которою я ответил на этот вопрос.

Такое доверие поразило его. Сказав мне по этому поводу несколько лестных слов, он перевел наш разговор на совершенно новую тему.

Он выразил мне те чувства преклонения и уважения, которые он питает к памяти покойного государя, говоря, что несмотря на возникшие между ними разногласия в вопросах политики, он продолжает глубоко и искренне скорбеть о смерти такого великого государя.

Продолжая беседу в тоне все большего доверия и благожелательности, он после минуты раздумья сказал:

«Мне хотелось бы знать ваше мнение о венском трактате. Обстоятельства внесли в него много изменений. На случай, если бы возник вопрос об его пересмотре, мне хотелось бы знать ваши взгляды на этот предмет».

Я ответил, что вопрос такой важности затрагивает интересы всей европейской политики. К тому же он лежит вне моих полномочий и инструкций, и поэтому я не считаю себя вправе высказывать свой личный взгляд на дело, которое по характеру своему входит в прямую компетенцию кабинетов.

Император возразил: «Но это просто разговор». Затем он сказал следующее: «Эта бедная Италия! Ведь в самом деле, не может же она оставаться в своем настоящем бедственном положении. Неужели нельзя ничего для нее сделать? Я говорил об этом графу Буолю. Он мне на это ничего не ответил. Повидимому, это ему нежелательно.

Затем, эта бедная Польша, религия которой подвергается преследованию. Разве государь в своем милосердии не мог бы положить конец тем притеснениям, от которых страдает католическая церковь, не мог бы несколько смягчить судьбу многих несчастных, которые на беду свою позволили вовлечь себя в политические ошибки?»

Я ответил:

«Польша пострадала исключительно по своей вине. Ей были предоставлены все возможности для ее полного благополучия. Она ничем не сумела воспользоваться. Поляки потеряли свои политические права, потому что они нарушили свою клятву и не выполнили своих обещаний.

Что же касается свободы вероисповедания, то уже приняты все меры для успокоения их совести в религиозном вопросе. Конкордат, заключенный с св. престолом, подвергается тщательному рассмотрению, так как имеется в виду ввести его в жизнь. С самого своего вступления на трон император Александр шел навстречу надеждам, вызываемым его милосердием. Не смея высказывать мнение о его намерениях, о которых не мне судить, я полагаю, что государь имеет в виду во время своего коронования еще более облегчить наказание, постигшее виновных».

В ответ на эти мои размышления его величество повторил мне еще раз свое уверение в том, что он рассматривает этот обмен мнений, как простой разговор, и сказал, что моя откровенная речь по поводу происходящих переговоров побудила и его дать со своей стороны доказательства доверия, высказывая мне, как он это только что сделал, свои соображения по некоторым вопросам.

Представляя императорскому кабинету этот краткий отчет, я думаю, что не очень погрешу против истины, утверждая, что мысль о будущем конгрессе, который имел бы своей целью пересмотр статей венского трактата, серьезно занимает императора, являясь в данное время главным предметом его помышлений.

От этой первой беседы у меня осталось впечатление, что император Наполеон умеет под маской искренности скрывать глубокий и в то же время гибкий и острый ум. Он выражает свои мысли ясно, точно, с оттенком скромности, которая подчеркивает то высокое положение, на которое он вознесен событиями.

Примите и пр. Орлов.

Депеша графа Орлова Нессельроде, 2 марта/19 февраля 1856 г., № 22.

Господин канцлер.

В четверг 28/16 февраля я удостоился быть в Тюльери на обеде. После обеда император дал мне аудиенцию весьма продолжительную и заслуживающую всякого внимания. Наша беседа была дружественной, я бы сказал даже, весьма откровенной и многообещающей для будущего, но мало удовлетворительной для настоящего момента.

По интересующему нас вопросу я говорил твердо, но чрезвычайно сдержанно. Я поблагодарил его величество за доверие, мне оказанное, за почет и внимание, которым мы пользуемся; в особенности я остановился на том, какое удовольствие доставил мне оказанный нам всей французской нацией прием и то всеобщее сочувствие, которое я всюду встретил в пользу мира и сближения с Россией. Я добавил, что настал момент, когда мне приходится прибегать к императору; притязания англичан и уловки Австрии возрастают с каждой минутой в такой степени, что я боюсь, как бы они в конце концов не принудили меня прервать заседания конференции.

Император Александр,— продолжал я,— свято выполнит данные им обещания. Если он решился принять австрийские предложения, то это потому, что он думал, на основании некоторых намеков, что наше обладание Карсом окажется в наших руках сильным средством воздействия на ход переговоров и что в этом мы встретим мощную поддержку вашего величества. Наконец, я добавил, что при первом же моем свидании с императором я сказал, что не буду ничего скрывать от него, и, верный данному слову, я в самом деле ничего не скрыл от него и что следовательно мне не в чем упрекать себя.

Император не прерывал меня и выслушал с большим вниманием до конца. Когда я кончил, заговорил он. Сказав сперва много лестного по моему адресу и поблагодарив меня за лойяльность, император добавил, что и его ответ будет такой же сущей правдой.

Затем, перейдя к существу дела, он признал, что действительно в свое время он дал нам понять, будто Карс явится достаточной компенсацией взамен требуемой от нас уступки части Бессарабии, но что он встретил в сопротивлении Англии и Австрии почти непреодолимые препятствия и что только благодаря его решительному противодействию ему удалось отклонить чрезмерные требования Англии, как например, разрушение Николаева, требования относительно Азовского моря и т. д. и другие условия, унизительные для России. Что же касается его обязательств по отношению к союзникам, то его обвинили бы в коварном непостоянстве, если бы он их окончательно порвал. Он понимает, как выгоден для Франции действительный союз, соответствующий ее симпатиям и ее интересам в будущем, но он будет действовать осторожно, ничем не рискуя. В определении же пограничной линии в Бессарабии и вообще в отношении всех условий, на которые уже дано согласие императором Александром, он самолично рассмотрит все трудности, после чего прикажет своим министрам поддерживать нас.

В конце беседы его величество добавил, что дает мне право всегда обращаться прямо к нему.

Таково положение, в котором мы находимся в данную минуту. Из этого я заключаю, что наиболее благоприятный исход мирных переговоров для нас — это осуществление тех четырех пунктов, на которые мы дали уже наше согласие — в Европе и uti possidetis — то, что было до начала войны, — в Азии.

Примите и пр. Орлов.

Депеша графа Орлова Нессельроде, 11 марта/28 февраля 1856 г., № 31.

Господин канцлер.

Со времени моей экспедиции от 2 марта/19 февраля работы конференции заметно продвинулись к своему окончанию. Я об этом вкратце доносил в моих телеграммах.

Теперь я считаю своим долгом представить императорскому кабинету полный отчет о переговорах.

Я начну с тех спорных вопросов, которые нам удалось разрешить; затем я перейду к тем вопросам, которые еще предстоит уладить, и закончу этот отчет общим описанием положения в том виде, как оно мне теперь представляется.

I. Вопросы решенные.

1. Пятый пункт прелиминарных условий, обозначенный как особые условия.

Изо всех вопросов, обсуждавшихся в Париже, вопрос, касающийся пятого пункта прелиминарных условий, несомненно самый трудный и самый важный. Таково же было мнение о нем у нашего августейшего государя. Отсюда его желание — с самого начала устранить этот V пункт, так как его двусмысленная и неопределенная формулировка давала нашим противникам возможность пред'являть чрезмерные требования, на которые нам пришлось бы ответить решительным отказом, что с самого начала положило бы конец всяким переговорам.

Австрия, правда, с целью побудить императорский кабинет принять V пункт как одну из основ прелиминарного проекта, подала нам надежду, что особые условия, выдвинутые Англией и Францией, не зайдут так далеко, что представят угрозу делу мира. Но эти неясные и нерешительные заверения не являлись определенным обязательством, данным западными державами. Венский двор ограничивался тем, что давал нам простое обещание на словах. Его поведение в прошлом показывало, как мало на него можно полагаться.

Об'яснения, данные Францией о значении V пункта, были более удовлетворительными. Эвентуальное применение его они ограничивали двумя специальными вопросами, а именно:

1. Аландскими островами.

2. Рассмотрением положения в азиатских областях, расположенных на восточном побережье Черного моря.

Но неясная редакция этой последней статьи оставляла под сомнением точное значение предмета спора, который Англия казалось выдвинула специально для того, чтобы пред'явлением требований, неприемлемых для России, сохранить за собой возможность помешать успеху переговоров.

Нам важно было, г. канцлер, прямо подойти к этому вопросу и не давать нашим противникам повода думать, что мы опасаемся прений по этому вопросу и потому откладываем их.

Мы начали с того, что сами их вызвали. Поступая таким образом, мы тем самым получили то существенное преимущество, что были в состоянии проникнуть в намерения наших противников и совершенно точно установить, в чем взгляды Англии отличаются от взглядов Франции.

Это привело нас к открытию чрезвычайно для нас важному. В самом деле, от графа Валевского мы узнали, что дело идет ни о чем другом, как о желании Англии поставить под сомнение вообще наше право на территории, лежащие за Кубанью. По мнению Англии, следует или заставить нас признать независимость и нейтралитет стран, лежащих южнее Кубани, или же снова передать их под номинальную власть Порты.

Император Наполеон не дал своего согласия на поддержку комбинаций такого рода. Противодействие, оказанное им в этом вопросе, несомненно имело для нас большое значение. Я должен признать это по всей справедливости.

Раз это стало нам ясным, то, казалось, вступив в дискуссию по вопросу, в котором Франция не была склонна поддерживать Англию до конца, мы могли бы с успехом оспаривать доводы этой последней.

Результат вполне оправдал наши ожидания. Дискуссия началась на заседании 1 марта. Опираясь на трактаты, мы установили, что положение наших владений в Азии, ясно определенное в наших договорах с Портой, а именно IV статьей Адрианопольского трактата и I статьей С.-Петербургской конвенции 1834 г.[23], не давало повода к каким-либо сомнениям или спорам.

Это выступление, основанное на документах и на неопровержимых фактах, дало нам перевес над нашими противниками англичанами. Лорд Кларендон пустился в туманные разглагольствования то касательно Мингрелии, то Абхазии, то черкесов. Мы его опровергли по всем пунктам, обратившись непосредственно к самим турецким уполномоченным с просьбой заявить, правда или нет, что границы обеих империй установлены прямыми договорами.

Великий визирь Али-паша это признал. Он и не пытался оспаривать вышеупомянутую пограничную линию в том ее виде, как ее определяет конвенция 1834 г. Он высказал лишь предположение, что с того времени могли произойти отклонения от этой линии, и сказал, что было бы желательно произвести обследование на местах; что еще до перерыва сношений Порта имела намерение сделать императорскому кабинету предложение в этом смысле, и что теперь ему поручено заявить о желании назначить специальных комиссаров для проведения этой проверки границы и для исправления ее, буде если таковая понадобится, но исправления без ущерба для интересов обеих сторон.

Мы формально установили, что такое исправление не должно быть сопряжено с какой-либо безвозмездной уступкой территории. После установления этого обстоятельства оставалось лишь условиться относительно назначения обоюдных комиссаров. Выбор их мы намеревались предоставить только России и Турции.

Граф Валевский выразил желание присоединить к ним английского и французского комиссаров. Он предупредил нас доверительно, вне конференции, что это личное желание императора Наполеона. Взамен той поддержки, которую он нам оказал во время главных дебатов по поводу пятого пункта, а также ради той реальной пользы, которую нам приносит его хорошее расположение к нам, я признал необходимым принять его совет. Но принимая этот пункт эвентуально, я сделал

оговорку, что представлю его на одобрение нашего августейшего государя.

Депешей вашего превосходительства от 6 марта/23 февраля я был уведомлен о его согласии. Я счел своим долгом довести об этом до сведения конференции.

Таким образом дискуссия по этому предмету окончательно закончена. Для завершения работ комиссии принят восьмимесячный срок. Она соберется *после заключения мира*.

Это обстоятельство даст нам возможность обратить вышеупомянутое обследование в нашу пользу: Порта, вернувшись в свое нормальное положение, почувствует необходимость восстановить с нами добрососедские отношения.

Давая отчет об этой главной части наших дискуссий, я не могу умолчать о той настойчивости, которую выказал лорд Кларендон, стараясь вырвать у нас обязательство, что мы не будем строить заново на азиатском побережьи укреплений, в данное время покинутых или разрушенных. Я категорически высказался против этого требования. Я заявил, что император сохраняет за собой полную свободу вновь строить или не строить этих укреплений, сообразно тому, как он это найдет нужным сделать. Я поддерживал это право, как принцип, с точки зрения абсолютной суверенной власти, которой наш августейший государь обладает на протяжении всей территории, находящейся под его владычеством.

Лорд Кларендон после очень оживленных споров, которые он несколько раз возобновлял, закончил тем, что покинул позицию, которая не нашла поддержки у французских уполномоченных.

Но дело приняло иной оборот, когда речь зашла о возвращении Карса и территорий, занятых в данное время нашими войсками в Азии. Тут представители Англии и Франции действовали за-одно. Оба они заявили, что их обязательства, данные Порте, заставляют их поддерживать целость и неприкосновенность Оттоманской империи.

Инструкции императорского кабинета предписывали мне в особенности воспользоваться оккупацией нами Карса, как средством добиться у наших противников, в качестве компенсации, желательных нам изменений других прелиминарных условий, уже в принципе принятых нашим августейшим государем.

Я сообразовался с этими инструкциями, ведя дискуссию в этом направлении. Для этого я и заявил, что императорский кабинет не будет возражать против возвращения Турции областей, занятых нашими войсками в Азии, но что взамен я вправе ожидать, что это будет учтено при обсуждении других прелиминарных пунктов.

С подобной же оговоркой я заявил о согласии, которое император приказал мне выразить на заключение эвентуального соглашения о невосстановлении Бомарзунда. Кроме того, я определенно заявил, что это постановление не должно являться статьей главного мирного трактата, а должно составить предмет отдельного акта, который имеют заключить между собой Россия и те две воюющие державы, которые одни только и принимали участие в военных действиях на Балтийском море.

Соглашение, достигнутое сейчас и по этому пункту, находится в соответствии с инструкциями императорского кабинета.

Итак, дискуссия о пятом пункте предварительных условий была закончена. С этого момента переговоры, с устранением главной помехи, которая могла бы привести к разрыву, если бы было проявлено меньше твердости и решительности, стали развиваться правильно. Надо было

покончить с неизвестностью, чтобы подойти к уже известным затруднениям. Они состояли в том, чтоб изменить, если возможно, самые основы, и исправить формулировку четырех пунктов прелиминарных условий, принятых за базу для переговоров.

Граф Валевский предложил нам рассматривать эти различные статьи по темам и письменно изложить в самом заседании особые постановления, которые в своей совокупности и составят текст мирного трактата.

Мы из'явили согласие на этот способ ведения переговоров, который делает невозможными всякие бесполезные отступления, сокращает продолжительность конференции и таким образом обещает быстро привести нас к окончательному заключению, если, конечно, вообще возможно будет согласовать различные сталкивающиеся здесь интересы.

2. Нейтрализация Черного моря.

Заседание 4 марта занято было обсуждением статей, трактующих этот вопрос, который является предметом III пункта прелиминарных условий.

В него входило условие, которое с самого начала, казалось, требовало более точной редакции.

Австрийский проект в том виде, в каком он был принят, гласил, что на Черном море не разрешается ни строить вновь, ни сохранять каких бы то ни было военно-морских арсеналов.

Императорский кабинет в свое время в справедливой предусмотрительности озаботился внести в это условие поправки и предложил формулировать его в следующих выражениях: «На побережьи Черного моря никаких военно-морских арсеналов не разрешается ни строить, ни сохранять».

Русский контр-проект, вводя эту поправку, имел в виду не подвергать обсуждению наш морской арсенал в Николаеве.

Наш контр-проект не был принят, и вопрос остался открытым.

Редакция, принятая ныне на конференции, устраняет это неудобство тем, что возвращается к тексту русского контр-проекта. Более того, она представляет то преимущество, что мотивирует приличествующим образом решение, принятое прибрежными державами, не возводить на побережьи военно-морских арсеналов.

В виду чего статья в проекте изложена так:

«Так как по об'явлении Черного моря нейтральным, содержание или учреждение на берегах оного военно-морских арсеналов не имеет цели, то е. в. император всероссийский и е. в. султан обязуются не заводить и не оставлять на сих берегах никаких военно-морских арсеналов».

Точностью формулировки этой статьи должно быть ограждено существование нашего морского арсенала в Николаеве. Во время прений лорд Кларендон дал мне возможность констатировать этот факт с полной очевидностью. Ваше превосходительство найдете тому доказательство при чтении IV протокола. Соблаговолите отметить то значение для будущего, которое имеет мое заявление, что «так как Николаев лежит вдали от берегов Черного моря, то чувство собственного достоинства не позволит России распространить на территории, лежащие в глубине империи, условие, относящееся исключительно к побережью».

Это заявление, формально занесенное в протокол, делает сохранение Николаева не подлежащим какому-либо оспариванию в будущем. Но желая быть верным выразителем воли нашего августейшего государя и дать блестящее доказательство той лойяльности, с которой он

выполняет свои намерения, я считал нужным также заявить, что морской арсенал, остающийся в полной неприкосновенности в Николаеве, будет с этого времени приспособлен для удовлетворения реальных нужд нашей страны, а именно: там будут строиться лишь такие военные суда, право на постройку которых предоставляется нам трактатом и которые предназначены для надзора и охранения наших берегов.

Подчеркивая это решение, я воспользовался этим случаем для того, чтобы заявить, что государь император издал приказ перевести в Балтийское море те два линейных судна, которые строятся в Николаеве.

Это ясное и точное заявление, сделанное добровольно, произвело, смею сказать, на всех участников конференции самое сильное и самое благоприятное впечатление. Лорд Кларендон первым отдал должное прямоте намерений нашего августейшего государя, и я почитаю себя счастливым, что при моем посредстве нам удалось заставить замолкнуть несправедливые подозрения, которые часто высказывались за границей относительно политики России.

Упоминая об этом инциденте, считаю своим долгом обратить внимание вашего превосходительства еще на другое обстоятельство, имеющее также некоторое значение, а именно: отвечая во время дискуссии на интерпелляцию лорда Кларендона, я не преминул отметить самым ясным образом, что постановления трактата о нейтрализации Черного моря отнюдь не относятся к Азовскому морю.

Это изъятие, принятое и признанное всеми членами конференции, было формально подтверждено протоколом V.

Что же касается назначения иностранных консулов в порты, находящиеся на побережьи Черного моря, то необходимость выполнения требуемых формальностей, а именно exequatur'a, подкрепляется словами: «согласно принципам международного права».

В то же время мы сохранили принцип полной взаимности в вопросе о консульских преимуществах, твердо установив то правило, «что иностранные консулы могут требовать себе в России только такие привиллегии, которыми взаимно наши консулы пользуются в других странах».

3. Закрытие Проливов Босфора и Дарданелл.

Этот принцип, будучи древним правилом Оттоманской империи, сохранит свою силу. Особая конвенция по этому вопросу будет приложена к главному трактату. Она заменит конвенцию, подписанную в Лондоне в 1841 году[21].

4. Свобода плавания по Дунаю.

Эта статья — второй пункт проекта прелиминарных условий, принятых императорским кабинетом, подверглась подробному обсуждению еще на венской конференции.

Редакция, выработанная и парафированная в то время (добавление к протоколу V), была почти полностью, с небольшими только изменениями, воспроизведена графом Валевским.

Текст ее, ваше превосходительство, найдете в протоколе совещания 6 марта.

Статьи, относящиеся к этому вопросу, никаких возражений с нашей стороны не вызвали, в виду того, что императорский кабинет соблаговолил одобрить предыдущие работы венской конференции.

Однако довольно оживленные прения возникли между графом Буолем и графом Валевским.

Этот последний предложил, чтобы депутату от Баварии, в качестве

представителя одного из расположенных по берегам Дуная государств, разрешено было участвовать в работах исполнительной прибрежной комиссии, обязанной следить за выполнением правил речного судоходства и речной полиции, принятых для урегулирования службы в гирлах.

Граф Буоль оставил за собой право представить свои замечания по этому проекту. Вопрос остался открытым. С той и с другой стороны заметно было некоторое раздражение. Мы не приняли участия в этой полемике, которая ни в коей мере не касалась наших прямых интересов.

II. Вопросы, подлежащие разрешению.

1. Линия бессарабской границы.

Предполагаемое разграничение входит в I статью прелиминарных условий.

Граф Валевский предложил посвятить разбору этого вопроса специальное совещание еще до обсуждения реорганизации княжеств.

Мы, не колеблясь, согласились принять этот порядок, так как уверены, что, выказывая готовность подходить прямо к трудным вопросам, мы производим самое благоприятное впечатление на наших противников; я хочу сказать, что доказываем им при всяком удобном случае наше твердое решение не уклоняться, не отступать, но подходить прямо к самой сути дела для того, чтобы притти, если возможно, к почетному соглашению.

Имея это в виду, мы согласились заняться обсуждением разграничения, хотя по порядку тем этот вопрос стоял не в начале, а в конце статьи I прелиминарных условий.

Этот вопрос касается таких важных интересов и изобилует такими сложными деталями, что, для большей ясности, мне приходится отложить разбор его до следующей депеши.

2. Княжества.

Граф Валевский только слегка коснулся этого предмета дискуссии на шестом совещании 8 марта.

В начале своей речи он заявил, что прежде чем приступить к назначению особого комитета, обязанного представить конференции подготовительную работу относительно будущей организации княжеств, он находит нужным передать на наше рассмотрение предварительный вопрос, а именно:

Следует ли ради общей пользы и ради пользы самих княжеств об'единить Молдавию и Валахию под управлением одного главы государства, господаря и князя, облеченного наследственной или пожизненной властью под верховной властью Порты. Граф Буоль, не высказываясь решительно против этой комбинации, попробовал ее отклонить, находя ее преждевременной.

Али-паша об'явил, что его полномочия не позволяют ему входить в обсуждение этого проекта, что он полагает своим долгом запросить на этот счет предписания у Порты, но что Порта несомненно будет принципиально возражать против об'единения обоих княжеств в одно.

Лорд Кларендон высказался в пользу французского плана, но сердечной поддержки ему не оказал.

Наши инструкции уполномочивали нас эвентуально присоединиться к предложенному плану.

Граф Валевский с некоторой живостью опровергал мнение графа

Буоля. Затем он предложил великому визирю запросить по телеграфу Порту относительно ее распоряжений.

На этом дискуссия остановилась.

3. Прямое соглашение России с Турцией относительно их морских сил на Черном море.

Наши переговоры с визирем, начатые по этому вопросу, до сих пор не пришли к определенному результату. Мой отчет по этому предмету я откладываю до следующей специальной депеши.

4. Религиозные и политические привиллегии христианского населения.

Этот вопрос, четвертый по порядку, в австрийском проекте прелиминарных условий, представляет для нас не только важнейший интерес, но и, смею добавить, является нашим первейшим долгом.

Сообщенные мне директивы нашего августейшего государя в отношении этого вопроса твердо мною усвоены. Доказательство этого его величество изволил заметить в моей предыдущей экспедиции, где я отдавал отчет о начале переговоров.

За этот промежуток великий визирь получил уклончивый ответ из Константинополя.

Мы настаивали и продолжаем настаивать на необходимости включить в текст трактата точное постановление относительно религиозных и политических прав христиан, находящихся под властью султана.

5. Сербия.

Особая статья трактата будет посвящена подтверждению тех привиллегий, которые даны Сербии. Дискуссия относительно этой статьи должна быть отсрочена до тех пор, пока не закончится дискуссия относительно организации княжеств Молдавии и Валахии.

6. Обоюдная эвакуация территорий; амнистия; восстановление мирных отношений между воюющими державами.

Все эти различные статьи, получив окончательную редакцию, будут завершением трактата. То же можно сказать и о предисловии. Граф Валевский предложил отложить его рассмотрение до окончания работ конференции.

III. Беглый взгляд на положение.

Сравнительно с тем, когда мы впервые 25/13 февраля собрались на конференцию, при обстановке для нас очень неопределенной и невыясненной, положение наше теперь значительно прояснилось, и, я бы сказал, в нашу пользу.

Конечно, я не смею считать исход переговоров совершенно обеспеченным. Он зависит от стольких противоположных друг другу интересов, от стольких непредвиденных обстоятельств и, в особенности, от стольких посторонних влияний, лежащих вне сферы моего воздействия, что, мне кажется, в такую серьезную минуту преждевременно делать хоть сколько-нибудь достоверные предположения.

Но для того, чтобы представить нашему августейшему государю теперь же по возможности самый точный отчет о моих личных впечатлениях, я их здесь сейчас кратко и точно изложу.

До сегодняшнего дня все поведение и речи императора Наполеона подтверждали его стремление к завершению мирных переговоров. Если

бы он этого не хотел, он не старался бы умерить требования Англии, относящиеся к V пункту прелиминарных условий. Тогда переговоры неминуемо постигла бы неудача. Наш отказ ответить согласием на несправедливые претензии британского правительства положил бы конец переговорам, причем ответственность за их разрыв не упала бы на императора Наполеона. Одним словом, если бы он хотел не мира, а войны, то ему достаточно было бы хранить молчание. Он не захотел этого.

Он активно, умело, настойчиво вмешивался, стремясь умерить как исключительные притязания Англии, так и корыстные расчеты Австрии. Свое посредничество он употребил не только для того, чтобы по мере сил содействовать восстановлению мира, но и для того, чтобы дать справедливое удовлетворение нашим непосредственным интересам.

Граф Валевский эту мысль его понял и осуществил ее с большим тактом и умением. На конференции я неоднократно замечал его стремление не вызывать неудовольствия английских уполномоченных, что об'яснялось ясно выраженным желанием Франции не порывать резко своих связей с Англией. Вне конференции, в наших доверительных беседах, он всегда выказывал настроение неизменно миролюбивое, я бы сказал, даже дружественное. К нам он всегда относился не как враг, а как пособник. Он сам употребил этот термин и соответственно держал себя в течение всех переговоров.

Позиция английских уполномоченных, как мне казалось, колебалась в зависимости от влияний то Лондона, то Парижа. С самого начала они предпочли бы прервать переговоры, а не довести их до конца. Продолжение войны было, повидимому, в то время более п о п у л я р н о, чем восстановление мира. Постепенно намерения английских уполномоченных претерпевали некоторые изменения, это об'ясняется чисто парламентскими соображениями. Лорд Пальмерстон, повидимому, убедился, что будет в состоянии удержать власть даже в случае заключения мира, если однако ему удастся доказать, что условия этого мира соответствуют ожиданиям страны. С этой целью лорд Кларендон приложил все усилия, чтобы добиться таких условий, которые могли бы польстить самолюбию англичан. Это особенно проявилось в той настойчивости, с которой он добивался провозглашения независимости черкесов, очищения нами фортов на азиатском побережьи, а также в его возражениях против сохранения нами арсенала в Николаеве. Эта тактика не дала ожидаемого результата. Он везде наталкивался на противодействие с нашей стороны, противодействие сдержанное, но твердое. С другой стороны, он не встретил у французского правительства, и, в особенности, лично у Наполеона, той помощи, на которую он надеялся. Разочарование, которое он испытал, привело его в смущение, а временами вызывало даже раздражение. Но как только он понял, что он не в силах изменить обстоятельства, он в конце концов им подчинился. Для оправдания своего поведения в глазах парламента ему придется удовлетвориться доводами, которые он почерпнет в актах конференции, причем значение достигнутых результатов будет им сильно преувеличено.

Граф Буоль, лишившись роли, какую он играл, будучи председателем венских конференций, не мог скрыть огорчения, которое ему причинило это падение его политического влияния. Более того, его видимо раздражают те отличия и тот прием, которые оказываются нам, а также те чувства симпатии, которые проявляются, как это он мог видеть, по отношению к представителю нашего императора при дворе, в свете и в армии. Это его беспокоит и создает неуверенность за будущее. Ему

кажется, что это является предзнаменованием более интимного сближения между Россией и Францией. Он знает, что Австрия ничего от этого не выиграет. Это предчувствие — вполне заслуженное наказание для этого государственного деятеля за содеянные им ошибки. Он в одно и то же время испытывает раскаяние за прошлое и боязнь за будущее. Под влиянием этих чувств он в последние дни выказывает как будто желание сблизиться со мной. Я жду первых шагов с его стороны. Я не буду его отталкивать, но не доверяю его искренности.

Уполномоченные Порты так ничтожны, что вызывают чувство жалости.

Таково, господин канцлер, правдивое описание положения. Можно с определенностью сказать, что близится мир. Мы с своей стороны сделали все возможное, чтобы добиться наиболее удовлетворительного результата, какой только оказался возможным, принимая во внимание то серьезное положение, в котором мы находились. Император сам будет судить, насколько нам удалось выполнить его предначертания и оправдать его доверие.

Примите и пр. Орлов.

Депеша графа Орлова Нессельроде, 11 марта/28 февраля 1856 г., № 32.

Господин канцлер.

Прения о линии бессарабской границы во исполнение статьи I венских прелиминарных условий открылись на пятом заседании, 6 марта.

Дабы поставить обсуждение на наименее невыгодную для нас почву, нам казалось полезным вынудить наших противников представить план разграничения ясно обозначенным на карте, оставляя за собою возможность изменить его, насколько то было в нашей власти, сообразно инструкциям императорского кабинета.

Наши противники, упорно отказываясь взять на себя инициативу, ограничились формальным заявлением, что линия, подлежащая проведению от Хотина до озера Сассык, достаточно определена текстом статьи I прелиминарных условий; что она должна итти по направлению горной цепи, пересекающей Бессарабию с севера на юго-восток; что этот план, предложенный Австрией от имени воюющих держав, был безоговорочно принят императорским кабинетом; что, следовательно, конференция не призвана возвращаться к соглашению, рассматриваемому ею как совершившийся факт.

Мы с твердостью оспаривали эту аргументацию. Мы установили, что речь идет не об обсуждении каждой из прелиминарных статей в отдельности; что переговоры составляют о д н о ц е л о е; что, обсуждая статью V, мы определенно оставили за собою право потребовать, чтобы было у ч т е н о данное от имени нашего двора эвентуальное согласие на возврат Карса; что мы сделали ту же оговорку в отношении невосстановления Бомарзунда; наконец, что наше согласие на эти условия станет окончательным лишь при условии, что нам будет дано справедливое удовлетворение по всем другим пунктам переговоров.

Эта дискуссия велась с обеих сторон с большим оживлением. Граф Буоль и лорд Кларендон обнаружили явное недоброжелательство. Граф Валевский воздержался от оказания нам активной поддержки.

Дебаты принимали оборот, который становился очевидно невыгодным для нас. Тогда мы сочли полезным внести предложение об отсрочке заседания. По нашей просьбе было решено, что в протоколе не будет упомянуто о начавшемся обсуждении впредь до того, пока оно не приведет к окончательному заключению. Таким образом мы избегли того

неудобства, чтобы категорические заявления наших противников были занесены в письменной форме, что могло бы составить препятствие к соглашению, более благоприятному для наших интересов.

Предлагая отсрочку, я получал ту выгоду, что имел возможность апеллировать непосредственно к императору Наполеону, чтобы побудить его оказать свое личное влияние на английского и австрийского уполномоченных, дабы склонить их притти к более справедливому соглашению с нами.

События оправдали эти ожидания. Император Наполеон оценил мотивы, заставившие меня прибегнуть к его непосредственному влиянию, и подал мне надежду, что оно будет использовано, дабы умерить требования Англии и Австрии. Но он не скрыл от меня, что обязательства, взятые им на себя перед этими двумя державами, не позволяют ему пойти так далеко, как бы он того желал. Он в частности об'явил мне, что не в его власти высказаться за нас в вопросе об Измаиле. Но он добавил, что приложит все свои усилия, чтобы внести в предполагаемое разграничение исправления в наших интересах.

Эта беседа, о которой я уже имел честь дать отчет нашему августейшему государю, дала мне уверенность, что поддержку императора Наполеона можно в пределах возможного считать обеспеченной, и я поручил барону Бруннову представить на рассмотрение графа Валевского различные проекты разграничения, основанные на инструкциях императорского кабинета.

Ваше превосходительство найдете их на прилагаемых картах №№ 1, 2 и 3[25].

Рассмотрев их, император Наполеон поручил графу Валевскому поддерживать третий.

После этого было условлено с этим министром, что мы будем выставлять последовательно проекты №№ 1 и 2, дабы избежать видимости соглашения, достигнутого между нами изолированно, без ведома других членов конференции. После отказа принять первые два проекта, граф Валевский представил бы и поддержал третий.

Этот план был согласован между нами 7 марта, накануне шестого заседания.

К моему большому сожалению, эта комбинация встретила упорное сопротивление со стороны уполномоченных Австрии и Англии. Перед тем, как итти на конференцию, граф Валевский имел с ними очень оживленное об'яснение. Правда, они отказались от первоначальной австрийской трассы; они отказались от претензии на проведение прямой линии от Хотина до озера Сассык; но они не захотели дать свое согласие на проект № 3, который было поручено поддерживать графу Валевскому.

Вместо этой комбинации они выдвинули два новых плана.

Первый имел бы исходной точкой Липканы и оттуда по прямой линии, проведенной через страну, в направлении к озеру Сассык.

На случай, если бы этот первый проект встретил с нашей стороны непреодолимое сопротивление, они договорились с графом Валевским предложить нам вторую линию, начинающуюся в окрестностях Гуша в Молдавии и доходящую до озера Сассык.

Принимая этот план, уполномоченные Англии и Австрии настаивали однако на необходимости мотивировать отказ от первоначальной трассы, и предложили с этой целью, в виде компенсации, продлить демаркационную линию за озеро Сассык, до озера Алеиби.

Эта компенсация, не имеющая никакой ценности, должна была послужить некоторым образом оправданием отказа австрийских и ан-

глийских уполномоченных от приведения в исполнение первоначальной трассы, указанной в прелиминарных условиях.

Перед заседанием граф Валевский поставил нас в известность относительно изменения, которое он вынужден был внести в план действий, согласованный с нами накануне.

Либо желая облегчить нашу задачу, либо по забывчивости, он совершенно упустил пред'явить на конференции первый австро-английский проект, имеющий своим исходным пунктом Липканы. Он перешел прямо ко второму проекту, идущему от Гуша.

Это упущение вызвало очень резкие возражения со стороны лорда Кларендона. В протоколе не упоминается об этом инциденте. Я должен просто отметить это обстоятельство для большей точности моего рассказа.

С той же целью я представлю на рассмотрение императорского кабинета различные планы разграничения, скомбинированные нашими противниками.

№№ 4, 5, 6.

В первом из них указана демаркационная линия, которая должна была бы являться полным исполнением статьи I прелиминарных условий, начиная от окрестностей Хотина и до озера Сассык.

Здесь я должен отметить, что, по свидетельству графа Валевского, выражение — о к р е с т н о с т и Х о т и н а — первоначально скрывало за собою заднюю мысль австрийцев включить и крепость Хотин в п р е д е л ы молдавской границы. Расчет, на котором основывался этот проект, очевиден. Он бесспорно имел задачей обеспечить военную позицию Австрии по соседству с Буковиной. Результат, которого мы достигли, разоблачив эту заднюю мысль и сохранив нашу границу с этой стороны, императорский кабинет оценит по всей справедливости.

Второй австро-венгерский проект, идущий от Липкан, перерезал бы наш торговый путь между Бельцами и Скулянами и оттуда — на Кишинев. Кроме того, он отнял бы у нас плоскогорье Могура, которое в наших инструкциях указывалось, как имеющее важное значение для оборонительной системы страны.

Наконец, третий проект, от Гуша до озера Сассык, был направлен на то, чтобы отнять у нас почти целиком наши болгарские колонии и разделить пополам часть наших немецких колоний [26]; они отмечены на карте, которою нас снабдил императорский кабинет.

В виду этих соображений мы пришли к мысли о необходимости не высказываться на конференции относительно нового плана разграничения, не запросив предварительно решений императорского кабинета.

С этой целью я имел честь направить вашему превосходительству телеграфную депешу от 8 марта/25 февраля.

Ответ поступил ко мне 11 марта/28 февраля [27].

Тем временем император Наполеон, узнав о результате заседания 8 марта, без обиняков высказал испытываемое им неудовольствие. Он обратился по этому поводу к графу Валевскому с собственноручным письмом. Министр обещал мне его прочесть после подписания мира. В письме ему предписывалось вернуться к трассе, указанной на карте № 3.

В частной беседе в Тюльери, 9 марта, император был так добр сообщить мне о своих положительных намерениях по этому вопросу. В тот же вечер его величество высказал их лорду Кларендону и графу Буолю.

Это прямое вмешательство решило, смею думать, вопрос в нашу пользу. Мы имели случай убедиться в этом по явно смягчившейся, я сказал бы, почти униженной, позиции наших противников.

Принимая предложенную нами линию № 3 и отказываясь от своей трассы № 6, они принялись мелочно торговаться, чтобы получить наше согласие на два изменения.

1. Вместо того, чтобы исходить, как мы предложили, из того места, где Сарацика впадает в Прут, они потребовали, чтобы линия была проведена от Катимор на Пруте и доходила до Сарацика. Минимальная разница, вытекающая из этого изменения, указана на карте № 7.

2. Они предложили продлить линию от озера Алеиби до озера Бурна-Сола. Это изменение тоже отмечено на карте № 7. Со своей стороны, мы позаботились исправить ныне проектируемую линию так, чтобы сохранить обладание Болградом, указанным в наших инструкциях в качестве центра наших болгарских колоний. Наши противники согласились с этим предложением, не понимая, мне кажется, значения этого согласия.

После установления этой трассы в заседании 10 марта, я заявил, что принимаю ее под условием одобрения моим двором.

Я имел честь просить о нем моей телеграфной депешей, написанной тотчас же по окончании заседания.

Резюме, которое я представил императорскому кабинету, дает вам отчет, г. канцлер, о крупных трудностях, с которыми нам пришлось бороться, об упорстве, с каким мы боролись с ними, и наконец о результатах, которых мы добились для уничтожения большей части плана разграничения, составлявшего одну из основ прелиминарных условий, уже принятых императорским кабинетом.

Сравнивая первоначальную австрийскую линию с той, к которой мы пришли, благодаря труду, рвению и упорству, вы изволите заметить, что наши усилия не остались без результатов.

Первый и важнейший из них — это то, что мы заставили Австрию отступить от плана, который, доводя молдавскую границу до Хотина, лишал нас территории, соприкасающейся с Буковиной.

Второй результат тот, что осталась неприкосновенной наша граница вдоль Прута до Катимор.

Третий состоит в ограждении от всякого посягательства на торговый путь, который наши инструкции предписывали нам рассматривать, как главную артерию внутреннего процветания Бессарабии.

Четвертый обеспечивает нам не только стратегическую позицию Могура, но сверх того, полное обладание цепью высот, которая пересекает северную часть и центр Бессарабии и которую австрийский план стремился отнять у нас.

Наконец, пятый результат наших усилий состоит в сохранении большей части наших болгарских колоний, включая их центр Болград, и в сохранении в неприкосновенности всех наших немецких колоний.

Эти соображения дают нам основание надеяться, что, несмотря на несовершенство линии, представляемой в настоящее время на одобрение императорского кабинета, она имеет, по крайней мере, то достоинство, что она лишила наших противников двух третей территории, на которую они уже смотрели, как на свою, в виду нашего согласия на прелиминарные условия.

Они поминутно выдвигали этот аргумент, упрекая нас в возвращении снова к соглашению, на которое уже дано нашим кабинетом принципиальное согласие. Несмотря на эту невыгодность нашего положения, мы принудили наших противников отступить шаг за шагом,

заставив их отказаться от их плана и подписаться в конце концов под нашим.

Когда будет получено утверждение императорского кабинета, то главные трудности, которые мы должны были разрешить, окажутся улаженными, и заседания конференции приблизятся к концу. Граф Валевский смотрит на это, как на дело ближайшего будущего. Он указал нам на 20/8 марта, как на день, предполагаемый императором Наполеоном для подписания мирного договора.

Примите и пр. Орлов.

Нессельроде графу Орлову, 15/3 марта 1856 г.

Государь император с большим интересом прочитал ваши подробные донесения от 2 марта/19 февраля, а равно и последующие телеграммы, в которых вы даете отчет о переговорах.

Наш августейший государь не мог не одобрить направления, которое вы придали ходу переговоров, заручившись благорасположением и поддержкой императора Наполеона. Такое же одобрение государя заслужили искусство и твердость, с которыми ваше превосходительство и ваш коллега так умело отстаивали, среди постоянно возникающих трудностей, порученные вашей защите жизненные интересы.

Для того, чтобы дать вам возможность и дальше итти по избранному вами пути и чтобы облегчить ваши сношения с императором Наполеоном, одновременно посылается вам другая депеша, также доверительная, но тем не менее предназначенная для прочтения, если это может оказать пользу для дела, графу Валевскому или даже самому императору Наполеону. Во всяком случае вы почерпнете из нее указания относительно ответа, какой вам надлежит дать на затронутые вопросы.

Из переданных вами слов императора Наполеона, мы должны вывести заключение, что одной из причин, побудивших его твердо взять в свои руки дело восстановления мира, была надежда на установление более близких отношений с Россией.

Итак, думается нам, что чем больше будем мы поддерживать в нем веру в успех этого, тем сильнее будет его желание предотвратить неудачу переговоров из-за тех непредвиденных затруднений, которые, быть может, поднимет Англия.

Для того, чтобы вы могли при случае действовать в этом смысле, мы считаем необходимым дать вам здесь несколько дополнительных указаний.

В конфиденциальной беседе с вами по вопросу о пересмотре венского трактата император Наполеон вскользь упомянул лишь об Италии и Польше. Мы думаем однако, что не эти два вопроса являются истинными мотивами, по которым он желал бы этого пересмотра. Не следует ли скорее искать эти мотивы в желании укрепить положение своей династии, как внутри страны, так и вне ее, добившись устранения из венского трактата особых статей[28], оскорбительных для Франции и семьи Бонапартов.

Предоставляем вашему превосходительству выяснить, до какой степени это наше предположение основательно.

Если же оно подтвердится, вам предоставляется самому решить, насколько может способствовать успеху переговоров намек с вашей стороны, что мы благожелательно относимся к этому вопросу.

Примите и пр.

Нессельроде.

Депеша графа Орлова Нессельроде, 1 апреля/20 марта 1856 г., № 61.

Господин канцлер.

Весьма доверительная депеша вашего превосходительства от 15/3 марта предоставила мне самому решить, может ли способствовать успеху настоящих переговоров намек, сделанный нами французскому кабинету, о поддержке, которую мы готовы оказать в вопросе об уничтожении особых статей 1814 и 1815 гг., оскорбительных для Франции и семьи Бонапартов.

Однако в течение мирных переговоров, которые ныне уже привели к заключению мира, мне не пришлось воспользоваться свободой действий, предоставленной мне в этом отношении.

Если бы и сейчас еще шла речь об этом, то мне думается, что инициатива, проявленная нами в этом вопросе, будет иметь в глазах Франции даже больше значения после заключения мира, чем если бы это имело место с нашей стороны до окончания мирных переговоров.

По странному совпадению комбинация, о которой шла речь в депеше от 3 марта, также возникла и у венского кабинета. Граф Буоль сказал мне доверительно об этом за несколько дней до подписания трактата.

Я ему ответил, что намерения Вены в этом отношении совершенно совпадают с намерениями императорского кабинета, если осуществление этой мысли выразится в форме акта, заключенного между сторонами, непосредственно заинтересованными.

Так как граф Буоль внушает мне чрезвычайно мало доверия, я не нашел возможным положиться на его точность при передаче им моих слов графу Валевскому.

Посему я и не преминул в дружественной беседе с графом Валевским коснуться этого вопроса, по природе своей весьма щекотливого. В беседе с ним я высказал наше желание открыто выразить наше доброжелательное внимание личности императора Наполеона и содействовать устранению тех статей в прошлых договорах, которые потеряли свое значение, как это неопровержимо доказывают современные события.

Граф Валевский принял это дружественное заявление с тем же доверием, каким оно само было проникнуто. Я не сомневаюсь в том, что он доложил о нем в этом именно духе е. в. императору. Впечатление, произведенное этим шагом, несомненно будет соответствовать тем доброжелательным настроениям, которые его продиктовали. Доказательство тому я вижу в тех знаках внимания и расположения, которые император Наполеон оказывает мне все больше с каждым днем.

С этой целью его величество изволил отложить до подписания мирного договора большой парад, который состоится сегодня на Марсовом поле. Император желал, чтобы я на нем присутствовал. Чувство тонкого такта подсказало ему, что мое положение военного не дозволяло мне присутствовать на параде: Франция пока еще находилась в войне с Россией. В свете было замечено внимание, оказанное мне. Смею обратить на это ваше внимание, так как оно является данью уважению, которое в данном случае император Наполеон проявил к чести русского мундира.

Примите и пр.

Орлов.

Записка * о политическом положении России после заключения мира [29].

Заключение мира создаст для России новое и щекотливое положение. Это положение обрисуется не сразу, ибо пройдет, вероятно, некоторое время, прежде чем материальные последствия мирного договора смогут быть оценены во всем их об'еме. Нейтрализация Черного моря является, например, неизвестным элементом, влияние которого не может быть с точностью определено заранее. Многое будет зависеть от обстоятельств; многое от бдительности и от искусства правительства. Моральные последствия мира поддаются оценке теперь же, ибо они вытекают из войны еще больше, чем из мира, который послужит лишь к большему их выявлению. Они заставляют предвидеть уменьшение преобладания России, а также престижа, окружающего эту державу. Ее будут меньше бояться, в чем не было бы вреда, если бы одновременно научились больше ее любить. Страх не есть чувство, которое следует стремиться внушать, он никогда не приносил пользы какому-либо государству, так как всегда носит в себе зародыши враждебной лиги и угрозу ближайшей катастрофы. В этом отношении Россия, можно сказать, отделалась счастливо, потому что коалиция, которой ей приходилось опасаться и которую она, возможно, могла предвидеть, не была ни столь всеобщей, ни столь опасной, какой бы она могла стать. Россия, избежав большой опасности, выходит однако из борьбы, умаленная в глазах общественного мнения и ослабленная в своей политической деятельности. Надо иметь мужество сознаться себе в этом результате, чтобы постараться найти средства, наиболее способные нейтрализовать последствия этого. Россия не может желать остаться бесконечно под ударом понесенной ею неудачи. Ей надо будет подумать о том, чтобы изгладить неблагоприятное впечатление, оставленное последними событиями, и потребовать для себя долю авторитета и влияния, принадлежащую ей по праву. В этом отношении не может быть расхождения во мнениях; взгляды могут расходиться лишь относительно средств к достижению этой цели.

Могут представляться и казаться заслуживающими предпочтения различные комбинации; но прежде всего надо сказать себе, что самая ловкая, самая глубокая комбинация не даст никаких результатов, пока она не будет основываться на внушительной материальной силе. Одна лишь численность армии не составляет такой силы; поэтому лишь тогда, когда потери, понесенные войной, будут восполнены, когда рессурсы страны окажутся развитыми и когда будут знать, что Россия в случае надобности готова выступить на арену,— лишь тогда она окажется в состоянии вернуть себе прежний авторитет. До тех пор она не могла бы взять на себя слишком ясно выраженной инициативы, не подвергаясь риску ухудшить свое положение. Ей надо уметь примириться и ждать; а так как подчиненная роль ей также не может подходить после того, как ей долго приходилось исполнять первую роль, то надо еще, чтобы она сумела стушеваться и изолироваться впредь до того момента, когда она будет иметь возможность возвысить свой голос с уверенностью в том, что ее будут слушать. Чем больше Россия проявит нетерпения, требуя

---

* Подлинник без заголовка и без подписи. На полях карандашом поставлена дата: «Март 1855 г.».

На лицевой стороне первого листа помета Александра II: «Я прочел эту записку с живейшим интересом и нахожу в ней мысли очень верные и делающие честь автору».

того влияния, которое ей должно принадлежать, тем больше будут склонны оспаривать его у нее. Наоборот, чем больше она проявит безразличия в этом отношении, или незаинтересованности в вопросах, которые будут возникать, тем больше будут стремиться прибегать к ее влиянию *.

А что еще больше должно побуждать Россию к сдержанности — это уверенность в том любопытном и мало-доброжелательном наблюдении, которому она будет подвергаться. Будут следить за всеми ее шагами, за всеми ее проявлениями, будут стараться толковать их на разные лады, задевать ее каждый раз, когда она будет давать повод к этому, принимая слишком повышенный тон. Мелкие державы будут, вероятно, наиболее рьяно показывать свою независимость по отношению к ней. Нет никаких мотивов уступать им в этом и вообще нежелательно, чтобы сопротивление видам России считалось делом легким. Лучшим, а в течение некоторого времени единственным средством избежать подобного сопротивления будет — не вызывать его и, следовательно, держаться в стороне. Итак, положение требует большой сдержанности, большого такта. Прежде чем думать о том, чтобы, так сказать, заявлять о своем присутствии, России придется рассеять остатки несправедливых предрассудков и раз'единить моральную лигу, которая, быть может, появится вслед за вооруженной лигой, против которой ей уже пришлось бороться. Ее политическая система будет сперва возможно более проста **, ибо она будет состоять в том, чтобы ее не иметь ***, не связывать себе рук, не выдвигаться вперед и сохранять свободу действия во всей ее полноте ****.

Моральная изоляция составит ее силу *****, ибо она будет добровольной; и как только увидят, что Россия не ищет никого и не нуждается ни в ком, ее будут со всех сторон побуждать выйти из этого положения. Как бы щекотливым не было это положение, во многих отношениях, оно все же не будет лишено выгод, так как великим благом является отсутствие связанности каким-либо обстоятельством и наличие свободы выбора ******. Эта свобода тем более драгоценна, что в настоящий момент не существует решения, которое было бы вполне хорошим. Политическое положение Европы недостаточно ясно и в результате заключения мира оно, вероятно, подвергнется изменениям. Начинается новая глава, и нельзя еще сказать даже, какое она будет носить заглавие.

Если при нынешних обстоятельствах, может быть, преждевременно принимать определенную политическую систему, то тем менее возможно возвращаться к системе, проводившейся до сих пор *******. Полезно убедиться в этом, чтобы противостоять влияниям, которые не преминут толкать в этом направлении. Этой системой была система солидарности. Она состояла в том, чтобы бесповоротно связать политику с принципом власти, чтобы поддерживать этот принцип вплоть до его крайностей, провозглашать его непогрешимость, подчинять ему все интересы, одним словом — установить тесную солидарность между правительствами и предоставлять им постоянную и безусловную

* Последние две фразы отчеркнуты и на полях помета Александра II: «Очень верно».
** Последняя фраза отчеркнута и на полях помета Александра II: «Да».
*** Последние слова подчеркнуты и на полях помета Александра II: «Это нет»
**** Против последних слов помета Александра II: «Да».
***** Против этой фразы на полях помета Александра II: «Однако без крайности».
****** Против этой фразы помета Александра II: «Совершенно несомненно».
******* Против последних слов помета Александра II: «Это также и мое мнение».

поддержку России. Так как этой последней не приходилось опасаться революционных потрясений, то для нее в этой солидарности не было никакой взаимности. Единственной выгодой, которую ей могла давать эта система, было то, что к словам России прислушивалась одна только партия или одна группа; да и эта выгода с полным основанием могла считаться проблематичной, так как она более чем уравновешивалась враждебностью всех остальных партий *. Невыгода же состояла в перенесении на Российское правительство моральной ответственности за ошибки и за малодушие других правительств. Каждая неудача, понесенная этими последними, являлась моральной и политической неудачей для России, осужденной служить пугалом, — она даже не оставляла себе возможности руководить этими правительствами и предотвращать их погибель. Осуждая их поведение, она даже в случаях явной нелойяльности побоялась бы нанести ущерб принципу. Она служила им, и только. Надо ли после этого удивляться, что общественное мнение дошло до приписывания влиянию и подстрекательству России всех произвольных или несправедливых актов правительств, а в конце концов и всех разногласий, возникавших между правителями и управляемыми. Россия таким образом совершенно отвратила от себя общественное мнение. Обеспечила ли она себе, по крайней мере, доброе расположение правительств? Ответ на это дали события. Требуя признания непогрешимости власти, становясь в позу защитницы этого принципа, во что бы то ни стало, Россия, очевидно, зашла дальше цели. Она стала фокусом всяческой ненависти, а в час опасности она оказалась покинутой как раз теми, относительно кого она думала, что может на них рассчитывать с полной уверенностью. Дело в том, что нет принципа, каковы бы ни были его абстрактные достоинства, который бы мог быть доведен до своих крайних пределов, не приводя к гибельным результатам. В этом отношении история показывает памятный пример на судьбе Испании, которая, в прошлом могущественная и разумная, оказалась в очень короткое время погруженной в невежество и ничтожество из-за того, что сделала себя олицетворением принципа власти в религиозной области и усвоила и применила у себя все вытекающие отсюда выводы. Принцип может быть хорош сам по себе, и может тем не менее привести, при слишком абсолютном применении, к злополучным результатам по той простой причине, что несовершенны орудия, призванные дать ему преобладающее господство. Принцип власти в религиозной области, отданный в руки духовенства, стремящегося использовать его к своей выгоде, повел к умственному и материальному обеднению всех тех стран, которые испытали его **. Принцип власти в политической области, предоставленный в конечном счете применению и усмотрению агентов власти, привел бы к таким же последствиям.

Эта система — бесплодная по своим результатам, так как она не помешала революциям разыграться, если отчасти даже не вызвала их, ожесточив умы более, чем сдержав их; эта система, делавшая добрые и честные правительства солидарными с правительствами, не бывшими ни добрыми, ни честными, и отбрасывавшая на всех то неуважение, которое могло быть заслужено только одним из них; эта система ока-

---

* Против последних слов помета Александра II: «И мы имели достаточно доказательств этого».

** Вся последняя фраза подчеркнута и на полях помета Александра II: «Пусть это служит нам уроком».

зала самое прискорбное влияние на политику России, так как она помешала ей взять на себя ту роль, на которую ее призывали и ее положение, и потребности общества. Эта роль есть роль морального арбитра, которую никакая другая держава не могла бы осуществлять с таким же успехом, как Россия, ибо ни одна из них не имела средств для того, чтобы в той же степени быть умеренной и справедливой *. Очевидно эта роль представлялась императору Александру I, когда был задуман священный союз, но ему очень скоро извратили его идеал, и он отшатнулся от него. Австрия, которой, повидимому, суждено быть злым гением России, постаралась вовлечь ее во все крайности выдуманной ею солидарности. Предоставленные ее внушениям, мы сами работали над тем, чтобы лишить нас самой великой и одновременно самой спасительной роли, которую какой-либо державе может быть дано выполнить, ибо эта роль пошла бы на пользу порядку, дав ему авторитет моральной силы, который во всяком случае был бы более действенным, чем периодические зажимы, за которыми регулярно следуют каждый раз все более сильные взрывы.

Говоря политически, больше всех потеряла Россия, дав себя вовлечь в эту систему солидарности. Можно сказать, что все осуждает эту систему. Она осуждена событиями, раз революционный дух под ее властью лишь возрос. Она осуждена тем злом, какое она причинила России. Она, сверх того, осуждена общественным сознанием. Кроме того, она стала невозможной со времени измены Австрии. Союз с этой державой при нынешних обстоятельствах был бы морально-чудовищным, а эта система требует большего, чем союз **.

Может ли тройственное единение, являвшееся как бы символом этой системы, быть в настоящее время заменено другой политической комбинацией? Какого союза должна искать Россия, и есть ли союз, который мог бы подходить для нее при нынешнем положении вещей? Существует сильно выраженная тенденция в пользу союза с Францией. Надо ли желать его? Едва ли. Эта тенденция является в конце концов лишь выражением общего и естественного желания взять яркий и быстрый реванш после перенесенной неудачи. Между тем нетерпение и поспешность были бы самой большой ошибкой, какая только могла бы быть совершена. Это было бы самым верным средством не достигнуть цели. До тех пор, пока нет готовности итти до конца, следует иметь мудрость воздерживаться, и бесконечно лучше пропустить случай, кажущийся удобным, чем подвергнуться риску затеять предприятие, которое нет уверенности довести до благополучного конца. Преждевременный союз с Францией мог бы заставить Россию связать себя раньше, чем для того наступит время ***.

---

* На полях против последней фразы, повидимому, рукой Нессельроде вписано: «Эта часть меморандума мне представляется немного утопичной. Моральный арбитраж есть расплывчатая идея, эластичность которой может увлечь. Не следует становиться в позу арбитра; но следует ждать, чтобы арбитраж был призван. Россия имеет огромные дремлющие силы. Это связанный силач. Святые намерения императора разовьют и освободят эти силы. Подождем пока это будет сделано, тогда мы сможем говорить голосом России»

Вслед за этим пометa Александра II: «Это также и мое мнение».

** Против последних слов помета Александра II: «Да».

*** Против этого места на полях, повидимому, рукой Нессельроде вписано: «Конечно, надо быть осторожными и сдержанными с Францией и обеспечить себе свою собственную деятельность согласно русским интересам. Но было бы неосторожно пренебрегать представляющимся случаем. Тот, который не был бы с нами или который, по крайней мере, не рассчитывал бы на нашу моральную поддержку в определенных обстоятельствах, обращался бы против

Так как Россия еще не будет в состоянии воспользоваться событиями в той же степени, как Франция, то этой последней выпала бы первая роль, а между тем России, в особенности после последних событий, не следует появляться на вторых ролях. Очевидный интерес России состоит в том, чтобы ждать, чтобы дать наступить событиям и не искать союза ни с Францией, ни с какой-либо другой державой *.

Политическая система, как она сложилась в Европе, делает бесполезным и лишенным разумного основания всякий союз, который не был бы заключен с какой-либо специальной целью. Желать заключить его с общей и неопределенной целью, значит рисковать стать орудием того союзника, который имел бы твердую цель. Такова была бы вероятно судьба союза с Луи-Наполеоном. Чем меньше Россия будет проявлять свое нетерпение и свое желание найти себе союзников, тем легче ей будет иметь их **. Россия совершенно свободна в своем выборе. Она не имеет обязательств перед какой-либо державой, даже перед Пруссией, которая несомненно оказала ей услуги, но которая в своем поведении руководствовалась меньше чувством симпатии к России, чем своим антагонизмом по отношению к Австрии ***. Пруссия не имела смелости, даже если она того желала, стать на сторону России и эта последняя ничего не должна ей большего, чем взаимное доброжелательство ****.

Если посмотреть на последние события беспристрастно и без предвзятости, то легко убедиться, что понесенная Россией неудача имеет главным образом моральный характер *****.

Ей пришлось уступить потому, что она была покинута всеми, что мнение всех стран высказалось против нее. Война была делом общественного мнения, и продолжалась, пока это последнее оставалось враждебным. Россия проиграла партию именно на моральной почве и сможет обратно выиграть ее лишь на этой же почве. Это ей может удасться лишь при условии, что за нее будет общественное мнение. В наше время нельзя безнаказанно пренебрегать им. Можно плохо отзываться о нем, можно находить его ложным, лживым, каковым оно часто является; отрицать же его могущества нельзя. Правительства имеют настоящую моральную силу лишь тогда, когда они могут опираться на него. Это верно не только для настоящего времени, но теперь в этом отдают себе отчет лучше, чем в былые времена. Если Екатерина II могла совершить великие дела, то именно потому, что она с'умела завоевать общественное мнение. Если Александр I был одно время арбитром Европы, то потому, что поддерживался общественным мнением. Если император Николай мог с успехом провести войну 1829 г., то потому, что общественное мнение было

нас, особенно, когда дело идет о столь авантюристическом уме, как Луи-Наполеон». Вслед за этим помета Александра II: «Да, но нам надо остерегаться авантюристических склонностей Луи-Наполеона, на которые мы уже имеем некоторые указания».

* Против последних слов на полях вписано рукой Нессельроде: «Такое государство, как Россия, не может политически находиться между небом и землей.— Я избегал бы термина с о ю з, так как он слишком связывает, но доброе и серьезное с о г л а с и е, которое поддерживало бы надежду на содействие, не давая уверенности в нем». Вслед за этим помета Александра II: «Да».

** Помета Александра II: «Очень верно».

*** Помета Александра I: «Это истина».

**** Против последних слов на полях вписано рукой Нессельроде: «Но очень искреннее. Великий монарх сохраняет даже память о полууслугах, оказанных во время несчастья». Вслед за этим помета Александра II: «Да».

***** Помета Александра II: «Совершенно согласен».

подготовлено и желало ее. Дело, разумеется, не в том, чтобы платить пенсии философам, как делала императрица Екатерина; дело также не в том, чтобы добиваться симпатий публики, чтобы делать себя рабом общественного мнения и отдаваться всем течениям. Было бы мало пользы в том, чтобы нанимать журналистов, создавать преданные газеты; все это лишь мелкие средства, которые сами по себе будут всегда недостаточны. Общественное мнение даст завоевать себя только теми же самыми средствами, которые могли бы обеспечить России положение арбитра и которые еще и теперь могут сделать это возможным. Как политическое, так и моральное положение Европы не переставало благоприятствовать установлению морального авторитета; можно даже сказать, что оно требует его. Луи-Наполеон чувствует наличие этой потребности и очевидно стремится выставить себя в качестве наиболее полного, наиболее возвышенного выражения общественного мнения. Политический арбитраж может выпасть ему на долю, но ни истоки его власти, ни средства, которые он должен будет применять, чтобы удержаться, не позволят ему взять на себя роль арбитра в моральных вопросах, которые еще долго будут продолжать господствовать и давать событиям их окраску. Российский император один удовлетворяет всем условиям действительного арбитра, так как ему нет надобности рассматривать себя ни как судью, ни как сторону в вопросах, могущих волновать умы, и так как он более, чем какой-либо другой монарх, является незаинтересованным в вопросах исключительно европейской политики. Эта роль, повидимому, предназначена ему провидением, и он, несмотря на все свои усилия, не в состоянии от нее уклониться. Однако между прошлым и настоящим есть та разница, что в прежнее время эта роль некоторым образом навязывалась России, между тем, как сейчас надо будет ее подготовить с большим тактом и терпением. Пусть Россия устраивается так, чтобы всегда быть на стороне справедливости и правды, и она будет повелевать общественным мнением. Становясь выше страстей, будь то монархических или революционных, сдерживая тщеславие, она приучит мир принимать ее решения и, олицетворяя собою моральный авторитет, она больше сделает для дела порядка, чем потворствуя одной какой-либо партии*. Арбитраж предполагает всецело моральный авторитет, авторитет признанный, а не навязанный. От России будет зависеть обладать им тогда, когда она этого пожелает, и она найдет в нем славу и власть, равной которым не было в истории.

Случаи для осуществления этого арбитража либо на политической, либо на моральной почве не могут быть созданы по желанию. Надо уметь выжидать их, предчувствовать и использовать их. При нынешнем состоянии Европы эти случаи однако не могут замедлить представиться, и более чем вероятно, с одной стороны, что политические осложнения наступят на Западе, с другой,— что религиозный гнет, за отсутствием революционных страстей, вскоре посеет смятение в умах. Наступление католицизма еще не дошло до своего предела, и оно не преминет повлечь за собою сильную реакцию.

В обстановке настоящего момента России, таким образом, не приходилось бы высказываться за какую-либо политическую систему** или, скорее, за какую-либо систему союзов. Она не откажется от свободы действий, приобретенной ею столь дорогою ценою, для того, чтобы

---

* Против последних двух фраз помета Александра II: «Очень верно».

** Против последних слов на полях вписано рукой Нессельроде: «Высказываться — нет, т.-е. не выставлять на показ; но конечно иметь ее, притом вполне отчетливую, которую император сохранял бы в тайном святилище своей мысли». Вслед за этим помета Александра II: «Да».

пойти на обманчивые или недостаточные союзы. Она сделает так, чтобы всегда быть на стороне справедливости и, следовательно, на той стороне, которая в конце концов всегда одержит победу. Привыкнут итти за нею, так как она будет всегда права *, и арбитраж образуется силою вещей и незаметно. Этот арбитраж она сможет затем поставить на службу своих интересов, если она найдет это нужным, и будет уверена в том, что восторжествует.

Нессельроде графу Орлову, 17/5 апреля 1856 г.

Мирный договор, заключенный в Париже, положив конец войне и, следовательно, коалиции, образовавшейся против России, оставляет нас — не надо скрывать это от себя — в неизвестности относительно наших будущих политических отношений.

После испытаний пережитого кризиса России нужно собраться с силами и стремиться к тому, чтобы исправить бедствия войны совокупным развитием своих внутренних рессурсов.

В течение неопределенного периода времени внешняя политика России должна содействовать выполнению этой спасительной и благодетельной задачи, устраняя возникновение каких-либо препятствий извне.

Эта идея и должна быть по необходимости положена в основу нашей политики, и на ее осуществление должны быть направлены усилия всех агентов императора.

Какой бы простой ни казалась эта задача, она не будет легкой. Россия находится в новом положении по отношению к Европе. Кризис, пережитый ею, глубоко видоизменил ее прежние отношения.

Союз трех северных дворов, который так долго служил противовесом союзу морских держав, порвался. Поведение Австрии разрушило тот престиж, благодаря которому этот союз импонировал Европе.

С другой стороны, Швеция на севере, Турция на юге оказываются по отношению к нам в новых и щекотливых условиях.

Англия, наш настоящий и упорный противник, выходит из этой войны с чувством недовольства и озлобления.

Причины, вызвавшие коалицию, продолжают существовать.

Единственной для нас охраной против возобновления осложнений, которым ныне положен предел заключением мира, и для обеспечения для нас передышки, в которой мы нуждаемся внутри, является благоприятное отношение императора Наполеона. На сохранение его и должны поэтому быть направлены все наши усилия, однако без вовлечения нас в предприятия, пойти на которые проявил бы склонность монарх Франции.

Вашей позицией в Париже, ваше превосходительство, вы заложили первые основы этой политики. Наш августейший государь оценил твердость, с какой, согласно вашей телеграфной депеше № 72[30], вы отклонили обсуждение на конференции всего, что касается польского вопроса, и сдержанность, которую вы сохранили в том, что касается Италии. Мы ожидаем дальнейших раз'яснений, которые ваше превосходительство представите нам, чтобы судить, до какой степени мысли, выраженные графом Валевским, совпадают с проектами, которые будут исходить от Наполеона. В настоящий момент они, как нам кажется, направлены на идею укрепления его династии.

* Против последних слов на полях вписано рукой Нессельроде: «Какой человек может надеяться на это. Стремиться к этому — конечно». Вслед за этим помета Александра II: «Да будет угодно богу, чтобы это было так».

В виду этого император не может не одобрить того, как вы использовали свободу действий, предоставленную вам конфиденциальной депешей от 15/3 марта, о чем вы дали отчет в донесении № 61. Его величество предоставляет вам самому судить, целесообразно ли уже в настоящее время обратиться к мысли об устранении из соглашений 1814 и 1815 гг. постановлений, касающихся семейства Бонапарта, или же было бы лучше оставить этот акт восстановления в качестве перспектив на будущее.

В первом случае его величество не возражал бы против того, чтобы, если на этот счет состоится соглашение с другими державами, вы приступили к подписанию декларации по этому поводу до вашего от'езда из Парижа.

Другим предметом, который его величество поручает вашим заботам, являются отношения Франции с Пруссией. Мы конечно не можем предать забвению тот факт, что из всех великих держав это — единственная держава, которая нам не была враждебна. С Россией ее связывают непосредственные интересы, и мы думаем, что каковы бы ни были наши отношения с Францией в будущем, они выиграли бы, опираясь на этот союз. Впрочем примирительные настроения, проявленные в последнее время со стороны Тюльери по отношению к этой державе, повидимому, подтверждают только-что высказанное здесь мнение.

Ваше превосходительство, имея лучшую возможность оценить это на месте, с'умеете ознакомиться с намерениями французского правительства по этому поводу и сообразно с этим согласовать свои заявления и выступления.

Примите и пр. Нессельроде.

Депеша графа Орлова Нессельроде, 30/18 апреля 1856 г., № 86 *.

Валевский дал мне знать о гарантийном договоре, заключенном 15/3 сего месяца между Австрией, Францией и Англией во исполнение обязательства, сообща принятого на себя названными державами в силу меморандума, подписанного в Вене 14 ноября прошлого года; этот акт предназначен оградить Турцию от всякого посягательства в будущем на ее независимость и целость. Подобная комбинация уже в прошлом году предвиделась нашим кабинетом, причем не в нашей власти было расстроить ее. Теперь, когда она осуществилась, я считаю долгом сообщить вашему превосходительству, как только я узнал о ней. Я потребую от французского кабинета сообщения мне текста подписанного им договора, дабы устранить из наших отношений в будущем всякую видимость недоброжелательной скрытности. Французский кабинет поступил бы более дружелюбно, если бы осведомил нас об этом за полмесяца вперед, и я не премину доложить об этом лично императору Наполеону. Однако, ставя ему это в вину, я должен добавить, что если бы у него и была недоброжелательная задняя мысль, он легко мог бы уклониться от признания перед нами. Если не ошибаюсь, Австрия и Англия, вероятно, выдвинули эту комбинацию нарочно с целью скомпрометировать перед нами Францию и тем самым испортить наши отношения, проявление сердечности которых уже начинало беспокоить венский и лондонский дворы. Мой курьер доставит вашему превосходительству самые полные подробности об этом инциденте, о котором спешу известить вас сейчас же. Орлов.

* В подлиннике помета Александра II: «Это поведение Франции по отношению к нам не очень лойяльно и должно служить нам мерилом степени доверия, которое может нам внушать Л.-[Наполеон]».

Депеша графа Орлова Нессельроде, 1 мая/19 апреля 1856 г., № 91.

Господин канцлер.

Барон Бруннов накануне своего от'езда в Лондон для выполнения миссии, возложенной на него императором, имел доверительную встречу с графом Валевским. Последний воспользовался этим случаем, чтобы просить его впервые передать мне сообщение о соглашении, заключенном 15/3 апреля между Австрией, Францией и Великобританией со сцециальной целью гарантировать независимость и целостность Оттоманской империи. Сущность об'яснений, которые пожелал дать граф Валевский, с целью мотивировать происхождение и уточнить предмет этого соглашения, изложена в прилагаемом резюме.

Я получил эти сведения в тот момент, когда мой курьер был уже готов к от'езду. Я тотчас же поспешил известить об этом ваше превосходительство моей телеграфной депешей, дубликат которой здесь прилагается.

Позволю себе к этому добавить следующие соображения, которые возникли у меня после продуманной оценки инцидента, сообщенного мне столь неожиданным образом.

Сама по себе комбинация, согласованная между Австрией, Францией и Великобританией, не будет иметь для императорского кабинета ничего неожиданного.

Уже прошлым летом князь Горчаков указывал вашему превосходительству на ее первые зачатки.

Со своей стороны императорский кабинет признал, что не в нашей власти было бы воспрепятствовать трем державам заключить отдельно между собой обязательство, имеющее целью обставить специальной гарантией сохранность Оттоманской империи. Получив в Вене, еще в ноябре 1855 г., предварительную санкцию, теперь это обязательство облечено в форму договора.

Лондонский и венский кабинеты, приводя в исполнение эту идею, без всякого сомнения видели в ней ту выгоду, что, с одной стороны, она укрепляла союзные связи, начинавшие ослабевать, с другой — компрометировала перед нами Тюльери с целью, по возможности, создать препятствия непосредственному сближению между Россией и Францией.

Идея подобной политической комбинации конечно не нова. В данном случае гр. Буоль, вероятно, использовал традиции, шедшие из недр венской канцелярии, где покоятся останки Тройственного союза, который возник в 1814 г., во время венского конгресса [31], благодаря изворотливому уму кн. Меттерниха и г. Талейрана. Но пытаясь подражать примеру устаревшей политики, принадлежащей к исчезнувшей эпохе гр. Буоль должен был бы не забывать, насколько непрочна была эта комбинация. В особенности он должен был бы вспомнить, как почившему императору Александру I удалось расстроить узкие расчеты своих противников, предав их великодушному, но презрительному забвению, когда секрет Тройственного союза попал в его руки.

Этот великий пример великодушной, а потому мудрой политики, встанет, в этом я уверен, перед умственным взором нашего августейшего государя, когда он узнает о факте, о котором мне довелось узнать спустя немного дней после того, как он совершился.

Граф Валевский, решившись рассказать об этом барону Бруннову, обнаружил смущение, смешанное с унижением. Он пытался умалить роль Франции в этой комбинации, подчеркивая, что она восходит к ноябрю 1855 г., т. е. ко времени, когда тюльерийский кабинет не имел

никакой надежды на улучшение непосредственных отношений между Францией и Россией. В настоящее время, под влиянием новых обстоятельств, которых совершенно нельзя было предвидеть, если только гр. Валевский правильно передал свои впечатления, у императора Наполеона явились серьезные колебания на счет выполнения по отношению к Австрии и Англии обязательства, взятого им на себя в Вене в прошлом году в тревожной обстановке. Он, наконец, решился пойти на это под влиянием неоднократных настояний обоих союзных дворов, единственно, дабы не навлечь на себя упрека в нарушении данного им слова.

Какого бы доверия ни заслуживал этот рассказ министра иностранных дел, барон Бруннов, взяв на себя передать мне его устное сообщение, не преминул дать ему почувствовать, что это доверительное сообщение должно было бы во всяком случае предшествовать подписанию договора от 15 апреля, а не следовать за ним.

Гр. Валевский обнаружил готовность сообщить нам самый текст этого договора, намеренно составленный без всякого упоминания о России, дабы не давать ей законного повода к недовольству Францией за подписание его в тот момент, когда эта последняя придавала первостепенное значение тому факту, что вступила по отношению к России на путь примирения, соответствующий действительным интересам страны.

После того, г. канцлер, как я дал отчет о совокупности обстоятельств, изложенных в настоящей депеше, мне остается указать позицию, которую я занял, не имея специальных инструкций нашего августейшего государя.

Я уверен, что встречу его одобрение за тон всегда правдивый и простой, но в то же время твердый. Я намерен воспользоваться своим первым свиданием с императором Наполеоном не для того, чтобы упрекать его за его неправоту, — да он и сам ее признал, — но для того, чтобы дать ему почувствовать последствия совершенной им ошибки. Я выскажу ему, что для того, чтобы отношения между монархами или между кабинетами стали дружественными, они должны быть основаны прежде всего на принципе постоянной откровенности и прямоты. Наш августейший государь со своей стороны подал пример этого. Я был верным выразителем его воли с самого начала переговоров, порученных нам. Я ничего не скрывал от императора Наполеона. Поэтому я был вправе ожидать, что по отношению ко мне и он проявит справедливую взаимность.

Не пред'являя обвинений, но и без излишней щепетильности, я представлю ему положение в истинном свете. Я не буду преувеличивать значение договора, который может быть сведен к нулю первым же стечением случайных обстоятельств. Но я скажу ему и то, что если его повседневная политика подвержена колебаниям, то все же доверие, которое монархи должны питать друг к другу, должно пребывать неизменно.

Я ограничусь этим предупреждением, выслушаю то, что он соблаговолит высказать мне в ответ, и в точности дам в этом отчет его величеству императору перед своим от'ездом из Парижа.

Примите и пр

Орлов.

Резюме *

14 ноября 1855 г., в Вене, представителями Австрии, Франции и Великобритании был подписан меморандум с целью определить порядок действий, согласованный между этими тремя державами в отношении восточного вопроса.

Первая статья этого акта устанавливала предварительные условия, которые венский двор обязывался предложить императорскому российскому кабинету в качестве основы будущих переговоров о мире. Эти условия находились при меморандуме в форме приложения. В случае, если они были бы отвергнуты в С.-Петербурге, Австрия обещала разорвать дипломатические отношения с Россией.

Вследствие этого разрыва она обязывалась согласовать с лондонским и парижским кабинетами вопрос об активном участии, которое ей надлежало бы принять в военных операциях.

Было условлено, что берлинский двор будет приглашен присоединиться к этому порядку действий, отозвав своего посланника из С.-Петербурга и согласовав затем с союзниками меры, подлежащие принятию против России для побуждения сей последней к заключению мира.

Венский меморандум содержал еще другие условия, содержание которых до сих пор неизвестно.

Последняя статья этого акта содержала следующее постановление: было условлено, что после подписания окончательного мирного договора, подлежащего заключению с Россией, австрийский, французский и великобританский дворы обязуются подписать между собой специальную конвенцию, с целью гарантировать поддержание независимости и целостности Оттоманской империи; заявить, что нарушение постановлений мирного договора будет рассматриваться тремя державами, как «casus belli», наконец установить, что в подлежащем случае договаривающиеся стороны условятся с Портой о мерах, долженствующих быть принятыми сообща для ограждения Турции от всякого посягательства.

Приводя в исполнение первое из условий меморандума от 14 ноября, венский двор начал с того, что сообщил императорскому кабинету предварительные условия, поставленные России.

Согласие на эти предложения открыло путь к парижской конференции.

Когда результатом последней явилось подписание трактата от 30/18 марта, то Австрия и Англия стали настаивать перед Францией на осуществлении последнего условия венского меморандума, а именно на заключении отдельного гарантийного договора в пользу Оттоманской империи.

Французское правительство сочло долгом не уклониться от исполнения этого, формально принятого в Вене, обязательства.

Вследствие этого через 15 дней после подписания общего мирного трактата, в Париже, во исполнение принятых ранее обязательств, было заключено отдельное соглашение между Австрией, Францией и Англией. Этот акт датирован 15/3 апреля. Он имеет своим предметом:

1) Поставить Турцию под общую гарантию трех договаривающихся держав.

2) Об'явить всякое нарушение мирного трактата от 30 марта как «casus belli» для названных держав.

---

* Приложение к предыдущей депеше.

3) Установить в подлежащем случае обязательство для них договориться с Портой о степени поддержки, долженствующей быть ей оказанной со стороны трех держав.

Французское правительство, подписывая этот отдельный договор, озаботилось тем, чтобы он был редактирован в общих выражениях, без упоминания о России, дабы не дать этой последней справедливого повода к неудовольствию.

Тем не менее французское правительство не могло не сознавать, что самое существование этого акта, если бы Франция пыталась окружить его тайной, могло бы представлять в глазах императорского кабинета недостаток прямоты со стороны французского правительства, когда об этом акте стало бы известно России.

Чтобы предупредить этот упрек, парижский кабинет счел, что не следует оставлять императорский кабинет в неведении относительно обстоятельств, побудивших Францию выполнить обязательство, вытекающее для нее из венского меморандума от 14 ноября, исполнения которого Австрия и Англия потребовали после того, как был заключен мирный договор.

Депеша графа Орлова Нессельроде, 3 мая/21 апреля 1856 г., № 92.

Имел у Наполеона аудиенцию, которой я не добивался. В интимном разговоре он сам затронул вопрос о секретном договоре. Он сказал мне, что сожалеет об обязательстве, взятом по венскому меморандуму, и в особенности о том, что был вынужден настояниями Австрии и Англии подписать договор, являющийся следствием этого меморандума, и который он признает бесцельным и не вызываемым необходимостью, так как, по его словам, общий договор предусматривает все возможные случаи. Я ответил, что мотив англичан и австрийцев очень ясен и заключается в попытке поссорить нас с Францией, чтобы предупредить возможность союза между обеими странами. Император добавил: «Когда я узнал через Валевского, что договор вам еще не сообщен, то я выразил ему свое недовольство этим, так как это похоже на хитрость, на которую я не способен. Я прошу вас уверить в этом вашего августейшего государя. Я впрочем приказал, чтобы вам сообщили все документы, о коих идет речь». Вследствие этого я буду завтра иметь свидание с Валевским. После прочтения этих документов я проверю то, что мне было сказано, и дам отчет об этом по телеграфу. Император был крайне милостив во время этой неожиданной аудиенции.

Орлов.

Депеша министра иностранных дел Горчакова графу Орлову, 4 мая/22 апреля 1856 г.

Телеграфной депешей вашего превосходительства от 30/18 апреля № 86 его величество был извещен о заключении гарантийного договора, подписанного 15/3 сего месяца между Австрией, Францией и Англией и предназначенного оградить Турцию от всякого посягательства в будущем на ее независимость и целостность.

Верно, что обязательство в этом смысле было принято тремя дворами меморандумом, подписанным в Вене 14 ноября прошлого года. Но это обязательство имело в виду совершенно другую ситуацию, чем та, которая открылась перед договаривающимися сторонами, благодаря миру, подписанному в Париже. В то время, при неизвестности относительно исхода войны, дело шло о том, чтобы достигнуть поставлен-

ных себе целей, в случае, если державам, участвующим в войне, не удалось бы договориться об урегулировании 3 пункта. При таких условиях конвенция между тремя дворами восполняла бы гарантии, которых не удалось бы создать на Черном море. При нынешних же обстоятельствах, когда наш августейший государь великодушно предоставил все, что нужно было для обеспечения независимости Турции, поскольку ей могли бы угрожать наши военные силы в этом море, подобная конвенция утратила всякое основание для своего существования.

Мне излишне сообщать вам о впечатлении, вынесенном из этого его императорским величеством. Оно вытекает из самой сущности вопроса.

Впрочем, каковы бы то ни были мотивы, побудившие Луи-Наполеона пойти на акт, столь мало совместимый с настроениями, проявляемыми им по отношению к нам,— вы отметили некоторые из них, которые наводят на след истины,— государь император не намерен делать этот акт, ввиду наличия совершившегося факта, предметом бесполезных обвинений. Его величество удовольствуется тем, что примет это как предупреждение и как преимущество для себя в случае надобности. Предупреждение,— поскольку мы черпаем в нем мотивы для большей сдержанности и осторожности при наших новых отношениях с французским правительством; преимущество, — так как если Луи-Наполеон, при развитии наших с ним отношений, будет пытаться увлечь нас в направлении своих авантюристических планов и могущих у него возникнуть вожделений, то воспоминание об этой конвенции должно заставить его поколебаться, причем умелый намек на ее существование доставил бы нашему представителю в Париже аргумент, который дан самим французским правительством и который не даст завлечь нас на пути, выходящие за пределы наших намерений и наших интересов.

Таково, г. граф, суждение, вынесенное нашим августейшим государем о конвенции от 15/3 апреля. Его величество поручил мне сообщить об этом вам.

Примите и пр.

Горчаков.

Примечания

1. Буоль — Шауэнштейн, граф, министр иностранных дел в Австрии с 1852 по 1859 г.

2. Эстергази, Валентин граф, австрийский посол в Петербурге с 1854 по 1859 г.

3. Четыре принципа или 4 пункта, выработанные Англией и Францией, после присоединения к ним Австрии, были пред'явлены России 4 августа 1854 г. Они включали следующие требования: 1) отказ России от протектората над Молдавией в Валахией, 2) свободное плавание по Дунаю 3) нейтрализация Черного моря (т. е. Россия теряла право держать там военный флот), 4) отказ от исключительного права покровительства православным подданным Турции. В ноябре 1854 г. Горчаков сообщил венскому кабинету о согласии Николая I принять эти 4 пункта и приступить к мирным переговорам.

4. В декабре 1854 г. начались переговоры по обсуждению условий мира. Первая «неофициальная встреча» представителей союзных держав и России состоялась 28/16 декабря, вскоре после подписания Австрией договора о союзе с Англией и Францией (2 декабря 1854 г.). Представителю России Горчакову был сообщен текст меморандума, составленного союзными державами, в котором первоначальные требования, пред'явленные России (см. предыд. примеч.), получили дальнейшее развитие. Во 2 пункте уже фигурировало требование об уступке Россией устьев Дуная. Содержание 3 пункта было расшифровано и прямо говорилось об уничтожении перевеса России на Черном море. На втором, уже официальном, заседании 7 января/28 декабря Горчакову удалось добиться некоторых уступок и наметить соглашение по принципиальным вопросам. Однако никаких положительных результатов переговоры не дали, и представители союзных держав были отозваны своими правительствами. Дальнейшие мирные переговоры возобновились после смерти Николая I и после того как Александр II подтвердил свое полное согласие принять 4 пункта за основу мирных переговоров.

Конференция вновь открылась 15/3 марта 1855 г. (так называемая вторая посольская конференция в Вене). Уже на предварительных совещаниях удалось достигнуть соглашения по первым двум пунктам. Затруднения начались при обсуждении 3 пункта, который был сформулирован французами в виде 7 условий; одним из этих условий было ограничение военного флота России на Черном море. Горчаков категорически отказался принять это условие, после чего конференция была прервана. Она возобновилась для обсуждения австрийского компромиссного предложения, которое заключалось в том, что Россия и Турция непосредственным соглашением между собой должны определить размеры своего военного флота в Черном море, но что он не должен превышать наличного количества там русских военных судов. Горчаков принял это предложение, но представители западно-европейских держав категорически отказались присоединиться к этой формулировке и об'явили свою миссию законченной.

На этот раз переговоры были окончательно прерваны. Они возобновились после падения Севастополя (8 сентября/27 августа), после того как Россия приняла ультиматум, пред'явленный Австрией (см. след. прим.).

5. К депеше приложено «австрийское коммюнике», содержащее 5 условий, пред'явленных союзниками России и составивших прелиминарные условия мира. Приводим текст этих условий:

I. Дунайские княжества.

Полная отмена русского протектората.

Россия не будет пользоваться никаким особым или исключительным правом покровительства или вмешательства во внутренние дела княжеств.

Княжества сохранят их преимущества и льготы под верховной властью султана, и султан, с согласия договаривающихся держав, утвердит в княжествах внутреннее устройство, сообразно с нуждами и желаниями народа.

Княжества, с согласия Порты, введут у себя постоянную оборонительную систему, в соответствии с их географическим положением; принятие ими чрезвычайных мер обороны в случае нападения на них не должно встретить никакого препятствия.

Взамен крепостей и земель, занятых союзными войсками, Россия соглашается на проведение новой пограничной черты с Европейской Турцией. Эта граница, исправленная в видах общих интересов, начнется в окрестностях Хотина, пройдет вдоль горной цепи по юго-восточному направлению до озера

Сассык. Пограничная черта будет окончательно определена мирным трактатом, а уступленная территория будет присоединена к княжествам под верховной властью Порты.

II. Дунай.

Свобода судоходства по Дунаю и его гирлам будет в полной мере обеспечена европейскими комиссиями, составленными из равного числа представителей от всех договаривающихся держав; частные же интересы прибрежных владений будут приняты во внимание на основании правил, определенных актом Венского конгресса по предмету речного судоходства.

Каждая из договаривающихся держав будет иметь право содержать по одному или по два легких морских судна у дунайских устьев, чтобы охранять свободу судоходства по Дунаю.

III. Черное море.

Черное море будет об'явлено нейтральным.

Открытый в него вход для торгового мореплавания всех народов воспрещается военным судом.

Посему там не будут ни заведены, ни оставлены никакие военно-морские арсеналы.

Покровительство торговых интересов всех народов будет обеспечено в соответствующих портах Черного моря учреждениями, сообразными с международным правом и установившимися обычаями.

Обе прибрежные державы условятся между собой на счет числа и силы легких судов, которые они будут содержать в Черном море для несения береговой службы. Конвенция, заключенная между ними по сему предмету, по предварительному принятию ее договаривающимися державами, приложится к общему трактату и будет иметь такую же силу и действие, как если бы она составляла неотделимую его часть.

Она не может быть ни уничтожена, ни изменена без согласия договаривающихся держав.

Закрытие Проливов допустит исключение в отношении стационеров, упомянутых в предыдущей статье.

IV. Христиане, подданные Порты.

Права и льготы христиан, подданных Порты, будут обеспечены без нарушения независимости и достоинства верховной власти султана.

Вопрос об обеспечении религиозных и политических прав христиан, подданных султана, будет обсуждаться между Австрией, Францией, Великобританией и Портой; по заключении мира Россия приглашена будет принять участие в этом обсуждении.

V. Особые условия.

Воюющие державы предоставляют себе право пред'явить на общую пользу Европы особенные условия, сверх четырех прежних.

6. Нессельроде, К. В., граф (1780—1862). Министр иностранных дел с 1822 по 1856. Государственный канцлер с 1844 г.

7. Горчаков, А. М., князь (1798—1883). В 1855 г. посланник в Вене. Назначен министром иностранных дел вместо Нессельроде 29/17 апреля 1856 г. С 1867 г. государственный канцлер.

8. Орлов, А. Ф., граф (1787—1862). При его непосредственном участии был заключен Адрианопольский мир. Первый уполномоченный на парижском конгрессе.

9. Швеция присоединилась к европейской коалиции 9 ноября 1855 г. Договор между Швецией и западными державами носил оборонительный характер. Западные державы должны были притти на помощь Швеции в случае нападения на нее России. Швеция, со своей стороны, обязывалась не уступать ничего из своей территории России, а также не предоставлять ей права рыбной ловли на своей территории и других привилегий.

10. 2 декабря 1854 г. Австрия под давлением Англии и Франции заключила с ними союзный договор. По этому договору западные державы должны были притти на помощь Австрии в случае нападения России на дунайские княжества (Молдавия и Валахия). Австрия же, занимавшая своими войсками эти княжества, обязывалась пропустить через них турецкие войска. По этому же

договору Англия, Франция и Австрия должны были совместно выработать условия для вступления в мирные переговоры с Россией.

11. Бруннов, Ф. И., граф (1797—1875). С 1839 г. занимал различные дипломатические посты. Второй уполномоченный на парижском конгрессе.

12. Пальмерстон, лорд, Генри-Джон (1784—1865). Известный английский государственный деятель. С 1830 по 1851 г. министр иностранных дел, а с 1855 г. до самой смерти почти без перерыва премьер-министр.

13. Приводим точный текст венского протокола.

«Присутствовали: представители России, Австрии, Франции, Великобритании и Турции.

Нижеподписавшиеся, вследствие принятия их дворами пяти предложений, перечисленных в прилагаемом документе, носящем название проекта прелиминарных мирных условий, после парафирования сего последнего, согласно полученным ими на то полномочиям, условились, что все правительства назначат своих представителей, снабженных полномочиями, необходимыми для подписания формальных предварительных мирных условий, для заключения перемирия и окончательного мирного договора. Вышепоименованные уполномоченные соберутся в Париже не позже чем через три недели, начиная с этого дня, или же ранее, если это будет возможно.

Вена. Подписано в пяти экземплярах.

1 февраля/20 января 1856 г.».

Текст приложенных здесь прелиминарных мирных условий см. прим. 5.

14. Бомарзунд — русская крепость на восточном берегу Аландских островов. Бомарзундские укрепления были разрушены союзными войсками в июне 1854 г.

15. В депеше от 5 января 1856 г./24 декабря 1855 г. Нессельроде пытался убедить австрийское правительство отказаться от двух пунктов австрийского ультиматума: статьи V (так называемые «особые условия») и статьи 1 в части, касающейся исправления бессарабской границы, т. е. отторжения от России около одной трети Бессарабии. Нессельроде указывал при этом, что взамен укреплений и территорий, занятых союзниками, Россия уступает Турции Карс, занятый русскими войсками.

16. Нессельроде имеет здесь в виду, повидимому, соглашение, которое было достигнуто на конференции в Вене (15/3 марта 1855 г.) по первым двум пунктам, причем тогда в 1 пункте не содержалось требования исправления всей бессарабской границы (см. примеч. 3 и 4).

17. Валевский, Флориан, граф (1810—1868), министр иностранных дел во Франции с мая 1855 г. Председательствовал на парижском конгрессе.

18. Кларендон, Джорж Вильерс, граф (1810—1870), министр иностранных дел в Англии, уполномоченный на парижском конгрессе.

19. Фульд, Ахилл, министр двора во Франции.

20. Линия фортов на восточном берегу Черного моря, так называемая Черноморская береговая линия, была оставлена Россией в начале 1854 г., как только союзный флот появился на Черном море. Гарнизоны были вывезены, укрепления взорваны.

21. В этой телеграмме Орлов сообщает, что англичане отвергли предложение русских о том, чтобы рассматривать уступку Россией Карса в качестве компенсации; что уступка части Бессарабии неизбежна и что русские уполномоченные прервали заседание и обратились к посредничеству Наполеона.

22. «Wixen» — английская шхуна, конфискованная с контрабандными товарами у кавказского побережья русскими крейсерами.

23. По Адрианопольскому миру, заключенному после русско-турецкой войны 1829 г., Россия получила все восточное побережье Черного моря от устья Кубани до порта св. Николая (статья IV). С.-Петербургская конвенция 1834 г. была заключена в целях урегулирования выполнения некоторых статей Адрианопольского трактата. I статья конвенции подтвердила и уточнила азиатскую границу России с Турцией, установленную IV статьей Адрианопольского трактата.

24. Лондонская конвенция о Проливах 1841 г. была подписана Турцией, Россией, Англией, Францией, Австрией и Пруссией и устанавливала закрытие Проливов (Босфора и Дарданелл) для военных судов всех наций как во время мира, так и во время войны.

25. К депеше приложены 7 карт, соответствующих различным проектам разграничения, обсуждавшимся в Париже. На каждой из карт обозначена часть Бессарабии, подлежащая отторжению от России. Первые 3 карты соответствуют трем проектам, последовательно выдвинутым Россией. Карты 4, 5 и 6— австрийские проекты. Карта № 7— принятый конференцией проект.

26. Болгары и немцы стали селиться в Бессарабии после присоединения ее

к России (в 1812 г. по Бухарестскому трактату). Болгарские колонии расположены были в юго-западной части Бессарабии, немецкие — в юго-восточной части (Аккерманский уезд).

27. В телеграмме от 8 марта/25 февраля Орлов, сообщая о третьем австрийском проекте изменения границ и о невозможности добиться дальнейших уступок, просит телеграфных инструкций. В ответной телеграмме от 11 марта/28 февраля Несельроде пишет: «Если все средства в переговорах вами исчерпаны, то соглашайтесь на разграничение по линии Гуш—Сассык и озеро Алибеи. Само собой разумеется, что ваши оговорки относительно Карса и Бомарзунда останутся в силе до окончательного урегулирования всех пунктов».

28. Венский трактат 1814 г. содержит около 20 статей, касающихся Наполеона и его династии. Первая из них заключает акт отречения Наполеона и гласит: «Е. в. Наполеон отказывается за себя и своих наследников и нисходящих потомков, равно и за каждого члена своей фамилии, от всякого права на верховную власть и господство как над французской империей и итальянским королевством, так и над всякой другой страной».

29. Мирный договор подписан 30/18 марта 1856 г.

30. В телеграмме от 8 апреля/27 марта № 72 Орлов сообщает о попытках поднять на конгрессе польский вопрос. Благодаря однако об'яснению Орлова с Наполеоном и Валевским в духе его первой беседы с Наполеоном (см. депешу от 2 марта/19 февраля), ему удалось добиться того, что о Польше не было упомянуто на конгрессе. Далее Орлов сообщает о выступлении Валевского по вопросу об угнетенном положении Италии, о поддержке Валевского Кларендоном, о возражениях Буоля, утверждавшего, что обсуждение этих вопросов вне компетенции конгресса. Орлов сообщает, что он воздержался от выступления по этому вопросу, равно как по другим, не относящимся к восточным делам.

31. 3 января 1815 г. (в депеше № 91 указан старый стиль) Австрия, Англия и Франция заключили на венском конгрессе оборонительный союз против России и Пруссии.

Реформа 1861 г. и крестьянское движение

Реформа 1861 г. дала известный толчок к ускорению капиталистического развития России. Но реформа, проведенная руками крепостников, естественно, не могла удовлетворить крестьян, которые «вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам» [1].

Крестьяне были обмануты в своих ожиданиях: огромные земельные площади отрезывались в пользу помещиков. По нечерноземной полосе из общего количества земли в 14 550 тыс. десятин было отрезано в пользу помещиков 1 437 тыс. десятин, или 9%; по черноземной полосе из 14 619 тыс.—3 825 тыс. десятин, или 26,2%.

По отдельным районам это ограбление крестьянства достигло еще большей цифры, так например в украинских губерниях отрезки равнялись 31,6%, в Поволжье — 34,4% и т. д.

В результате крестьяне вынуждены были выкупать принадлежащую им по праву землю по ценам, в несколько раз превышавшим обычные покупные цены. Так например в Петербургской губ. покупная цена десятины земли равнялась 24 руб., стоимость же десятины земли по выкупу — 61 руб. 50 к.; в Московской губ. покупная цена десятины земли была 26 руб., стоимость же десятины земли по выкупу — 51 р. 33 к.; в Тульской губ. покупная цена десятины земли — 32 руб., стоимость же десятины земли по выкупу — 50 руб.

«Русских крестьян,— писал В. И. Ленин,— господа благородные помещики «освобождали» так, что с в ы ш е п я т о й д о л и крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков. За свои, пóтом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить в ы к у п, то-есть д а н ь вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой дани крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более» [2].

И неудивительно, что реформа была встречена крестьянством массовыми волнениями.

Это была н е о р г а н и з о в а н н а я, н е о с о з н а н н а я, но упорная борьба крестьянства против крепостников-помещиков и помещичьего государства. И в колоссальном большинстве случаев эти выступления подавлялись вооруженной силой.

«В России,— писал Ленин,— в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли» [3].

Царский манифест о «свободе» еще не был об'явлен, а помещичье государство уже разрабатывало военно-полицейские мероприятия, направленные к борьбе против возможных и вероятных крестьянских восстаний. По всем губерниям рассылались генерал-майоры и флигель-ад'ютанты, учитывалось количество войск, их места расположения, давались губернаторам указания, откуда, какие воинские части должны быть затребованы для подавления выступлений крестьянства и т. д.

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XV, стр. 109.
[2] Т а м ж е.
[3] Т а м ж е, стр. 108.

Фактически генерал-майоры и флигель-ад'ютанты были направлены в губернии, главным образом в качестве руководителей подавления крестьянских восстаний.

Самодержавное правительство готовилось к «крестьянской» реформе, как к началу военных действий. И проведение «крестьянской» реформы в действительности превратилось в войну между крестьянством и помещиками.

Товарищ Сталин в своей речи на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. говорил:

«Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплоатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплоатации трудящихся. Одни эксплоататоры сменились другими эксплоататорами. При крепостных порядках «закон» разрешал продавать крепостных. При капиталистических порядках «закон» разрешает «только» обрекать трудящихся на безработицу и обнищание, на разорение и голодную смерть» [1].

Лишь великая социалистическая революция действительно решила крестьянский вопрос и решила она его так, «чтобы не менять одних эксплоататоров на других, не менять одну форму эксплоатации на другую,—а искоренить всякую эксплоатацию, искоренить всех и всяких эксплоататоров, всех и всяких богатеев и угнетателей, и старых и новых» [2].

Публикуемый нами материал хранится в Архиве внутренней политики, культуры и быта Ленинградского отделения Центрального исторического архива, подобран и подготовлен к печати научными сотрудниками М. Лурье и П. Перепеченовой.

М. Лурье.

Из обзора действий министерства внутренних дел по земскому отделу с 1 января 1861 г. по 19 февраля 1863 г. [1]

Введение

1860 год был последним годом крепостного состояния, прекращенного высочайшим манифестом 19 февраля 1861 г., а 19 февраля 1863 г. окончился двухгодичный период, назначенный для составления уставных грамот.

Высочайшее утверждение Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, последовало 19 февраля 1861 г., но меры к приведению их в исполнение приняты были заблаговременно. Главная из этих мер состояла в предварительном образовании будущих губернских по крестьянским делам присутствий под названием временных комиссий. Состоявшееся о сем 4 декабря 1860 г. высочайшее повеление немедленно сообщено было начальникам губерний. Вместе с сим министр внутренних дел уведомил губернаторов: а) что означенные комиссии предполагается обратить в те высшие губернские учреждения, которые должны быть образованы для введения Положений в действие; б) что сим учреждениям присваиваются обширный круг деятельности и весьма значительные права и в) что от удачного выбора лиц в учреждаемые комиссии будет зависеть не только благосостояние двух сословий, но и спокойствие целого края. Первый всеподданнейший доклад о приглашении членов от правительства

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 527.
[2] Там же.
[3] ЛОЦИА, Земский отдел министерства внутренних дел, 1861 г., д. № 92, гл. 1—27.

в будущие губернские присутствия состоялся 7 января, последний 31 марта 1861 г.; между тем произведены были выборы собраниями предводителей, членов от дворянства. Таким образом ко времени обнародования высочайшего манифеста и Положений о крестьянах губернские присутствия уже были образованы.

В то же время по государственной канцелярии были приняты меры к возможно скорейшему отпечатанию и брошированию огромного числа экземпляров высочайшего манифеста и Положений. Никогда еще в России не было такого издания, которое вышло бы в свет в числе 220 000 экземпляров, в каком был напечатан манифест, и 190 000, в каком потребовались общее Положение о крестьянах и другие Положения и Правила, относящиеся до всех местностей. Местное великорусское Положение было напечатано в числе 140 000 экземпляров.

Принятые энергические меры к скорейшему отпечатанию потребного числа экземпляров Положений дали возможность на третий день после высочайшего утверждения их, циркуляром от 21 февраля, предупредить губернаторов, что они в самом непродолжительном времени получат, при указе правительствующего сената, для обнародования и исполнения экземпляры манифеста и именного распорядительного указа с следующими к ним Положениями и Правилами о крестьянах. При этом министр внутренних дел сообщил губернаторам, что государю императору угодно, чтобы издаваемый манифест и прочие законоположеия о крестьянах тотчас по получении в губерниях сделались известными помещикам и крестьянам, так как этим одним средством могут быть отклонены превратные толки и всякого рода недоразумения. С этою целью министр предложил губернаторам приготовить немедленно все средства для развозки означенных экземпляров по уездам и вообще для быстрого и, по возможности, одновременного доставления их во все приходы и во все помещичьи имения. Для сего никак нельзя (писал министр внутренних дел) ограничиваться обыкновенными способами пересылки пакетов и тюков по почте, но следует отправить нарочных курьеров, жандармов или даже чиновников и вообще употребить все те средства, какие, по ближайшему усмотрению, окажутся необходимыми для своевременной доставки экземпляров кому следует. Еще прежде сего последовало распоряжение о командировании в губернии свиты его величества генерал-майоров и флигель-ад'ютантов для содействия губернским начальствам в распоряжениях их, как по приведению в исполнение означенных законоположений, так и по сохранению при сем в губернии порядка и спокойствия. Сообразно сему помянутые лица были снабжены особою от имени государя императора инструкциею, которою, между прочим, вменялось им в обязанность: об'яснять крестьянам, что, получив новые права, они не могут выходить из повиновения установленным властям, но должны отправлять повинности и вообще пользоваться своими правами в том только порядке, какой указан в высочайшем манифесте и новых Положениях, а в случае неповиновения или ослушания со стороны крестьян, отправляться на место беспорядков и принимать все меры, необходимые для прекращения оных.

Затем обнародование высочайшего манифеста началось с С.-Петербурга и Москвы, где оно совершилось 5 марта (о чем тогда же по телеграфу сообщено во все губернии) и продолжалось в других местах, по мере прибытия туда свиты его величества генерал-майоров и флигель-ад'ютантов, которым поручено было доставление в губернии манифеста в назначенном числе экземпляров. Повсеместное обнародо-

вание кончилось в 28 дней (2 апреля был обнародован манифест в Кишиневе). Вместе с манифестом было отправлено небольшое число готовых экземпляров Положений; отправление же остальных с нарочными курьерами, по мере изготовления, продолжалось с 7 по 18 марта.

Вслед за обнародованием Положений, в виду предстоящего выбора мировых посредников, министр внутренних дел писал губернаторам, что успех возложенного на них избрания мировых посредников составляет одну из первостепенных забот правительства. На посредников возлагаются ближайшие местные распоряжения по введению в действие крестьянских Положений и наблюдению за правильным их исполнением. От удачного выбора сих лиц будет много зависеть успех предпринятого государственного преобразования, которому, по высочайшей воле, выраженной самим государем императором, должно служить основанием улучшение быта крестьян не на словах только и не на бумаге, а на самом деле. В циркуляре этом министр указывал на те качества, которые должны быть соединены в лице мирового посредника.

С обнародованием Положений началась новая эпоха деятельности министерства внутренних дел по крестьянскому делу. Положения о крестьянах, изменив в самом корне старый строй гражданского быта России, ввели впервые в наше законодательство начала, чуждые прежней административной централизации и правительственной опеке.

Несамостоятельное общественное управление, подлежащее надзору правительственных властей, которое до тех пор было известно в нашем законодательстве, заменено самоуправлением, огражденным от постороннего вмешательства. Вместо чиновников, которых определение и увольнение зависит от министерства, для исполнения крестьянского дела открыты особые учреждения, огражденные от произвола административной власти. Во главе их поставлено губернское присутствие, которому вверялось не только разрешение,— большею частию окончательное,—могущих возникнуть недоразумений и споров, но самое применение к местным условиям каждой губернии некоторых из новых постановлений.

Министерству самому предстояло уразуметь свое призвание в крестьянском деле, тем более, что в Положениях о крестьянах об обязанностях министерства нет никаких указаний; а в двух особых законоположениях—19 февраля (об учреждении главного комитета об устройстве сельского состояния) и 14 июня 1861 г. (об обжаловании постановлений губернских присутствий)—находятся только намеки на характер министерской деятельности в настоящем случае. Представлением скромного штата Земского отдела, назначенного для заведывания в составе министерства внутренних дел крестьянским делом, министерство доказало, что оно поняло свое призвание. Штат этот удостоен высочайшего утверждения 27 июля 1861 года. Для заведывания делами 10 миллионов освобожденных крестьян и отношений их к помещикам открыто учреждение с меньшим числом чиновников, чем многие департаменты. Министерство поняло, что оно призвано не управлять освобожденными крестьянами, а охранять права помещиков и крестьян и вновь открытых учреждений и содействовать полному и беспрепятственному пользованию сими правами.

Кроме того, крепостное право входило в общую систему действовавших законов, следовательно, с уничтожением его, соприкасающиеся с ним части общего законодательства оказались невозможными в применении. Посему, вслед за обнародованием Положений, возник целый ряд вопросов об отмене, изменениях и дополнениях разных, написан-

ных при крепостном праве, узаконений. Министерство считало своею обязанностью, по сношении с подлежащими ведомствами, входить с представлением о разрешении означенных вопросов в порядке законодательном.

Согласно сему, министерство в основу своей деятельности по крестьянскому делу положило следующие начала, коими оно руководствовалось в течение двух лет:

1) отклонять все внешние препятствия к успешному и законному ходу крестьянского дела;

2) устранять в решениях губернских присутствий: превышение власти, отступление от закона и разногласия, неоправдываемые местными особенностями, но в то же время не вдаваться в мелочной надзор за действиями местных учреждений и никогда не решать дел по существу, а ограничиваться указанием на подлежащие статьи Положений;

3) охраняя самостоятельность каждого из учреждений по крестьянским делам, преследовать законным путем нарушения ими своих обязанностей;

4) не возбуждать прямо от себя ни одного вопроса о пояснениях Положений, если не было о том представления из губернии;

5) не составлять общих правил при разрешении вопросов исключительных или случайно возбужденных, и потому входить с представлениями в главный комитет или делать общие распоряжения от себя не прежде, как по возбуждении одного и того же вопроса в нескольких губерниях;

6) последовавшие, по возбужденным вопросам, имеющим общий характер, постановления и распоряжения сообщать циркулярами повсеместно, как для однообразного направления дел, так и для предупреждения дальнейшего прилива подобных представлений;

7) способствовать или непосредственною своею деятельностью, или сношениями с другими ведомствами, к разрешению вопросов или оставленных Положениями неразрешенными, или требующих для своего разрешения отмены, изменения или дополнения какой-либо части общего законодательства, и

8) уважая и охраняя права других, оберегать и защищать собственные свои права.

Вышеизложенные основные начала деятельности министерства внутренних дел по земскому отделу, сообразно постепенному ходу и развитию предпринятой реформы и ее последствий, применялись к следующим предметам: к устранению волнений крестьян и неисполнения ими законов; к последствиям уничтожения крепостной зависимости; к открытию и устройству местных по крестьянским делам учреждений; к определению обязательных поземельных отношений крестьян к помещикам; к прекращению означенных отношений; к устройству крестьян в мелкопоместных имениях; к устройству фабричных и заводских людей; к отправлению казенных и земских повинностей; к воспособлению помещикам, большепоместным и мелкопоместным, по устройству их хозяйств; к слитию сельских сословий всех ведомств и к некоторым другим предметам.

В этом первом обзоре правительственной деятельности по освобождению крестьян следует удержаться от попытки представить характер деятельности местных по крестьянским делам учреждений в разных губерниях. Не наступило еще время для того, чтобы подобный приговор был верен и чужд всех случайных обстоятельств, которые пройдут, не оставя за собой следа в истории.

Глава первая.

Устранение волнений крестьян и неисполнения ими законов.

День обнародования манифеста не мог не сделаться в каждом месте днем общего народного праздника.

Обнародование манифеста повсеместно сопровождалось замечательным явлением — особенной воздержностью от вина, несмотря на последний день масляницы, в который обнародовался манифест в Петербурге и Москве, несмотря на первое (сборное) воскресенье великого поста, в которое манифест обнародован в нескольких губерниях и которое во многих местах считается по городам ярмарочным или базарным днем.

За первым впечатлением радости и сочувствия к крестьянской реформе наступила другая пора, самая трудная в крестьянском деле: знакомство 200 тысяч помещиков и 20 млн. крепостных людей с новым Положением, изменение веками сложившихся личных и хозяйственных отношений по новым началам, еще не усвоенным, а уже требовавшим немедленного практического применения. Не легко было помещику ознакомиться вдруг с началами Положений и изменить по ним все прежние хозяйственные расчеты и привычки; еще труднее было это знакомство для безграмотного крестьянина. Из манифеста крестьяне узнали только, что в их судьбе должна произойти перемена к лучшему и что она будет введена не вдруг, а постепенно, но в чем именно заключается это улучшение и постепенность, они сразу понять не могли; для уразумения и оценки их необходим был жизненный опыт. Между тем, на первое время, размер дарованных им улучшений был не велик; важнейшие ожидания их только в будущем. Не видя сразу достаточных немедленных облегчений, крестьяне пришли в недоумение: в чем воля? Об'яснениям помещиков, священников и чиновников они не поверили. Не удовлетворились также тем, что им читали из Положений полуграмотные их чтецы, которых они нанимали целыми деревнями. Чтецы эти, не понимая сами, что читали, путали статьи, относящиеся к разным периодам, толковали их криво и становились невольными подстрекателями. Были также примеры несомненной злонамеренности или корысти. Начались непослушания, неисправность в работах и недоразумения. Для разбора возникших споров и раз'яснения закона был один предводитель дворянства на целый уезд, мировых посредников еще не было; для побуждения к исполнению закона была одна земская полиция, сельских старост и волостных старшин еще не было.

Март прошел спокойно, но с апреля месяца начались и шли, постоянно возрастая в числе, донесения из разных губерний о возникающих между крестьянами недоразумениях и волнениях. Казанский губернатор дал знать 13 апреля по телеграфу: «что в имении Бездне, Спасского уезда, полное неповиновение властям. Раскольник, выдавший себя за пророка и посланника царского, Антон Петров, увлек всех. Со всех почти имений уезда народ собирается в Бездну: там об'является настоящая воля...» Пензенский губернатор телеграфическою депешею 12 апреля сообщил, что «Черногайская вотчина графа Уварова, Чембарского уезда, 2 000 душ-взбунтовались; за ней 4 000 соседних; посланная на усмирение рота в опасности: она, убив несколько крестьян, отступила: двинуто войско». В апреле же месяце получены известия о волнении в местностях с малороссийским народонаселением в губерниях Черниговской и Подольской. В первой из этих губерний

беспорядки между крестьянами обнаружились вдруг в 4 уездах: Нежинском, Новгородсеверском, Городницком и Конотопском. В Подольской губ. крестьяне вышли из повиновения законным властям также вдруг в нескольких имениях: сначала Винницкого и вслед за тем Ольгопольского, Ямпольского и Брацлавского уездов. В том же апреле месяце было сообщено о волнениях крестьян Виленской губернии в уездах: Виленском, Ошмянском, Лидском и Свенцянском; в Ковенской — в уездах: Россиенском, Ковенском, Шавельском и Новоалександровском; в Гродненской — в уездах: Белостокском, Брестском, Пружанском, Слонимском, Сокольском, Бельском и Кобринском и в инфлянд ских уездах Витебской губернии, а вслед за тем Смоленской губернии в Гжатском уезде.

В Казанской губернии, в селе Бездне, Мусина-Пушкина, крестьяне отказались итти на барщину[1].

Возникавшие в то же время и после того беспорядки в других имениях Спасского, Лаишевского, Чистопольского, Тетюшского и Свияжского уездов составляли не более, как простое недоразумение, и потому прекращены были мерами убеждения, кроме одного случая в имении Чемезова в Лаишевском уезде, о котором будет сказано ниже.

Упорный и продолжительный характер приняло волнение в Пензенской губернии, которое из Чембарского уезда распространялось в Керенский и в соседственные с ним уезды Тамбовской губернии: Кирсановский и Моршанский, так что волнение обняло сплошную местность четырех уездов, с населением 163 240 душ мужеского пола. Первоначально волнение возникло в сел. Черногае, имении графа Уварова, Чембарского уезда. Крестьяне отказались от всяких работ на помещика и вышли совершенно из повиновения, требуя, с угрозами лишения жизни, от своего приходского священника указа о настоящей воле, который, будто бы, лежит в церкви на престоле с георгиевским крестом, и с криком «воля» возили по улице красное знамя. Примеру черногайских крестьян последовали соседние с ними села и деревни, и вскоре в Черногае собралась толпа народа до 4 тыс. человек. После истощения всех способов к вразумлению крестьян, в имение была введена рота солдат, на которую крестьяне, вооруженные кольями, сделали нападение, вследствие чего дан был залп, от которого упало несколько человек, и рота отступила, преследуемая народом. После сего в Черногай послан был целый батальон. Между тем вспыхнуло волнение в с. Кандеевке, имении помещика Волкова, Керенского уезда. Здесь главнейшим подстрекателем был молокан Егорцев, назвавший себя великим князем Константином Павловичем. Беспорядки эти, по безуспешности мер убеждения, прекращены силою. Произведенными выстрелами убито 8 человек и 26 ранено. Наиболее виновные наказаны, и из них 29 человек сосланы в каторжную работу, а 16 человек — на поселение; подстрекатель же Егорцев успел скрыться, и, как впоследствии было дознано, умер. После этого крестьяне смирились. Восстановление спокойствия в Кандеевке благоприятно подействовало и на другие селения. За сим принятыми мерами водворено спокойствие во всей Пензенской губернии.

В Тамбовской губернии, куда проникло волнение из Чембарского и Керенского уездов, хотя и не было нарушено спокойствие до такой степени, чтобы потребовались экстренные меры, но тем не менее между крестьянами обнаружились нерешительность и неусердие в ис-

[1] Краткое описание бездненских событий нами опускается как известное по другим материалам, помещенным в «Красном архиве».

полнении обязанностей, а в более значительных имениях Моршанского уезда начали проявляться довольно сильные беспокойства, которые все впрочем были прекращены при содействии военных команд мерами убеждения и полицейского взыскания.

Главным пунктом беспорядков в Нежинском и Новгородсеверском уездах Черниговской губернии в первое время служили: в первом селение Безугловка — имение помещика Сидоренки и во втором слобода Каменская — имение помещика Судьенки. Безугловские крестьяне с особенным упорством встретили неоднократно повторенные им увещания местных властей и священников, а равно и советы понятых из соседних казаков. Посему в Безугловку было введено 3 батальона войска, при содействии которого после легкого полицейского наказания 9-ти человек и арестовании 16 главных зачинщиков, спокойствие восстановлено. Водворение порядка в с. Безугловке имело благотворное влияние и на другие имения Нежинского уезда, уклонявшиеся также от исполнения обязанностей. В то же время возникли беспорядки в разных имениях уездов: Новгородсеверского, Городницкого и Конотопского, а вслед за сим в уездах Кролевецком, Новозыбковском и Мглинском. В Новгородсеверском уезде крестьяне слободы Каменской не только сами отказывались от исполнения барщины, но препятствовали силою производству работ и вольнонаемными. По прибытии туда войск, окруженные уже в громаде значительными военными силами, крестьяне повторяли свой отказ и даже не приняли Положений 19 февраля 1861 года. Пример каменских крестьян увлек к беспорядкам 25 селений с 9 тысячами душ. Но когда было приступлено к наказанию и заключению главных зачинщиков в оковы, то крестьяне смирились и просили помилования; вскоре потом были усмирены и прочие волновавшиеся селения. Для прекращения возникавших беспорядков в остальных уездах не требовалось употребления крутых мер; было достаточно введение военных команд для нравственного влияния на крестьян и наказания более виновных.

В Подольской губернии, при самом об'явлении манифеста, в некоторых имениях было замечено нетерпение крестьян по поводу назначенного двухгодичного срока для окончательного устройства их быта. Первое проявление беспорядков обнаружилось в имении Кустовец помещика Гижицкого, Винницкого уезда, и затем беспорядки быстро распространились по 11 уездам. Селения крестьян, вышедших из повиновения, сгруппировались около больших и многолюдных сел и совершенно подчинялись их влиянию. Усмирение главных селений полагало само собою конец беспорядкам и в меньших. Посему для водворения спокойствия в губернии были приняты, по донесению губернатора, не столько строгие, сколько быстрые меры, которыми в половине мая месяца было восстановлено полное спокойствие во всей губернии. Упорство было оказано только в некоторых, и то немногих, главных пунктах беспорядков.

В Смоленской губернии беспорядки между крестьянами происходили в помещичьих имениях трех уездов: Гжатского, Вяземского и Ельнинского. Особенно сильно проявились они в имении князя Голицына, Гжатского уезда, где крестьяне, перестав отправлять работы на владельца, не признавали читанных им манифеста и Положений. По прибытии в имение военной команды, крестьяне, в числе 2 тысяч человек, столпясь в сплошную массу и не слушая увещаний трех священников, выходивших к ним в полном облачении с крестами в руках, об'явили, что повиноваться не будут; бросились на солдат, намереваясь отнять ружья; при этом столкновении, без выстрелов, 3 солдата были

ранены, 22 крестьянина были задавлены натиском толпы и 23 сильно ушиблены. Когда же взято было из толпы до 125 человек и подвергнуто полицейскому наказанию, то крестьяне на коленях просили прощения. В прочих имениях упомянутых уездов порядок восстановлен при содействии военных команд без употребления оружия. Причиною беспорядков в некоторых имениях Вяземского уезда был отставной поручик Полубинский, который, называя себя генералом, посланным от государя, ложно толковал крестьянам об отправлении ими барщины.

В Витебской губернии беспорядки обнаружились первоначально в имениях помещиков: Соколовского, Люцинского и Паулина, Люцинского и Режицкого уездов, потом распространились по другим имениям, как этих, так и Динабургского и Дриссенского уездов. Крестьяне отрицали подлинность Положения и отказывались исполнять повинности. Сопротивление военной силе было оказано только в двух имениях: Паулина (Режицкого уезда) и графа Плятера-Зиберга (Динабургского уезда), где поэтому, для усмирения крестьян, было употреблено оружие, причем ранено 12 человек. В прочие имения хотя также вводились военные команды, но оружие употреблено не было. По прекращении беспорядков в инфляндских уездах министр внутренних дел испросил высочайшее соизволение на прекращение начатых следствий и на освобождение арестованных крестьян с заменою им в наказание времени ареста. В других уездах Витебской губернии беспорядки обнаруживались только в некоторых имениях Суражского и Полоцкого уездов и были прекращены полицейскими мерами.

Возникшие беспорядки в четырех уездах Виленской губернии наибольшие размеры приняли в одном из них — Ошмянском уезде. Здесь крестьяне не только отказывались от отбывания всяких повинностей, но даже нанесли побои тем из одноводчинных поселян, которые не разделяли их мнения. Сборищем волновавшихся крестьян служило местечко Ивье, имение графини Замойской (4 тысячи душ), где, под предводительством двух главных подстрекателей, собрались крестьяне не только из окрестных мест Виленской, но даже и из Новогрудского уезда Минской губернии. Толпа расположилась табором на базарной площади, об'явила, что государь даровал им свободу, и они потому никаких повинностей исполнять не обязаны. Продолжительные увещания не имели успеха. Для прекращения этих беспорядков в местечко Ивье было введено 4 роты солдат, при содействии которых толпа была разогнана и подстрекатели арестованы, после чего крестьяне из'явили полную покорность и дали обещание повиноваться властям и отбывать установленные повинности. С прекращением беспорядков в Ивье восстановилось спокойствие между крестьянами и в других уездах, без употребления строгих мер; только наиболее упорные и подстрекатели были подвергнуты полицейскому наказанию.

В Ковенской губернии беспорядки открылись в Россиенском уезде, в имении Лабгиры, помещицы Кайсаровой, с населением 1 600 душ. Крестьяне этого имения не только отказались от всякого повиновения и исполнения инвентарных повинностей, но и возмутительно действовали на других крестьян отдаленнейших фольварков своей помещицы и соседственных имений. Одновременно с сим проявилось подобное же неповиновение со стороны крестьян: в конфискованном имении Замок, Ковенского уезда; вслед за тем в нескольких имениях Шавельского и Новоалександровского уездов обнаружилось уклонение крестьян от исполнения барщины, не имевшее, впрочем, упорного характера. Посему главное внимание было обращено на имение Лабгиры, куда была введена военная команда, и зачинщики беспорядков под-

вергнуты полицейскому наказанию. По местному удостоверению оказалось, что беспорядки в Лабгирах были вызваны безотчетным требованием от крестьян инвентарных повинностей по распоряжениям управителя имения Козакевича; в видах охранения спокойствия, он тогда же был удален из имения. Неудовольствия крестьян имения Замок возникли оттого, что они состояли на барщине (от которой свободны все прочие государственные крестьяне), так как по неокончании экзидизорского дела о том имении оно не было еще принято окончательно в казну. Хотя в имение Замок, равно в прочие имения также вводились военные команды, но, с распространившимся известием о покорности лабгирских крестьян, не представлялось никакого затруднения к восстановлению нарушенного там спокойствия; для сего было достаточно одного только прибытия войск.

В Гродненской губернии, вслед за обнародованием Положений 19 февраля 1861 г., во многих имениях Белостокского уезда крестьяне отказались от исполнения барщины. Упорное неповиновение было оказано только в одном имении помещика Фрибеса. На все убеждения и внушения крестьяне отвечали с дерзостью, что все увещевающие их лица и духовенство подкуплены помещиками и что прочитанный им манифест недействительный и подложный. Затем они и крестьяне со всех окольных деревень значительными толпами начали стекаться в близлежащее местечко Заблудово, куда отправлен был батальон войск. По прибытии на место войска оцепили местечко, и толпе крестьян были делаемы вновь увещания. Эти меры не имели успеха, поэтому наиболее дерзкие, числом до 100 человек, были подвергнуты наказанию, после чего крестьяне раскаялись в своем заблуждении. Подобный же отказ от исполнения инвентарных повинностей обнаружился со стороны крестьян разных имений Брестского, Пружанского, Слонимского, Сокольского, Бельского и Кобринского уездов, но содействие военных команд для понуждения крестьян к исполнению их обязанностей потребовалось только в некоторых имениях Брестского и Слонимского уездов; в прочих затем имениях порядок восстановлен убеждением и мерами полицейского взыскания.

Все описанные беспорядки были подавлены в самом начале их, долее других волнения продолжались в инфляндских уездах, Витебской губернии, и в некоторых уездах Подольской. В три месяца первой и в шесть второй половины 1861 г. возникали беспорядки во многих других губерниях; но большею частию ограничивались одним имением и прекращались: или посредством убеждений, или посредством полицейских мер, иногда с содействием военной силы, иногда без содействия. Очень часто одно только появление военной команды прекращало возникающее волнение; нередко также полицейское наказание одного или нескольких крестьян останавливало дальнейшее развитие беспорядка.

Всех волнений и беспорядков в 1861 г. было:

в первые после обнародования Положений 3 месяца с (апреля по июль)	647
затем в остальные шесть месяцев	137
Итого	784

Из случаев волнений и беспорядков, бывших во второй половине 1861 г. и прекращенных, хотя без употребления оружия, но при содействии военной команды, надлежит упомянуть о следующих.

Во Владимирской губернии, в имении помещика Казакова, Покровского уезда, крестьяне не хотели исполнять повинностей, считая

их обременительными; когда же временное отделение земского суда распорядилось об арестовании и наказании главного возмутителя, то крестьяне, всем миром, вместе с понятыми оказали явное сопротивление.

В Тамбовской губернии, в имении помещика Чичерина, Тамбовского уезда, крестьяне не соглашались на отрезку из находящихся в их пользовании полей земли для прогона скота, принадлежащего помещику, несмотря на то, что помещик уступал им, взамен того, земли в 5 раз больше и еще отводил в своих собственных полях безвозмездно достаточное количество земли на устройство подобной дороги для прогона крестьянского скота. По прибытии в имение мирового посредника крестьяне, без зова его, явились всем миром с решительным отказом; а когда приказано было арестовать замеченных во вредном влиянии на других, то вся толпа с криками силою освободила арестованных.

В Новгородской губернии, Тихвинского уезда, в имениях помещицы Апрелевой крестьяне отказывались от исполнения следующих с них в пользу помещицы повинностей и, несмотря на присутствие жандармской команды, упорно поддерживали сей отказ, составив заговор не допустить до наказания никого и, в случае употребления оружия, броситься с приготовленными кольями и каменьями и перебить всех. Вследствие сего была усилена военная команда.

В Ковенской губернии крестьяне Дуктанской волости, Новоалександровского уезда, вышли совершенно из повиновения, уничтожили волостное управление и истребили все заведенные в оном дела, книги и бумаги.

В Тульской губернии, в имении помещика Коптева, Каширского уезда, по поводу смены мировым посредником сельского старосты, замеченного в возбуждении общества к ослушанию, и арестования его, крестьяне не хотели повиноваться распоряжениям посредника, буйно требовали возвращения старосты и с дерзостью приступали к нему и волостному старшине; волнение все более и более усиливалось между крестьянами и даже обнаружилось между понятыми сторонними людьми, так что необходимо было прибегнуть к содействию военной команды.

К уменьшению числа и к изменению характера волнений и беспорядков во второй половине 1861 г., без всякого сомнения, много способствовали: вступление мировых посредников в исправление своих должностей и повсеместное открытие сельского и волостного управлений, а введение уставных грамот, которое очень часто вновь волновало крестьян, имело весьма малый успех. До января 1862 г. было введено 2 403 уставных грамот. Малое число беспорядков и изменение характера их дало возможность отозвать из губерний, во второй половине года, свиты его величества генерал-майоров и флигель-ад'ютантов.

Во весь 1862 г. не было ни одного случая волнения, для прекращения которого потребовалось бы употребление силы оружия. Весьма мало было случаев, которые переходили бы пределы одного имения, и немного из них имели своим последствием уголовный суд над главными зачинщиками. В свое время обратили на себя внимание следующие случаи:

а) В первой половине 1862 г.

В Пензенской губернии, в деревне Назарьевке, имении помещика Ахматова, Мокшанского уезда, крестьяне отказывались от принятия уставной грамоты и работ по урочному положению, но не оказывали при этом буйства. Несмотря на личные раз'яснения губерна-

тора, и присутствие военной команды, которою крестьяне конвоировались на работы, они упорствовали в своем отказе. Вследствие сего был учрежден военный суд, по приговору которого 11 человек виновников, по наказании шпицрутенами, присуждены в каторжные работы на заводы от 4 до 6 лет; 52 человека наказаны розгами и из них 26 присуждены к отдаче в арестантские роты гражданского ведомства.

В Казанской губернии, в деревне Янсалах, имении Чемесовых Лаишевского уезда, крестьяне отказались принять полевой надел, желая остаться при одной усадебной оседлости, с получением в дар по одной десятине. Упорство их доходило до того, что никто не занимался даже собственными работами, оставаясь по несколько дней без пищи и без корма скота. Присутствие военной команды не произвело надлежащего влияния; наряд на работы под конвоем также не имел успеха. Поэтому над крестьянами был учрежден военный суд, по приговору которого 8 человек, наиболее виновных, по наказании шпицрутенами, присуждены в каторжные работы на заводах на 4 года. По исполнении сего приговора, крестьяне покорились и приступили к выкупу.

В Вятской губернии, в имении Дурново и некоторых соседственных с ним, Яранского уезда, крестьяне, вследствие ложного толкования Положений, равно ожидания новой воли, отказались от принятия уставных грамот, из опасения снова закрепить себя, и прекратили отбывание повинностей. В имение была введена военная команда, а крестьяне, с своей стороны, отправили в Петербург ходоков для принесения жалобы государю императору на стеснительные будто бы действия вотчинного управления и местных властей. Вслед за тем губернатор просил о высылке отлучившихся крестьян на место, с строгим внушением им повиноваться; а потому ходоки эти были арестованы и отправлены на место жительства, с выдачею им притом от министерства об'явления, что уставная грамота вводится на основании Положений и что крестьяне обязаны непременно исполнять определенные по ней повинности. Но ходоки, по возвращении на родину, начали распространять разные ложные слухи, которыми постоянно поддерживались возникшие в Яранском уезде волнения и беспорядки. Они говорили: «что были приняты государем императором и 3 суток жили во дворце; что его величество изволил лично им сказать, что уставные грамоты вовсе не нужны, потому что оброк крестьяне обязаны платить только два года, со дня утверждения Положения, а по истечении сего срока будет сделано особое распоряжение». Вследствие сего было сделано распоряжение о препровождении упомянутых ходоков в Петербург под стражей, в присутствии одного из сельских начальников, для уличения их в ложности распускаемых ими слухов. Один из них был представлен в сопровождении волостного старшины, а двое других отправились самовольно с новою партиею ходоков в Петербург. В разное время из этих ходоков арестовано было в Петербурге 21 человек и отправлены на место. По изобличении ходоков в ложности их рассказов порядок был восстановлен без принятия особенных мер строгости.

В Саратовской губернии, в деревне Скуратовке, Аткарского уезда, крестьяне не только сами отказались от избрания уполномоченных для поверки уставной грамоты, но увлекли к тому весьма многие из окружных селений, так что Скуратовка сделалась центром волнения. Не мало содействовал также к поддержанию этих беспорядков казенный ездовой двора ее императорского высочества великой кня-

их обременительными; когда же временное отделение земского суда распорядилось об арестовании и наказании главного возмутителя, то крестьяне, всем миром, вместе с понятыми оказали явное сопротивление.

В Тамбовской губернии, в имении помещика Чичерина, Тамбовского уезда, крестьяне не соглашались на отрезку из находящихся в их пользовании полей земли для прогона скота, принадлежащего помещику, несмотря на то, что помещик уступал им, взамен того, земли в 5 раз больше и еще отводил в своих собственных полях безвозмездно достаточное количество земли на устройство подобной дороги для прогона крестьянского скота. По прибытии в имение мирового посредника крестьяне, без зова его, явились всем миром с решительным отказом; а когда приказано было арестовать замеченных во вредном влиянии на других, то вся толпа с криками силою освободила арестованных.

В Новгородской губернии, Тихвинского уезда, в имениях помещицы Апрелевой крестьяне отказывались от исполнения следующих с них в пользу помещицы повинностей и, несмотря на присутствие жандармской команды, упорно поддерживали сей отказ, составив заговор не допустить до наказания никого и, в случае употребления оружия, броситься с приготовленными кольями и каменьями и перебить всех. Вследствие сего была усилена военная команда.

В Ковенской губернии крестьяне Дуктанской волости, Новоалександровского уезда, вышли совершенно из повиновения, уничтожили волостное управление и истребили все заведенные в оном дела, книги и бумаги.

В Тульской губернии, в имении помещика Коптева, Каширского уезда, по поводу смены мировым посредником сельского старосты, замеченного в возбуждении общества к ослушанию, и арестования его, крестьяне не хотели повиноваться распоряжениям посредника, буйно требовали возвращения старосты и с дерзостью приступали к нему и волостному старшине; волнение все более и более усиливалось между крестьянами и даже обнаружилось между понятыми сторонними людьми, так что необходимо было прибегнуть к содействию военной команды.

К уменьшению числа и к изменению характера волнений и беспорядков во второй половине 1861 г., без всякого сомнения, много способствовали: вступление мировых посредников в исправление своих должностей и повсеместное открытие сельского и волостного управлений, а введение уставных грамот, которое очень часто вновь волновало крестьян, имело весьма малый успех. До января 1862 г. было введено 2 403 уставных грамот. Малое число беспорядков и изменение характера их дало возможность отозвать из губерний, во второй половине года, свиты его величества генерал-майоров и флигель-ад'ютантов.

Во весь 1862 г. не было ни одного случая волнения, для прекращения которого потребовалось бы употребление силы оружия. Весьма мало было случаев, которые переходили бы пределы одного имения, и немного из них имели своим последствием уголовный суд над главными зачинщиками. В свое время обратили на себя внимание следующие случаи:

а) В первой половине 1862 г.

В Пензенской губернии, в деревне Назарьевке, имении помещика Ахматова, Мокшанского уезда, крестьяне отказывались от принятия уставной грамоты и работ по урочному положению, но не оказывали при этом буйства. Несмотря на личные раз'яснения губерна-

тора и присутствие военной команды, которою крестьяне конвоировались на работы, они упорствовали в своем отказе. Вследствие сего был учрежден военный суд, по приговору которого 11 человек виновников, по наказании шпицрутенами, присуждены в каторжные работы на заводы от 4 до 6 лет; 52 человека наказаны розгами и из них 26 присуждены к отдаче в арестантские роты гражданского ведомства.

В Казанской губернии, в деревне Янсалах, имении Чемесовых Лаишевского уезда, крестьяне отказались принять полевой надел, желая остаться при одной усадебной оседлости, с получением в дар по одной десятине. Упорство их доходило до того, что никто не занимался даже собственными работами, оставаясь по несколько дней без пищи и без корма скота. Присутствие военной команды не произвело надлежащего влияния; наряд на работы под конвоем также не имел успеха. Поэтому над крестьянами был учрежден военный суд, по приговору которого 8 человек, наиболее виновных, по наказании шпицрутенами, присуждены в каторжные работы на заводах на 4 года. По исполнении сего приговора, крестьяне покорились и приступили к выкупу.

В Вятской губернии, в имении Дурново и некоторых соседственных с ним, Яранского уезда, крестьяне, вследствие ложного толкования Положений, равно ожидания новой воли, отказались от принятия уставных грамот, из опасения снова закрепить себя, и прекратили отбывание повинностей. В имение была введена военная команда, а крестьяне, с своей стороны, отправили в Петербург ходоков для принесения жалобы государю императору на стеснительные будто бы действия вотчинного управления и местных властей. Вслед за тем губернатор просил о высылке отлучившихся крестьян на место, с строгим внушением им повиноваться; а потому ходоки эти были арестованы и отправлены на место жительства, с выдачею им притом от министерства об'явления, что уставная грамота вводится на основании Положений и что крестьяне обязаны непременно исполнять определенные по ней повинности. Но ходоки, по возвращении на родину, начали распространять разные ложные слухи, которыми постоянно поддерживались возникшие в Яранском уезде волнения и беспорядки. Они говорили: «что были приняты государем императором и 3 суток жили во дворце; что его величество изволил лично им сказать, что уставные грамоты вовсе не нужны, потому что оброк крестьяне обязаны платить только два года, со дня утверждения Положения, а по истечении сего срока будет сделано особое распоряжение». Вследствие сего было сделано распоряжение о препровождении упомянутых ходоков в Петербург под стражей, в присутствии одного из сельских начальников, для уличения их в ложности распускаемых ими слухов. Один из них был представлен в сопровождении волостного старшины, а двое других отправились самовольно с новою партиею ходоков в Петербург. В разное время из этих ходоков арестовано было в Петербурге 21 человек и отправлены на место. По изобличении ходоков в ложности их рассказов порядок был восстановлен без принятия особенных мер строгости.

В Саратовской губернии, в деревне Скуратовке, Аткарского уезда, крестьяне не только сами отказались от избрания уполномоченных для поверки уставной грамоты, но увлекли к тому весьма многие из окружных селений, так что Скуратовка сделалась центром волнения. Не мало содействовал также к поддержанию этих беспорядков казенный ездовой двора ее императорского высочества великой кня-

гини Екатерины Михайловны Моисей Михайлов (бывший крестьянин села Дивовки, Аткарского уезда), который занимался сочинением просьб от крестьян, водворенных в месте прежнего его жительства, и вел с ними переписку, выражая в письмах ложные слухи и вести, весьма вредные для общественного спокойствия. Затем, когда командированным в деревню Скуратовку жандармским штаб-офицером было отдано приказание арестовать одного главного зачинщика, то крестьяне с шумом и угрозами воспротивились этому, так что арестование его было достигнуто только после продолжительной свалки и усиленными средствами рассыльных и понятых с угрожавшею для жизни их опасностию. Вследствие сего в Скуратовку была введена военная команда и несколько человек арестованы. Михайлов был отправлен на родину арестованным для производства следствия.

В Киевской губернии, в имении княгини Воронцовой, Черкасского уезда, беспорядки сопровождались буйством и жестокими — поступками со стороны крестьян. Недовольные волостным старшиною,— за несогласие с ними и убеждения о необходимости принять уставную грамоту и исполнять по ней повинности,— крестьяне арестовали его и писаря, губернского секретаря Зозульского, ставили их на колени на разбитые острые кирпичи и морили голодом, а женщины плевали им в глаза; сына старшины, 16-летнего мальчика, привязали к столбу, а дочь его — к возу и волочили. К оружию не пришлось однако же прибегать для прекращения беспорядков. Прибывшие войска обратили буйную толпу в бегство.

В Владимирской губернии, в деревне Березиной, имении помещика Муханова, Александровского уезда, при поверке в марте месяце уставной грамоты, по которой назначено к отрезке значительное количество лугов и сенных покосов, состоявших в пользовании крестьян, крестьяне требовали себе в надел господский луг, никогда, впрочем, не бывший в их пользовании, и перевода их на душевой оброк. Получив отказ в том и другом, крестьяне перестали выходить на работы. Прибытие временного отделения земского суда не имело успеха, и затем в деревню Березину была введена военная команда, под конвоем которой крестьяне в продолжение двух недель отправлялись на работы; 6 человек было арестовано и несколько человек подвергнуто полицейскому надзору. Но и эта мера не могла сломить упорства крестьян, почему в деревню был командирован жандармский штаб-офицер. Затем вследствие данного крестьянами начальнику губернии обещания неуклонно исполнять на будущее время повинности, команда выведена из деревни, но на другой же день после от'езда губернатора крестьяне не пошли на работы и не отбывают никаких повинностей по настоящее время. По уведомлению ревизовавшего по высочайшему повелению Владимирскую губернию сенатора, из 62 ревизских душ крестьян деревни Березиной 13 содержатся в тюремных замках и 7 человек находятся в самовольных отлучках на промыслах: в самой же деревне остаются только два домохозяина, на которых лежит исполнение всех повинностей, и старики, дети и женщины. Содержащиеся в острогах крестьяне преданы суду; к скорейшему окончанию дела о них приняты надлежащие меры.

В Оренбургской губернии крестьяне принадлежащих помещикам Пашковым заводов: Белорецких, Верхнеуральского и Богоявленского с деревнями, Стерлитамакского уезда, вследствие ложного понимания Положений 19 февраля 1861 г. и недоверия советам и внушениям мировых посредников, уклонялись от исполнения повинностей по уставным грамотам и от принятия земельного надела, желая

остаться или при одной усадебной оседлости, или перейти на казенные земли, и с этою целью отправили в Петербург ходоков. Для восстановления спокойствия в означенные заводы были вводимы военные команды, а на просьбы ходоков от министерства внутренних дел послано было особое раз'яснение о незаконности действий крестьян и неосновательности их домогательств.

б) Во второй половине 1862 г.

В Херсонской губернии, Александрийского уезда, в имении графини Толстой, крестьяне, на другой день после введения в действие уставной грамоты, представили ее чрез особо избранных мировому посреднику для принятия обратно, так как она не была ими подписана; но когда посредник отказал им в этом, приказав разойтись, то они с шумом, повторяя свое требование, об'явили, что не только не согласны принимать грамоты, но даже не хотят и знать никаких законоположений и властей, кроме белого царя, и будут ждать случного часу. Центром волнения сделалась деревня Комбурлеевка, в которую поэтому была введена военная команда; при содействии ее зачинщики беспорядков арестованы, после чего крестьяне начали просить помилования, об'явив единогласно, «что они теперь, видя царских солдат, понимают, что на принятие нового закона и уставных грамот есть царская воля».

В Могилевской губернии, в имении Соржицы помещика Глушановского, Сенненского уезда, при введении уставной грамоты, крестьяне отказались выбрать из среды своей уполномоченных для поверки грамот, об'явив, что они ни грамот, ни оброка, ни выкупа не желают, а будут ожидать царского положения или пойдут прямо к царю, так как ничьим раз'яснениям и убеждениям не верят. Посему в имение была введена военная команда, крестьяне поклялись в покорности. Но вскоре, по выходе войска, беспорядки возобновились: крестьяне стали вновь уклоняться от исполнения повинностей и противиться введению уставных грамот, отняли у старост штемпеля, чтобы они не приложили их к грамотам, а одного крестьянина, из'явившего желание принять грамоту, заковали в кандалы. Поэтому в имение была вновь введена военная команда и оставалась там до водворения полного спокойствия.

Всех волнений и беспорядков в 1862 г. было.

в первой половине	300
во второй »	88
Итого	388

Число беспорядков в первую половину 1862 г. оказалось более чем вдвое значительнее сравнительно со второй половиной предыдущего года. Такому увеличению способствовало постепенно усиливавшееся введение уставных грамот. Число введенных в действие уставных грамот было:

в первые три месяца 1862 г.	4 278
во вторые 3 месяца	13 427

Во второй половине число беспорядков дошло до незначительной цифры 88; а с 1 января до 19 февраля 1863 г. в министерстве не получено ни одного донесения о беспорядках. Такому сначала уменьшению, а потом совершенному прекращению волнений способствовали: об'езды волостей губернаторами и другие меры, о которых будет сказано ниже.

Но один счет случаев волнений и беспорядков не дает еще полного понятия о тех препятствиях к правильному и спокойному ходу крестьянского дела, с которыми должно было бороться правительство. В этот счет входят как единичные случаи волнения, так и бывшие в Казанской, Пензенской и Тамбовской губерниях, которые охватывали собою целые местности, заключающие несколько сотен селений. По имеющимся данным оказывается, что все число волнений и беспорядков (1 172 случая) распространилось на 2 607 селений; но из этого числа в 1861 г. беспорядки и волнения (числом 784) были в 2 034, а в 1862 г. (388 случаев) в 573 селениях. Водворено спокойствие:

в 1861 г.

с действием военной силы	(499 случаев)	в 1 666 селениях
без действия	(285 случаев)	в 368 селениях

в 1862 г.

с содействием военной силы	(298 случаев)	в 449 селениях
без содействия	(90 случаев)	в 124 селениях

В 1861 г. беспорядки и волнения проявились почти во всех губерниях. Не было только донесений об этом из губерний: Олонецкой, Астраханской, Вятской, Курской и Таврической. В этих губерниях, кроме Олонецкой, беспорядки обнаружились впоследствии в 1862 г., а из Астраханской губернии получено было донесение о беспорядке в одном сельском обществе, после 19 февраля 1863 года. Вовсе не было известий о беспорядках в одной Олонецкой губернии (в которой числится крестьян, вышедших из крепостной зависимости,— 5 411 душ). В 1862 г. не было донесений о беспорядках из губерний: Астраханской, Виленской, Вологодской и Олонецкой.

Отчасти из предыдущего изложения было уже видно, что волнения и беспорядки не с одинаковою силою проявились в разных губерниях. Это еще яснее обнаружится при разборе числовых данных. Из общего числа случаев (1 172) и селений (2 607) на 10 губерний[1], волнения в которых проявились с особенною силою вслед за обнародованием Положений, приходится волнений и беспорядков по числу случаев:

в 1861 г.	400
» 1862 г.	148
Итого	548

по числу селений:

в 1861 г.	1 539
» 1862 г.	192
Итого	1 731

Если к этому еще прибавить четыре губернии[2], в которых случаи беспорядков были немалочисленны: или во второй половине 1861, или в 1862 году (случаев 185, селений 281), то в 14 губерниях было волнений и беспорядков:

по числу случаев	733
по числу селений	2 012,

следовательно, средним числом, на губернию: случаев 52 и селений 144.

[1] Казанскую, Пензенскую, Тамбовскую, Черниговскую, Подольскую, Смоленскую, Витебскую, Виленскую, Гродненскую и Ковенскую.
[2] Тульскую, Саратовскую, Киевскую и Могилевскую.

Затем в остальных 28 губерниях[1] волнений и беспорядков было:

по числу случаев	439
по числу селений	595,

следовательно, средним числом, на губернию: случаев 15 и селений 21.

Из приведенных цифр можно видеть, что волнения и беспорядки были особенно многочисленны и сильны: на востоке в черноземных барщинских губерниях и на западе в губерниях, где крестьяне русские (частью литвины и латыши), а помещики (до 19/II 1863 г. также и мировые посредники, полицейские чиновники и волостные писаря — поляки. В первой из двух местностей причины волнений и беспорядков следует искать в том, что крестьяне с обнародованием Положений увидели, что они могут избавиться от барщины только под условием платежа оброка, который для них показался высоким; поэтому там особенно развился способ прекращения обязательных отношений посредством дарового четвертного надела. Руководителями волнений и беспорядков были в первое время раскольники. На западе было также две причины волнений: нежелание оставаться в обязательных отношениях к помещикам-полякам и обременительность существовавших повинностей весьма мало облегченных,— в губерниях северо-западных и инфляндских уездах в ожидании поверочных комиссий, а в губерниях украинских потому, что довольно сильное облегчение было уже сделано в 1848 г. при введении инвентарей. К увеличению числа беспорядков, в западных губерниях, как ныне положительно сделалось известным, много способствовали: самые вопиющие несправедливости со стороны должностных лиц — поляков, которые, кроме одностороннего взгляда на крестьянское дело, желали сделать крестьян виноватыми, чтобы действовать против них именем правительства.

Обращаясь к общему характеру волнений и беспорядков, следует заметить, что в первое после обнародования Положений время, крестьяне, обманутые в своих преувеличенных надеждах, выражали полное недоверие к тому, что им было об'явлено. Они упорно стояли в своем заблуждении, прекращали исполнение всяких повинностей и не шли ни на какие сделки.

За этим наступило другое время (второй период), когда крестьяне горьким опытом убедились в своем заблуждении; но им не хотелось вдруг отказаться от своих преувеличенных ожиданий. Они начали ожидать «второй воли» и «случного часа» — по истечении двухлетнего периода, назначенного на введение в действие Положений; вместе с сим начали исправно отбывать повинности, по прежнему порядку, но не хотели выбирать уполномоченных для поверки грамот, упорно отказывались от перехода на оброк, не признавали повинностей, определенных уставными грамотами, хотя они были легче прежних, не хотели даже жаловаться на неправильность составления уставных грамот, об'являя тем отрицательный протест против всего дела.

В третий период надежда на «вторую волю» и «случный час» начала ослабевать: в иных местах она стала представляться в форме царского выкупа. Вообще же те крестьяне, которые еще не вполне помирились с Положениями, ожидали 19 февраля 1863 г., чтобы совершенно отказаться от своих прежних надежд и ожиданий. Крестьяне начали, по крайней мере во многих местах, немедленно переходить на оброк, стали просить о выкупе угодий, о предоставлении им дарового надела,

[1] В этот счет не вошли земли Области войска донского и губерния Ставропольская, не подчиненные министерству внутренних дел, которое не имело никаких сведений, были ли там беспорядки или нет.

словом, стали искать законного исхода из того положения, которое для них было тягостно. С этих пор начались жалобы и просьбы крестьян. Отказы в жалобах и просьбах, очень часто неправильных, были причинами беспорядков в третьем периоде.

Положительно можно сказать, что, с большею или меньшею силою убеждения, каждый из крестьян прошел через эти три периода. Когда для каждого из них оканчивался один период и начинался другой, крестьяне сами не могли бы сказать. Невозможно также разграничить эти периоды в разных местностях; очень часто случалось, что, при общем спокойствии в той или другой местности, волновалось и упорно стояло в своем заблуждении одно селение. Впрочем, если не принимать в соображение частностей, то двухлетнее время можно разделить на три отдела, сообразно преобладанию одного из трех сейчас об'ясненных характеров.

1-й период — с обнародования Положений до половины 1861 г.

2-й — с половины 1861 до половины 1862 г. и
3-й — с половины 1862 по 19 февраля 1863 г.

Таким образом из 1 172 случаев волнений и беспорядков относится:

К 1-му периоду, заключающему в себе без малого 4 месяца	647
ко 2-му — в 12 месяцев	437
к 3-му — в 7½ месяцев	88

В эти разные периоды двухлетнего времени принимались различные меры к прекращению волнений и беспорядков.

В первый период во всех местностях действительны были только одни быстрые и крутые меры: введение военной команды, подавление волнений вооруженною силою, арестование главных зачинщиков, военный суд над ними, немедленная конфирмация приговоров и приведение их в исполнение на месте и т. п. Но в то же время приняты были в соображение бесполезность и даже вред дальнейшего отягчения участи виновных. Поэтому министерство наблюдало, чтобы издержки командирования военных команд не взыскивались с виновных, если они не сопротивлялись вооруженной силе; испрашивало принятие этих издержек на счет казны в тех случаях, когда, по закону, они падали на счет виновных; ходатайствовало о прекращении следствия и суда, когда спокойствие вполне водворялось. Кроме этих мер, было обращено внимание на устранение действительных и основательных поводов к неудовлетворению крестьян. Из мер, принятых в сем последнем отношении, в особенности имели самые благоприятные последствия две, общие для всех местностей: во-первых, немедленное, не ожидая введения уставных грамот, облегчение крестьян, обремененных смешанными повинностями (издельною и оброчною) и чрезмерными оброками, и во-вторых, раз'яснение, что с изданием Положений только те крестьяне обязаны были отбывать повинности, которые были наделены землей, вследствие чего безземельные крестьяне, а равно старики и несовершеннолетние, не наделенные землею, немедленно были освобождены от барщины.

Кроме того, для упрочения спокойствия в малороссийских губерниях, необходимо было дать движение многочисленным прошениям крестьян о принадлежности земель в их собственность; по этому предмету были затребованы отзывы от местных губернаторов и губернских предводителей дворянства. Но особенно замечена была необходимость

облегчения крестьянских повинностей в инфляндской местности и северо-западных губерниях. В инфляндских уездах (Витебской губ.) размеры барщинской повинности уменьшены по высочайшему повелению 7 мая 1861 г., а в северо-западных губерниях, согласно высочайшему повелению, 26 сентября 1861 г., отменены добавочные повинности, с присоединением сгонных дней к пригонам. Не мало также способствовал к успокоению крестьян в северо-западных губерниях об'езд уездов генерал-губернатором, который обнадежил крестьян, что они не будут оставлены на произвол чуждых им по вере и народности помещиков.

В предупреждение вредного влияния на крестьян лиц, уличаемых в подстрекательстве их к неповиновению и беспорядкам, высочайше разрешено было в виде временной меры на 1861 г., — если такие лица не будут обвинены по суду за недостатком юридических доказательств, а между тем возвращение их на место жительства признано будет опасным,— высылать их в другие губернии, под надзор полиции, на срок не более 2-х лет. Мера эта оказала существенную пользу, и потому действие означенных правил было продолжено на 1862 и 1863 год. На основании этих правил, с разрешения министра внутренних дел, были удалены из места жительства в 1861 году 4, а в 1862 году 10 человек.

Министерство циркуляром от 14 мая 1861 г. просило начальников губерний, чтобы во всех случаях упорного неповиновения крестьян безотлагательно принимаемы были решительные меры к восстановлению порядка и повиновения установленным властям. Этим циркуляром окончились распоряжения о принятии строгих мер к подавлению беспорядков между крестьянами.

С наступлением второго периода, отличавшегося, главным образом, уклонением крестьян от исполнения предписанных при утверждении уставных грамот формальностей, от принятия самых грамот и от отправления повинностей по новому порядку, изменился и характер предпринимаемых мер. Все формальности, при утверждении грамот, установлены с целью обеспечения самих крестьян; если они, по недоразумению или упорству, уклонялись от участия в поверке грамот, то нельзя было останавливаться введением правильно составленных грамот. Было бы также неудобно побуждать крестьян мерами наказания к исполнению этих формальностей, в особенности странно было бы заставлять их строгостью наказаний подписывать тот или другой документ. Вследствие сего было постановлено, что уклонение крестьян от выбора уполномоченных для выслушания грамот и для подписания протокола и поверки акта не должны останавливать действий мировых посредников и губернских присутствий в утверждении и введении в действие уставных грамот, а самые грамоты, в случае отказа крестьян от принятия их, должны, по усмотрению мирового посредника, храниться: или при его делах, или в волостных правлениях, впредь до востребования оных крестьянами. При этом вменялось только в обязанность наблюдать за исправным со стороны крестьян отбыванием повинностей; поручалось также благоусмотрению местного начальства, смотря по обстоятельствам: или оставлять крестьян при прежнем порядке отбывания повинностей в ожидании, что они сами поймут невыгоду этого для них самих, или требовать отбывания повинностей по грамотам.

Министерство, имея в виду, что составление и введение уставных грамот имеет весьма существенное значение в совершающейся реформе, циркуляром от 29 августа 1861 г., просило начальников губерний

предложить губернским по крестьянским делам присутствиям принять все законные меры побуждения к представлению владельцами уставных грамот в течение определенного Положениями срока. Для наблюдения же за ходом этого дела начальникам губерний вменено в обязанность доставлять в министерство сведения об уставных грамотах два раза в месяц. Циркулярами от 4 сентября 1862 г. было раз'яснено, что, после истечения определенного для составления грамот помещиками годичного срока, не представляется уже необходимости в возвращении грамот помещикам для исправления. Исправление этой или составление вновь уставных грамот составляло уже обязанность самих посредников; исключение допускалось для тех случаев, когда непосредственное участие в этом владельцев могло способствовать скорейшему окончанию дела. Получаемые сведения об успехе введения уставных грамот публиковались во всеобщее сведение.

Сверх означенных распоряжений предложено было, циркуляром от 2 мая 1862 г., начальникам губерний об'ехать в летнее время волости крестьян, освобожденных от крепостной зависимости, с приглашением, для содействия им в этом деле, членов губернских присутствий. При этом было сообщено губернаторам, что главною целью об'езда их должно быть принятие мер к своевременному введению в действие уставных грамот, как к самому надежному средству для рассеяния распространившихся между крестьянами ложных слухов. «Нынешнее лето (сказано было в циркуляре) последнее из двухгодичного срока, назначенного для составления и утверждения уставных грамот. Вашему превосходительству известно то ложное понятие, которое крестьяне составили себе об этом сроке, и которое, к сожалению, до сих пор еще не вполне рассеялось. Правительство убеждено, что самое надежное средство к раз'яснению ложных слухов заключается в своевременном введении уставных грамот и полном их соблюдении. Оно вправе ожидать, что гг. помещики постоянно будут показывать крестьянам пример уважения к закону и, между прочим, те из них, которые, по каким-либо причинам, не представили еще грамот, озаботятся немедленным их представлением. Правительство надеется, что мировые учреждения не ослабеют в благотворной деятельности, которою они до сих пор отличались. Самим делом надо доказать крестьянам, что Положение не остается мертвою буквою, а приводится в исполнение, что оно действует, и что всякое отступление от него с той или другой стороны преследуется как нарушение закона». По отзывам губернаторов, поездки их и личные раз'яснения, которые они делали крестьянам, были весьма благотворны. Крестьяне по большей части охотно высказывали свои сомнения и предположения и с большим вниманием выслушивали из'яснения, делаемые губернаторами, которым они верили.

Наконец, чтобы убедить крестьян в неосновательности распространяемых между ними ложных слухов о новой воле, были распубликованы в циркулярах 2 декабря 1861 г. и 13 ноября 1862 г. слова, которые крестьяне слышали из уст самого государя императора при проезде его величества в Крым и во время пребывания в Москве.

Волнения были подавлены военною силою и строгими полицейскими мерами, бездеятельное сопротивление крестьян введению уставных грамот признано не имеющим силы; уставные грамоты вводились с возрастающим успехом: распространение выкупа угодий и предоставление земли в собственность без содействия правительства быстро развивались; положение крестьян, облегченных в повинностях и огражденных от произвола помещичьей власти, начало улучшаться на самом деле. Все это вместе взятое заставило крестьян убедиться в законной

силе Положения и в пользе его применения. Они начали жаловаться на несоблюдение правил Положений и просить о восстановлении нарушенных прав. Этим отличался третий период двухлетнего времени.

В течение двухгодичного срока в министерство внутренних дел всех просьб по крестьянскому делу было подано 2 939.

Из них:

от помещиков	988
» крестьян	1 631
» разных лиц	320

По периодам приведенные цифры распределялись следующим образом:

в 1-й период (до половины 1861 г.):

от помещиков	45
» крестьян	9
» разных лиц	23
Итого	77

во 2-й период (до половины 1862 г.):

от помещиков	394
» крестьян	541
» разных лиц	127
Итого	1 062.

в 3-й период (до 19 февраля 1863 г.)

от помещиков	549
» крестьян	1 081
» разных лиц	170
Итого	1 800

Если взять процентные отношения, то обнаружится, что из 100 прошений подано:

	от помещиков	крестьян	разных лиц
в 1-й период	58,44	11,69	29,87
» 2-й »	37,10	50,94	11,96
» 3-й »	30,50	60,05	9,45
во все время	33,61	55,49	10,90

Из этих данных можно видеть, что число прошений, как от помещиков, так и от крестьян, возрастало постепенно, но не в одинаковой соразмерности.

Надо было поддержать обнаружившееся в крестьянах стремление к законному выражению своих неудовольствий и отклонить их от притязаний, не основанных на законе. Для достижения первой цели было принято за правило принимать все прошения и давать им возможно быстрый ход; вторая цель достигалась посредством выдаваемых крестьянам раз'яснительных об'явлений, в наиболее важных случаях за подписанием министра и с препровождением на место через губернаторов для прочтения на полных сходах. Если бы был принят строгий, по буквальному смыслу закона, порядок, то все жалобы на помещиков, мировых посредников и мировые с'езды следовало бы возвращать просителям, как не подлежащие рассмотрению министра; точно так же должно было бы оставлять без рассмотрения прошения, не снабженные доверительными приговорами. Министерство по жалобам, приносимым не на губернские присутствия, приняло на себя скромную обя-

занность — препровождать такие жалобы по принадлежности; иначе крестьяне, мало знакомые с порядком обжалования, могли бы пропустить установленные сроки, иначе неудовольствие, выраженное в форме прошения, могло бы обратиться в явный беспорядок или открытое сопротивление власти. Кроме редких, особенно важных случаев, по такого рода прошениям не требовалось уведомления о дальнейшем их ходе. По жалобам на губернские присутствия министерство, руководствуясь высочайше утвержденным 14 июня 1861 г. Положением главного комитета, ограничивало свою деятельность кассационным характером. Оно никогда не разрешало дел по существу, но ограничивалось указанием законного направления. Уважая придаваемое законом значение местным по крестьянским делам учреждениям, министерство никогда не возбуждало сомнения в достоверности фактов; и в случае спора, заявленного одной из сторон в деле распорядительном, оно обыкновенно предлагало дать такому делу ход, в порядке, установленном для спорных дел. Некоторыми губернскими присутствиями решались спорные дела по существу их, — подобные решения были отменяемы, с указанием, что в спорных делах губернские присутствия имеют власть кассационную. Даже в делах распорядительных, министерство, раз'яснив применение закона, всегда просило губернские присутствия вновь пересмотреть частное дело и постановить решение. В случае затруднений, встреченных на месте в принятии к исполнению министерством предложения, дело обыкновенно вносилось на разрешение главного комитета.

Из 2 630 прошений, поданных в 1862 и 1863 гг. до 19 февраля:

препровождено на законное распоряжение	1 286
потребовано доставления сведений	918

Если эти цифры разделить по полугодиям, то оказывается:

В первое полугодие 1862 г. препровождено

на законное распоряжение	511
потребовано доставления сведений	182
Во втором полугодии препровождено на законное распоряжение	584
потребовано доставления сведений	554

С 1 января по 19 февраля 1863 г.

препровождено на законное распоряжение	191
потребовано доставления сведений	182

Таким образом из общего числа поданных просьб в первое полугодие 1862 г. ¾ не подлежало рассмотрению министерства; во вторую же половину года и в первые 1½ месяца 1863 г. числа подлежащих и не подлежащих рассмотрению министерства прошений были поровну. Эти данные дают повод думать, что просители постоянно приучаются к установленному законом порядку обжалования.

Студенческое движение в 1901 г.

После массовой студенческой забастовки 1899 г., затронувшей в той или иной мере все высшие учебные заведения России, забастовки, отличавшейся, по признанию министерства народного просвещения, «большим упорством и большою продолжительностью», несмотря на беспощадные репрессии, применяемые, по предложению министра Н. П. Боголепова, к радикальному студенчеству, брожение в университетах не прекращалось. Репрессии не в состоянии были задавить движение, они только обострили недовольство против применявшего их правительства.

Уже в 1900 г. администрация принуждена была считаться с наличием революционного движения в университетах, выразившегося в попытке создать центральную организацию для руководства студенческим движением. 16 июня 1900 г. в Одессе был арестован съезд представителей университетов, посвященный вопросу организации студенчества на почве единой программы требований и действий.

Хотя попытка создать такую организацию не удалась, но уже с осени 1900 г. началось крупное студенческое движение, вылившееся к 1901 г. из стен университетов на улицу, где оно встретилось с движением рабочих.

К этому периоду и относятся публикуемые документы.

К и е в. Киевский университет был центром организации, подготовлявшей студенческий съезд 1900 г.

После Московского и Петербургского университетов Киевский был самым многолюдным. Благодаря особым условиям политической жизни Юго-западного края, в связи с остро стоявшим здесь национальным вопросом, наиболее влиятельными организациями Киевского университета являлись польская, украинская и кавказская [1]. В 90-х годах, когда началось оживление студенческой жизни,—по словам доклада, представленного киевскими делегатами на Одесский съезд,— «жизнь землячеств начинает итти ускоренным темпом и от самообразования она переходит к цели образования общественных деятелей в разных сферах политической жизни, ставя самообразование лишь на степень средства к достижению этой главной цели. Эту цель каждое землячество конечно понимает по своему, но общий дух всех землячеств был более или менее одинаков».

Несмотря на то что Киевский университет был в числе особенно пострадавших при разгроме 1899 г. (число студентов в осенний семестр уменьшилось в нем по сравнению с весенним на 290 человек), настроение киевской молодежи после движения 1899 г., по данным охранного отделения, «оставалось тревожным и неустойчивым».

События осени 1900 г. описаны в «Листках свободного слова», в московском журнале «Студенческая жизнь» и в других нелегальных изданиях. Оценку этим событиям дал В. И. Ленин в статье «Отдача в солдаты 183 студентов» [2].

Извлеченные ныне из архивов документы дают ряд интересных подробностей, до сих пор не появлявшихся в печати.

---

[1] В Киевский университет, наряду с Одесским, преимущественно направлялись уроженцы Кавказа, не имевшие университета в своем родном крае.

[2] Ленин, Соч., т. IV, стр. 69—73.

В руководстве киевским движением принимал участие местный социал-демократический центр. Еще 31 января 1901 г. Киевский комитет РСДРП распространил печатное воззвание ко всем рабочим «по поводу студенческих беспорядков», в котором раз'яснялось политическое значение студенческого протеста. Когда в Киев дошли известия о петербургских, московских и харьковских демонстрациях, Киевский комитет взял на себя инициативу такой же демонстрации в Киеве и особым воззванием пригласил рабочих явиться в воскресенье 11 марта в 12 часов дня на Крещатик.

О грандиозности киевской демонстрации, описанной в № 3 «Искры», можно составить представление и по сухому рапорту прокурора, который печатается ниже.

С. Петербург. Неспокойно протекал осенний семестр 1900 г. и в столице.

В октябре состоялась сходка по поводу исключения после обыска курсистки высших женских курсов Гусевой. 23 ноября в Малом театре произошла демонстрация, учащейся молодежи, протестовавшей против постановки антисемитской пьесы «Контрабандисты». С 24 по 28 ноября происходили в университете сходки.

Движение в Петербурге началось задолго до применения «временных правил». Правление ответило на сходки исключением из университета на разные сроки 31 студента и 12 подвергло «выговору с карцером».

11 января было опубликовано постановление об отдаче в солдаты 183 киевских студентов. Пример вызвал подражание, и в ответ на резолюцию сходки 24 января, постановившей закрыть Петербургский университет и начать обструкцию с 26-го, трибунал, составленный из ректора университета Гольмстена, деканов факультетов Розена, Лебедева, Шевлякова и Платонова, вместе с представителями судебного ведомства и полицейского сыска, 6 февраля приговорил к отдаче в солдаты 27 петербургских студентов.

Крупные демонстрации, подавленные с исключительной для того времени жестокостью, состоялись в Петербурге 19 февраля и 4 марта 1901 г. Они описаны в рапорте прокурорского надзора, который явно стремится затушевать картину зверского избиения демонстрантов.

Харьков. В организации уличной демонстрации в Харькове, как и в Киеве, живое участие приняли оба действовавшие тогда социал-демократические центра— Харьковский комитет РСДРП и «Союз борьбы». Первый выпустил гектографированное, а второй — печатное воззвание к харьковским рабочим с призывом принять участие в демонстрации 19 февраля. Благодаря этому к вечеру того дня, «студенты и вообще интеллигенция терялись уже среди рабочих».

Москва. Наибольшее впечатление на современников произвело уличное движение в Москве, продолжавшееся несколько дней и принявшее широкий размах.

Московское радикальное студенчество к осени 1900 г. не только еще не оправилось от разгрома 1899 г. (число студентов Московского университета в результате разгрома уменьшилось на 312 человек), но и было обезглавлено. После ареста одесского съезда 16 июня был разгромлен Московский исполнительный комитет, действовавший с начала 1900 г.

Поэтому события начала 1901 г. застали радикальное студенчество Московского университета в распыленном состоянии.

Наскоро сколоченный в середине января усилиями социал-демократической группы «Студенческая жизнь», новый исполнительный комитет не успел ни выработать программы, ни наметить плана действий, когда события поставили перед ним задачу поддержать студенческое движение других городов.

На его призыв явиться на сходку 29 января откликнулось всего 308 человек, в числе которых были не только студенты. Об'явленная сходкой забастовка не прошла.

23 февраля исполнительный комитет в полном составе был арестован на сходке, куда, по его призыву, явилось 317 человек.

Участники сходки были препровождены полицией в манеж, вокруг которого два дня расхаживала сочувствующая публика: студенты высших учебных заведений, курсистки, гимназисты, гимназистки.

В ночь с 24 по 25-е на тысячную толпу была призведена атака казацкой лавой, но ни шашек, ни обычных нагаек в ход пущено не было.

В воскресенье 25 февраля студенческая демонстрация была поддержана демонстрацией рабочих, главным образом типографий, и металлообрабатывающих, а отчасти и крупных текстильных, предприятий.

Демонстрации, собравшие до 3 тыс. участников и охватившие значительную часть обширного района бульварного кольца, не прекращались до позднего вечера.

Руководители исполнительного комитета объединенных студенческих землячеств и организаций второго состава испугались размаха политического движения и призвали к прекращению демонстраций и сходок...

По поводу прокламации исполнительного комитета «Искра» (№ 3) писала:

«По верному замечанию одного из корреспондентов, «исполнительный комитет» проявил в данном случае «дикое непонимание», стремясь сузить движение, расширявшееся далеко за пределы студенческой борьбы... Гг. представители «исполнительного комитета испугались развития студенческого протеста в политическое движение и пожелали поставить его опять на профессиональную почву, что на самом деле только ослабило бы его силу. Обычная либеральная близорукость».

Но вопреки руководителям отдельных студенческих организаций, где немалое влияние имели «экономисты», студенческое движение выходило далеко за рамки академических вопросов.

Подводя итоги движению, Ленин 20 декабря 1901 г. писал в «Искре»: «Опыт прошлого года не прошел для студентов даром. Они увидели, что только поддержка народа и главным образом поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за свободу всего народа, за политическую свободу. Харьковский Союзный Совет студенческих организаций прямо выразил это уже в своей октябрьской прокламации. Да и студенты Петербурга, Москвы, Киева, Риги и Одессы, как видно из их листков и прокламаций, начали понимать всю «бессмысленность мечтаний» об академической свободе при беспросветном рабстве народа» [1].

На примере Киева и Москвы мы видим, как студенческие демонстрации находят быстрый отклик в рабочих массах и вызывают широкие политические демонстрации рабочих.

«Искра», руководимая Лениным, четко поставила вопрос о необходимости поддержки рабочим классом студенческого движения. «И тот рабочий недостоин названия социалиста,— писал Ленин,— который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи» [2]. «Рабочий класс поднял уже борьбу за свое освобождение. И он должен помнить, что эта великая борьба возлагает на него великие обязанности, что он не может освободить себя, не освободив всего народа от деспотизма, что он обязан прежде всего и больше всего откликаться на всякий политический протест и оказывать ему всякую подрежку» [3].

В. Орлов.

---

[1] Ленин, Соч., т. IV, стр. 346.
[2] Там же.
[3] Там же.

I. Отдача в солдаты киевских студентов

(Ноябрь 1900 г.—январь 1901 г.)

Записка товарища министра внутренних дел министру народного просвещения, 16 ноября 1900 г., № 2783 [1].

Милостивый государь
Николай Павлович.

13 сего ноября в унирситете св. Владимира состоялась многочисленная и бурная студенческая сходка. 15 числа сходка повторилась при еще бо́льшем количестве участников и сопровождалась угрозами, ругательствами, свистками и пением песен, причем настроение молодежи было настолько бурное, что учебное начальство не решилось войти в аудиторию, из опасения получить оскорбление действием; ректор, пытавшийся воздействовать увещанием в коридоре, был заглушен свистками, криками и иными неуважительными выходками. Причину первой сходки студенты об'ясняют желанием обсудить уличные проступки товарищей [2], вызвавшие порицание в местных газетах, причина же второй сходки — недовольство против инспектора, рассеявшего первую сходку и тем не допустившего обсуждение поставленных вопросов. Учебное начальство во всех этих доводах не видит достаточных оснований для сходок, волнения и т. п., происходящее же брожение приписывает смуте, полагая, что студенты ищут лишь предлога к продолжению беспорядков. При выходе с последней сходки раздавались крики, призывающие к разбитию редакций газет, и по имеющимся сведениям ожидается повторение сходок.

Об изложенном долгом считаю сообщить вашему высокопревосходительству для сведения.

П. Дурново.

Из прокламации Киевского союзного совета об'единенных землячеств и организаций, 6 декабря 1900 г. [3].

К студенчеству и обществу!

Синклит ученых мужей, носящих звание «правления университета», в своих отеческих попечениях о детках-студентах, решил по поводу сходки 15 ноября применить к пяти «провинившимся» в виде наказания карцер — меру, по их мнению, не строгую, для студентов, не обидную и Немезиду университетскую удовлеворяющую. «Буяны» посидят 5 суток в карцере, правление пожурит их и остальных 32 человека, замешанных в деле; особенного ущерба они не потерпят, а министерский циркуляр о дружески интимном отношении между инспекцией и студентами ad maiorem Карпинского [4] gloriam будет выпол-

---

[1] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 35, л. Е, л. 2.

[2] В киевских газетах появились статьи о том, что два студента Киевского университета из числа так называемых «белоподкладочников» Чудович и Охременко, прокутили около 300 руб. с певичкой в ресторане, а потом ее обобрали. Лучшая часть киевского студенчества, возмущенная поступками «белоподкладочников», созвала университетский суд. 1 декабря 1900 г. была выпущена прокламация: «Приговор студенческого суда университета св. Владимира по делу Чудовича и Охременко», в которой осуждались поступки, не достойные студенчества, и требовалось увольнение Чудовича без права поступления в Киевский университет.

[3] М. Ю., врем. канц., 1900 г., д. № 11717, л. 3.

[4] Карпинский, К. Т.— инспектор студентов Киевского университета.

нен. Оказалось, однако, что у студенчества понятия о чести несколько отличаются от понятий жрецов науки. Те двое из наших товарищей, которым уже был об'явлен приговор, с негодованием отвергли милостивое предложение заботливой инспекции и предпочли быть совсем удаленными из стен университета, чем опозорить их примером добровольного подчинения студентов решению, глубоко возмущающему всех, кому дорога честь студенчества.

Живое сочувствие студенчества к поведению двух упомянутых товарищей выразилось в сходке, состоявшейся 5 декабря и постановившей: потребовать возвращения уволенных товарищей и отмены хитроумного приговора, а в противном случае забастовать и продолжать забастовку после рождества...

Киевский союзный совет об'единенных землячеств и организаций.

Для окончательного решения вопроса о забастовке сходка постановила собраться снова в четверг 7 декабря в 12 часов в 14 аудитории.

Из рапорта прокурора Киевской судебной палаты министру юстиции, 9 декабря 1900 г., № 1066 [1].

В дополнение к рапорту моему от 5 сего декабря месяца за № 1046 [2], имею честь донести вашему высокопревосходительству, что вследствие бывших в университете св. Владимира внутренних беспорядков, сопровождавшихся сходками студентов, правлением университета постановлено: четырех главных зачинщиков подвергнуть заключению в карцере на время от 2 до 5 суток, а 29 остальным из числа наиболее выдававшихся участников беспорядков — сделать строгий выговор. Когда постановление это об'явлено было всем подвергшимся взысканию студентам, то двое из них... наказанные карцером, отказались подчиниться постановлению правления и потому, согласно правилам университетского устава, подлежали исключению из университета. Обстоятельство это вызвало новое брожение среди студентов местного университета, сопровождавшееся бурными сходками 5 и 7 сего декабря, на которых постановлено было требовать от университетского начальства: 1) уничтожения карцера, как меры наказания вообще, и 2) оставления... студентов, подлежащих исключению, как не пожелавших подчиниться постановлению правления...

7 декабря в здании университета вновь собралась сходка и после принятия упомянутых решений студенты сначала через чинов инспекции, а затем через посредство своих выборных требовали к себе ректора для об'явления ему резолюции сходки. Ректор отказался вступать с ними в переговоры и об'явил, что на сходку не придет. После этого половина из числа студентов, бывших на сходке, разошлась, а 406 человек остались, заняли одну из больших аудиторий и об'явили, что они не уйдут до тех пор, пока к ним не явится ректор, хотя бы для этого им пришлось в занятой аудитории просидеть и ночь и даже следующие сутки. Толпа эта запаслась провизией, водкой и вела себя очень бурно: была выломана дверь в соседнюю аудиторию и выбиты стекла в окнах. Когда все меры убеждения со стороны университетского начальства были исчерпаны и не привели ни к каким резуль-

[1] М. Ю., врем. канц., 1900 г., д. № 11717, лл. 7—9.

[2] При рапорте прокурора Киевской судебной палаты от 5 декабря 1900 г. № 1046 сообщалось, что волнения и сходки в университете прекратились, «не вызвав суровых мер со стороны университетского начальства, ограничившегося наложением дисциплинарных взысканий на виновников внутренних беспорядков».

татам, последнее обратилось за содействием к административной власти. Генерал-губернатор вызвал к себе помощника попечителя (попечитель г. Вельяминов-Зернов отсутствовал из Киева по делам службы), ректора университета и инспектора студентов, которые удостоверили перед начальником края, что они бессильны своими мерами подавить беспорядки и просят о содействии. Тогда генерал-ад'ютант Драгомиров [1] поручил вице-губернатору барону Штакельбергу и начальнику Киевского губернского жандармского управления генерал-майору Новицкому взять два баталиона пехоты с сотней казаков, и, если потребуется,— силой восстановить порядок, приказав задержать только тех, которые не пожелают разойтись.

По прибытии властей и войск в здание университета, что было уже около 8 часов вечера 7 сего декабря, оставшимся там студентам предложено было прекратить беспорядки и разойтись по домам. Они обещали исполнить это требование беспрекословно и добровольно, если только к ним выйдет ректор и выслушает их требование, причем обязались быть вежливыми и не наносить оскорблений главе университета. На приглашение барона Штакельберга и генерала Новицкого ректор согласился выйти к студентам и выслушать их заявление. Когда он появился в аудитории перед толпой студентов, к нему подошел студент Кудрявцев, принятый в университет св. Владимира после увольнения из Казанского университета за участие в беспорядках, и в качестве председателя сходки в резкой форме заявил, что его, ректора, несколько раз звали студенты, но он ни разу не явился на их зов, чтобы выслушать их требование, что на сходках решено: потребовать... отмены карцера, как наказания... в противном случае об'явлено будет во все российские университеты о решении сходки и всюду подняты будут волнения. На это ректор возразил, что он является только исполнителем постановления правления, сам своей властью отменять ничего не может и изменять высочайше утвержденный устав не вправе; что постановления сходок незаконны, как и самые сходки, потому он и не являлся их выслушивать, а если теперь пришел, то единственно из желания прекратить беспорядки.

После этого все студенты в числе 406 человек были переписаны поименно, причем в среде их оказалось 3 человека посторонних. Все эти три человека были арестованы, а остальные студенты отправлены по домам, и к 10 часам вечера университет был очищен.

В аудитории, откуда выведены были студенты, между несколькими экземплярами различных прокламаций найден был один экземпляр рукописного воззвания от группы студентов-политехников местного института, в котором последние ободряют товарищей по университету продолжать борьбу и обещают полную поддержку со своей стороны. И действительно, вчера, 8 декабря, состоялась большая сходка в Политехническом институте, на которой участвовавшие в сходке распались на две равные группы — за и против поддержки университетских волнений, и обсуждение этого вопроса студентами института нельзя считать законченным.

Донося об изложенном, долгом считаю доложить вашему высокопревосходительству, что вчера 8 декабря вечером, при моем участии, у генерал-губернатора состоялось совещание о том, какие следует принять меры для прекращения дальнейших беспорядков в местном университете. К совещанию в числе других лиц приглашены были попечитель учебного округа, ректор университета св. Владимира, директор мест-

[1] Драгомиров, М. И.— генерал-губернатор Юго-западного края.

ного Политехнического института, инспектор студентов университета св. Владимира и начальник Киевского губернского жандармского управления. Университетское начальство во главе с попечителем учебного округа высказалось, что все меры к прекращению беспорядков, от них зависевшие, ими исчерпаны и не привели ни к какому результату, в виду чего поднят был вопрос, не надлежит ли прибегнуть к применению высочайше утвержденных 29 июля 1899 года временных правил об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаленными из сих заведений за учинение скопом беспорядков[1]. При обсуждении этого вопроса мной высказано было мнение, что инициатива обращения к г. министру народного просвещения о созыве совещания, учреждаемого на основании временных правил 29 июля 1899 г., должна исходить от местного учебного начальства и, так как попечитель округа заявил, что им уже сделано представление по этому вопросу, то на совещании было решено выждать ответа министра народного просвещения.

По полученным мной сведениям сего числа поступило к попечителю округа распоряжение министра народного просвещения о созыве совещания для применения к виновникам беспорядков временных правил 29 июля 1899 года.

Прокурор судебной палаты Арсеньев.

Из рапорта прокурора Киевской судебной палаты министру юстиции, 24 декабря 1900 г., № 1141[2].

В дополнение к рапорту моему от 9 декабря за № 1066, имею честь донести вашему высокопревосходительству, что 10 декабря мной получено было письмо попечителя Киевского учебного округа от 9 декабря за № 56, в котором он, уведомляя о последовавшем со стороны министра народного просвещения «разрешении» на созыв совещания по правилам 29 июля 1899 года, приглашал меня на 11 декабря к 8 часам вечера в здание университета для предварительного совещания.

Председатель совещания открыл заседание, прочитав депешу министра народного просвещения следующего содержания: «согласно телеграмм вашего превосходительства разрешаю применить закон 29 июля 1899 года». Затем инспектором студентов была доложена прилагаемая при сем в копии «краткая записка о беспорядках в университете св. Владимира в течение осеннего семестра 1900 г.» и список студентов, оказавшихся на сходке 7 декабря при прибытии в университет властей и войска.

В списке этом оказалось записанными не 406 человек, как было донесено мной на основании сведений, полученных от начальника Киевского губернского жандармского управления, а 396 человек...

Председателем было предложено рассмотреть вопрос о том, кто из указанных в списке студентов должен быть признан обвиняемым и подлежащим ведению совещания. Я высказал мнение, что вопрос этот не подлежит обсуждению совещания, которое призвано для рассмотрения обвинения по существу относительно тех воспитанников, которые будут указаны подлежащим начальством, как участники беспорядков. Это мое мнение разделил представитель военного министер-

[1] «Временными правилами» 29 июля 1899 г. министру народного просвещения разрешалось сдавать в солдаты студентов «за дерзкое поведение, за грубое неповиновение начальству, за подготовление беспорядков или производство их скопом в стенах заведений и вне оных».

[2] М. Ю., врем. кащц., 1900 г., д. № 11717, лл. 12—19.

ства генерал-майор Кониский, остальные же члены совещания с нами не согласились и большинством голосов нашли нужным постановить, что суждению подлежат 391 человек, записанных на сходке 7 декабря...

Тогда же было решено приступить с 13 декабря к выслушанию об'яснений обвиняемых... и назначить по два заседания ежедневно: одно в 10 часов утра, а другое в 8 часов вечера...

В заседаниях, происходивших ежедневно в течение времени с 13 по 18 декабря включительно, были выслушаны словесные об'яснения 344 явившихся студентов и 28 письменных об'яснений отсутствующих.

19 декабря предположено было приступить к обсуждению виновности участников беспорядков, но по предложению члена совещания декана юридического факультета Романовича-Славатинского заседание было посвящено выслушанию показаний двенадцати помощников инспектора студентов и экзекутора и тогда же были выслушаны словесное об'яснение одного явившегося из отпуска студента и 10 письменных об'яснений.

Данными, бывшими в рассмотрении совещания, подтвердились в общем, как сведения, изложенные в «краткой записке», доложенной инспектором студентов в заседании 11 декабря, так и сведения, представленные мной в рапорте от 9 декабря за № 1066, но в частности не получили подтверждения сведения о том, что на сходке распивали водку. Все студенты в своих об'яснениях энергически отрицали это, помощники инспектора не дали никаких положительных указаний по этому вопросу, а слухи о том, что были найдены бутылки в 13 и 14 аудиториях после удаления из них студентов, в коридоре и ботаническом саду под окнами 13 и 14 аудиторий, оказались ложными. По заявлению инспектора ни одной бутылки найдено не было. Двери из 14 в 13 аудиторию не были взломаны, а были открыты, так как крючок, запиравший их вверху, находится в 14 аудитории, где собралась сходка. В окнах, выходящих в сад, и в коридорах, в обеих аудиториях было выбито 13 стекол, считая здесь и двойные рамы в окнах, выходящих в сад, но это не было проявлением буйства, а сделано было для доставления притока свежего воздуха в переполненное людьми помещение, из которого заправилы сходки не позволяли уходить лицам им неизвестным.

Выбиты были стекла больше всего в верхних полукруглых частях рам очень высоких окон аудиторий, причем орудием послужила длинная щетка, предназначенная для обметания потолков и оказавшаяся в 13 аудитории. Разбито было и одно нижнее стекло в сад насквозь в обеих рамах, зимней и летней, вероятно для той же цели, для которой были разбиты стекла в верхних рамах. Были выбиты по одному нижнему стеклу в двух одиночных рамах, одно в 13 и другое в 14 аудитории и через эти отверстия удалось уйти нескольким участникам сходки, которых не выпускали в дверь.

7 декабря в 12 часов дня в 14 аудитории была назначена лекция профессора Челпанова, последняя в семестре. Когда профессор пришел в коридор к дверям аудитории и от некоторых студентов узнал, что собирается сходка, то он не вошел в аудиторию и удалился, предоставив аудиторию сходке. И из чинов инспекции ни 5, ни 7 декабря никто не сделал ни малейшей попытки убедить собравшихся студентов разойтись, хотя 13 ноября студенты подчинились требованию инспектора и разошлись, и хотя, по показанию помощника инспектора Дроздовского, настроение студентов 5 и 7 декабря было более спокойное, чем 15 ноября, когда тоже никто из чинов инспекции не пытался

об'ясниться с собравшимися студентами. По заявлению инспектора студентов чины инспекции не обращались к собравшимся студентам потому, что были убеждены в полной безуспешности такого обращения.

Некоторые студенты в своих об'яснениях говорят, что приход инспектора вероятно прекратил бы сходку и что для всех студентов было совершенно неожиданным появление административных властей и военной силы.

Данные студентами об'яснения в значительной части шаблонны. Многие из них говорят, что пришли на лекцию профессора Челпанова и не были удивлены количеством собравшихся, так как на лекции профессора Челпанова обыкновенно приходит 300—400 человек (что подтвердил и инспектор студентов), а предстоявшая лекция была в этом семестре последняя и на нее естественно было ожидать наплыва слушателей. Ожидая прихода профессора, они за шумом, стоявшим в аудитории, не заметили, как началась сходка, а когда разобрались в том, что происходит, то уйти уже было нельзя, так как уходящих сперва провожали свистом и клеймили названиями «шпионов, подлецов» и т. п., а позднее не выпускали и физической силой. Некоторые из пришедших на лекцию профессора Челпанова говорят, что остались на сходке, заинтересовавшись тем, что будет происходить, а затем не было уже возможности уйти. Другие об'ясняли, что придя в университет по своим надобностям и услыхав, что в 14 аудитории сходка, пошли туда из любопытства, а выйти не могли, частью по указанным выше причинам, частью же потому, что заправилы сходки распространили слух о том, что чины инспекции записывают уходящих, и представлялось более безопасным уйти после окончания сходки большими группами.

Многие показали, что, будучи на сходке, они участия ни в дебатах, ни в голосовании резолюции не принимали и были простыми слушателями, а еще большая часть утверждала, что при голосовании были против забастовки. Несомненно, что в числе этих об'яснений много неправдивых, так как, по словам почти всех опрошенных, вопрос о забастовке был решен утвердительно, если и не большинством голосов, то значительным числом участвовавших на сходке.

Некоторые из опрошенных, признавая, что они сознательно пришли на сходку, об'яснили, что ими руководило желание не допустить сторонников беспорядка провести на сходке резолюцию о забастовке. Об'яснения шести студентов из этой группы выделяются, по моему мнению, по искренности и сознательному разумному отношению к явлениям университетской жизни. Об'яснения эти приводят к тому, разделяемому педагогическим персоналом университета св. Владимира и подтверждаемому данными дознания о беспорядках 1898/1899 учебного года заключению, что беспорядки текущего года возбуждены незначительной группой из числа так называмых «организованных студентов». Являясь меньшинством, эта группа тем не менее представляет значительную силу по своей организованности, силу, с которой не может бороться неорганизованное большинство сторонников порядка. Сторонники порядка, бывшие на сходке 7 декабря, об'ясняют, что сходки, хотя и запрещены, но до последнего времени собирались и решения, постановленные на них, хотя и незначительным, сравнительно с общей массой студентов, числом участников, влияли на ход университетской жизни, на ход занятий, как и было во время беспорядков 1898/1899 учебного года. Поэтому, опасаясь последствий сходки 7 декабря, в случае если на ней будет постановлено решение о забастовке, они и пошли на сходку, чтобы противодействовать воз-

можности такого решения. Борьба оказалась невозможной, так как на сходке 7 декабря проявилось небывалое деспотическое отношение заправил сходки к товарищам; впервые не допускали никого уходить, кроме лично известных председателю сходки. При этом влияли на более малодушных страхом презрения за уход из аудитории, пугали других опасностью быть записанными педелями, третьим физически преграждали возможность уйти, так как дверь была заставлена скамейкой, на которой сидели студенты из числа заправил сходки, а около них толпились их же сторонники. Шум и крик не умолкали и нельзя было разобрать, сколько голосов было за забастовку, и сколько против. Из числа всех бывших на сходке в начале ее, ушло впоследствии около ста человек, но между ними было незначительное количество противников забастовки, а большинство было сторонников беспорядка, выпущенных председателем сходки частью после того, как около 2 часов дня состоялось постановление о забастовке, а частью позже, когда за воцарившеюся с сумерками темнотой можно было незаметно для большинства выпускать тех, кого желательно было выпустить. Заподозрить правдивость этих об'яснений нет оснований, потому что лица, дающие их, говорят про себя, что остались до конца добровольно, считая невозможным уйти после того, как сознательно приняли участие в сходке; кроме того и инспекция и деканы факультетов аттестуют этих студентов с наилучшей стороны...

Показания помощников инспектора были бессодержательны и не дали материала для суждения о виновности отдельных лиц. По словам помощника инспектора Дроздовского, чины инспекции после того как началась сходка, только «заглядывали» в тот коридор, в который выходит дверь аудитории № 14. Такое боязливое отношение чины инспекции проявляли, как видно из их показаний, потому что, по их словам, от студентов можно было ожидать всего после их поведения 15 ноября. В этот день, удаляясь со сходки (15 ноября) с шумом, криком и песнями, они устроили на площадке лестницы демонстрацию и в это время кто-то из них бросил сырое яйцо, попавшее в одного из служителей. Экзекутор свидетельствовал о количестве разбитых стекол и о том, что одна из дверей, выходящих во двор университета, была открыта студентами силой, чтобы впустить товарищей, возвращавшихся с провизией. Как видно из его показания, в душнике той аудитории, в которой собиралась сходка, была найдена на другой день разрозненная литографированная брошюра, содержащая программу пропаганды революционных идей, в которой между прочим имеются указания на то, что учащаяся молодежь является благодарной средой для такой пропаганды. Кроме этой брошюры в 13 и 14 аудиториях, по удалении из них студентов, было найдено несколько экземпляров гектографированного воззвания «Киевского союзного совета об'единенных землячеств и организаций» от 6 декабря 1900 года «К студенчеству и обществу», один экземпляр которого при сем представляется, и по одному экземпляру представляемых при сем в копиях: воззвания «Киевского комитета российской социал-демократической рабочей партии» и рукописного воззвания «Группы политехников» от 7 декабря. При сем представляется также и копия «приговора студенческого суда по делу Чудовича и Охременко», экземпляр которого был добыт жандармским управлением путем агентуры.

Хотя «Союзный совет» в воззваниях, представленных мной вашему высокопревосходительству 16 и 27 ноября за №№ 984 и 1022, старается придать политическую окраску волнениям, происходившим в университете св. Владимира в текущем году, но в действительности волнения

эти не имели политической окраски и касались вопросов внутренней университетской жизни.

Заседания 20 и 21 декабря были посвящены обсуждению вопросов о том, кто из обвиняемых должен быть признан подлежащим удалению из университета и какой срок службы в войсках должен быть указан по отношению к каждому удаляемому.

При обсуждении этих вопросов декан юридического факультета Романович-Славатинский изложил очерк истории студенческих сходок в университете св. Владимира, которые, по его словам, возникли в 1856 г. при попечителе Ребиндере и развились и укрепились при Пирогове.

Как Пирогов, так и позднее Николаи[1] пользовались сходками для того, чтобы влиять на студентов в желательном направлении. И с того времени студенчество настолько сжилось со сходками, что вывести их очень трудно, и борьба, которая давно уже ведется с ними, не дает результатов. Начиная же с семидесятых годов в студенческие сходки стали вторгаться посторонние, нечистые элементы из внеуниверситетской среды, которые возбуждают волнения без достаточных к тому поводов. Очень сожалея молодежь, он тем не менее не видит данных, чтобы разобраться в том, кто больше и кто меньше виноват в последних беспорядках, и потому полагает, что должны быть признаны виновными все занесенные в список с назначением им кратчайшего из указанных во временных правилах сроков военной службы.

Декан физико-математического факультета Бобрецкий высказал, что до 1863 г. студенчество имело организацию, которая давала возможность здоровым элементам бороться с элементами, склонными к беспорядкам.

Когда ввели в действие уставы, которые смотрят на студенчество не как на организм, а как на собрание отдельных обособленных единиц, в среде студенческой появились тайные незаконные организации, бороться с которыми очень трудно и которые, несмотря на незначительный по численности состав, всегда могут вызвать беспорядки. Затем, перейдя к рассмотрению временных правил 29 июля 1899 г., Бобрецкий высказал мысль, что применение их к дурным студентам, которые и без участия в беспорядках находятся накануне исключения, почти не составляет наказания, так как, будучи удалены на основании временных правил, студенты эти могут воспользоваться облегчением, указанным в 10 статье временных правил[2]; при исключении же их правлением университета они лишаются отсрочки по отбыванию воинской повинности и теряют право поступления в учебные заведения. Для хорошего же студента, пользующегося стипендией и попавшего так или иначе под действие временных правил, удаление из университета является тяжкой карой, которая становится еще тяжелее, если студент этот пользовался льготой по отбыванию воинской повинности.

В виду этого г. Бобрецкий предложил выделить, сравнительно

---

[1] Николаи, А. П. (1821—1899 гг.), принимал участие в разработке университетского устава 1863 г., центральной идеей которого была автономия профессорской корпорации. В 1881 г., только один год, Николаи был министром народного просвещения; с 1887 по 1894 г. состоял председателем департамента законов Государственного совета.

[2] Ст. 10 «временных правил»: «Проступки исправно отбывших службу в войсках на основании настоящих правил предаются полному забвению, и лицам этим предоставляется поступать в учебные заведения и на государственную службу на общем основании» («Правительственный вестник» от 31 июля (12 августа) 1899 г., № 165).

немногих, хорошо аттестуемых студентов, а из остальных покарать строже тех, которые выдаются по своему участию в беспорядках.

С этим предложением г. Бобрецкого согласились и деканы факультетов: медицинского — Тихомиров и историко-филологического — Флоринский... Ректор университета Фортинский полагал признать виновными всех, подвергнув более строгому наказанию более виновных; с этим мнением согласился и попечитель учебного округа тайный советник Вельяминов-Зернов.

Представитель от министерства внутренних дел генерал-майор Новицкий, признавая виновными всех бывших на сходке 7 декабря, предложил выделить тех, которые хорошо аттестуются начальством, и ходатайствовать, чтобы к этим студентам не было немедленно применено наказание, с тем, чтобы если студенты, находясь под особым надзором начальства, не будут замечены ни в чем дурном в течение года или двух, то они будут совершенно освобождены от назначенного им наказания.

Представитель от военного министерства генерал-майор Конисский высказался за признание виновными лишь тех, которые уличены, как деятельные участники беспорядков, а затем, выслушав мои доводы, изложенные в главных чертах в особом моем мнении, генерал Конисский высказал, что разделяет мое мнение.

Копия особого моего мнения при сем представляется [1].

В виду разнообразия высказанных мнений, первым на баллотировку поставлен был вопрос о том, следует ли признавать виновными всех записанных участников сходки. Голоса разделились поровну, но вопрос признан решенным в утвердительном смысле потому, что в числе пяти человек, подавших голос в этом смысле, был председатель особого совещания. Кроме него подали голос за утвердительное решение вопроса инспектор студентов Карпинский, декан юридического факультета Романович-Славатинский, ректор университета Фортинский и генерал-майор Новицкий.

Затем большинством девяти голосов против голоса Романовича-Славатинского было определено назначить студентам Виктору Кудрявцеву и Антонию Минькевичу трехлетний срок службы в войсках, а пяти студентам: Стефану Хелмицкому, Александру Цивцивадзе, Николаю Малиновскому, Алексею Горошко и Вацлаву Липскому, ходившим делегатами к ректору, назначить двухлетний срок службы в войсках.

Всем остальным студентам, занесенным в список участников сходки 7 декабря, определен годичный срок службы в войсках. Последний вопрос решен большинством восьми голосов против голосов: моего и генерала Конисского.

Никакой резолюции по окончании совещания подписано не было, а председатель заявил, что определение будет изготовлено к 29 или 30 декабря и что тогда он пригласит нас для выслушания и подписи определения.

В настоящее время большинство студентов университета св. Владимира раз'ехалось из Киева на рождественские праздники, тем не менее организация, именующая себя «Союзным советом об'единенных землячеств и организаций», выпустила за последние дни и разослала по почте два воззвания, экземпляры которых при сем представляются.

Одно из них, под заглавием «Новое беззаконие русского правительства», а другое «К обществу и профессуре», оба без обозначения даты.

Прокурор судебной палаты Арсеньев.

---

[1] Копии особого мнения прокурора Киевской судебной палаты в деле не обнаружено.

Из прокламации Киевского союзного совета об'единенных землячеств и организаций, 17 января 1901 г.[1]

К 183[2]

Мы обращаемся к вам, нашим честным товарищам, которым первым выпало на долю испытать на себе всю силу варварских правил 29 июля 1899 года. Через несколько дней нас разлучат с вами... Те, благодаря которым, вы брошены в казармы, полагают, что ваша участь устрашит и «усмирит» нас, что такой «назидательный» пример остановит нас от всяких попыток выражать когда-либо свое негодование. Нет, глубоко ошибаются те, которые такими мерами стремятся «успокоить» нас. Действительно, пример этот для нас весьма назидателен, но в совершенно ином отношении. Пример этот еще раз иллюстрирует всю тяжесть нашего положения; еще раз указывает нам на все зло правительственного произвола, с которым мы должны бороться, еще раз убеждает нас в стойкости русского студента, в его готовности к самопожертвованию. Такие примеры никогда не изгладятся из нашей памяти; в них мы почерпнем силы для предстоящей борьбы за наше освобождение; они гарантируют нам успех движения. Еще дружнее сплотимся мы, отстаивая нашу независимость, наших пострадавших товарищей; еще ожесточеннее и упорнее будет наша борьба!

Прощайте же, товарищи!..

Мы не устраиваем вам торжественных проводов, зная, что уже приняты меры для устранения «беспорядков» на вокзале. Мы не обратили бы внимания на эту новую выходку Новицкого и к-о, если бы не должны были щадить наши силы для предстоящей борьбы. Одно это, только одно это удерживает нас от исполнения горячего нашего желания — выразить вам свое сочувствие и благодарность демонстрацией при вашем от'езде. Мы знаем, что вы поймете нас и не осудите. Из диких трущоб Закавказья, из глухих деревень Польши и Литвы вы будете прислушиваться к нашей борьбе, будете приветствовать наш успех, будете сочувствовать нам при наших неудачах. Ведь наша борьба — ваша борьба. Дело у нас одно; вы выбываете из строя — мы вас заменяем!

Еще раз, прощайте товарищи!..

Киевский союзный совет об'единенных землячеств и организаций.

Прокламация Союзного совета харьковских об'единенных организаций и землячеств, 11 февраля 1901 г.[3]

ПИСЬМО ПАРИЖСКИХ ПРОФЕССОРОВ ГГ. ПРОФЕССОРАМ УНИВЕРСИТЕТОВ[4]

Многоуважаемые коллеги.

Позвольте нам выразить здесь чувство горестного удивления, которое охватило нас при известии о недавнем событии в Киеве.

---

[1] Фонд нелегальной литературы, инв. № 20260.

[2] 183 студента Киевского университета были сданы в солдаты распоряжением министра народного просвещения 11 января 1901 г.

[3] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, т. III, л. 43.

[4] Студенческие волнения в России вызвали большой интерес и сочувствие в Западной Европе; в Париже на собраниях профессоров и студентов были заслушаны доклады о событиях в России и приняты единогласно резолюции, порицающие царское правительство и сочувствующие русским студентам. Такие же собрания происходили в Австрии, Италии, Бельгии, Англии и Швейцарии. Римские и туринские студенты послали телеграмму русским товарищам. В Праге готовилась большая демонстрация протеста, но местные власти ее запретили.

Забота о сохранении или поддержании порядка в университетах во всех странах лежит на самих университетах. Нам кажется, что каков бы ни был политический строй государства, эта привилегия необходима для той высокой моральной функции, которая принадлежит образованию.

Мы не можем ограничиваться одной только передачей знаний,— мы обязаны образовывать (воспитывать) характеры. Университет — употребляем сильное выражение г. Леона Буржуа — воплощает в себе совесть нации. Вот почему нам трудно понять поведение наших киевских коллег.

Когда студенты возбудили инцидент, не имевший особенной важности и, по признанию всех, касавшийся исключительно университета, жандармы и казаки проникли в университет и начали распоряжаться в нем, как хозяева. Профессора не протестовали против такого вмешательства. Некоторые из них даже содействовали этому. Студенты не сопротивлялись и с ними было поступлено, как с бунтовщиками. 183 из них понесли жестокое и не имеющее ничего общего с университетом наказание. Его назначил им административный трибунал, судивший их без соблюдения каких бы то ни было юридических формальностей, в отсутствии обвиняемых, которые были лишены всякой возможности защищаться; профессора в этом трибунале заседали рядом с представителями армии и полиции.

Нам кажется, что университеты всего мира обязаны громко заявить, что они отказываются от всякой солидарности с теми из своих коллег, которые сочли возможным принять и санкционировать такую юрисдикцию. Тот нравственный авторитет профессоров, на котором только и держится образование, неизбежно рухнет, если мы будем итти на подобные компромиссы.

Париж. Подлинное подписали: гг. Рише[1], Ланглуа[2], Сеньобос[3] и другие менее известные.

Обещали свои подписи Лависс[4], Летурно[5], Реклю[6] и др.

Союзный совет харьковских объединенных организаций и землячеств.

II. Демонстрации протеста в Петербурге, Харькове, Москве

(февраль 1901 г.)

Выписка из полученного агентурным путем письма, 22 февраля 1901 г.[7].

19 февраля назначена была демонстрация в 10 часов около Казанского собора, но дня за 4 перед тем арестовано было делегатское от всех высших учебных заведений собрание, в числе 25 человек. На следующий день забрали комиссию, занимавшуюся выработкой проекта

[1] Рише Шарль, род. в 1850 г., профессор физиологии в Парижской медицинской школе.

[2] Ланглуа Шарль-Виктор, род. в 1863 г., профессор палеографии и библиографии в Париже.

[3] Сеньобос Шарль, род. в 1854 г., профессор истории в Сорбонне.

[4] Лависс Эрнест, род. в 1842 г., профессор истории в Сорбонне.

[5] Летурно Шарль Жак-Мари (1831—1902 гг.), профессор антропологической школы в Париже.

[6] Реклю Жак-Элизе (1830—1905 гг.), профессор сравнительной географии Брюссельского университета. Член I Интернационала. Участник боев Парижской коммуны в рядах национальной гвардии. Крупный теоретик и организатор анархистского движения.

[7] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, л. А. л. 70.

демонстрации 19 февраля, со всеми бумагами и бюллетенями, которые должны были выйти на следующий день... Кроме того была масса арестов разных лиц по подозрению или просто так. Ну вот, как забрали комиссию, то просто не знали, что делать. Бюллетеней нет... как же просвещать народ. А так как чуть ли не весь Петербург уже слышал о будущей демонстрации, то многие, как из учащихся, так и из «Союза писателей» [1], пошли на площадь Казанского собора, хотя 19 числа утром организационный комитет студентов решил ничего не устраивать. Когда я пришла туда, на площади народу не было, все находились в церкви, так как сами решили не устраивать демонстрации, а только отслужить молебен за 28 человек студентов, отданных в солдаты. Все было в высшей степени прилично и обошлось бы спокойно. Но когда после обедни вышли из церкви учащиеся и публика, то не дали им расходиться, а их сейчас же со всех сторон обступила полиция и погнала по Невскому; народу было тысячи две. Потом конные полицейские и жандармы разрезали эту толпу на несколько частей и одну небольшую часть, человек 600, обступили кругом и пешие и конные полицейские, а других разгоняли. Студенты вели себя спокойно, и демонстрация, которую совсем уже не желали устраивать, вполне удалась; отрезанную часть курсисток и студентов еще разрезали пополам и загнали на двор в городскую думу и здесь полицейские начали их бить и топтать лошадьми. Публика, видевшая это и слышавшая крики избиваемых, пришла в негодование и начала громко ругаться, но городовых унять было просто невозможно. Пострадавших было очень много: кому глаз выбили, кому зубы, на снегу видна была кровь, вообще сцены были ужасные. На думском дворе переписали 100 курсисток и студентов, а остальных переписывать отказались; ответили прямо: кого хотим, того и запишем. Потом студенты и публика избитые пошли в участок, позвали туда Карабчевского [2] и составили протокол.

Корреспонденция Редакции «Студенческой жизни», 23 февраля 1901 г. [3].

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ» № 11 [4]

Я пошла на демонстрацию как зритель, никогда раньше не видавший ничего подобного. Когда мы в начале 1-го часа дня подошли к Казанскому собору, было уже довольно много курсисток и студентов, которые частью расположились на скамейках в прилегающем к собору сквере, частью гуляли или стояли на крыльце собора, разговаривая между собой; некоторые заходили в собор и слушали панихиду по Александре II. Наконец, панихида окончилась, и большая часть собравшейся молодежи столпилась на крыльце храма. Очевидно, здесь не было совершенно организаторов, заранее обдумавших демонстрацию,

---

[2] При Петербургском русском литературном обществе был организован Союз взаимопомощи русских писателей. После распространения прокламации о событиях 4 марта в Петербурге, подписанной рядом известных литераторов, союз по распоряжению петербургского градоначальника от 12 марта 1901 г. был закрыт.

[2] Карабчевский Н. П., присяжный поверенный.

[3] Моск. охр. отд., 1900 г., д. № 592, т. III, л. 214.

[4] «Студенческая жизнь» — студенческая группа, оформившаяся в Московском университете осенью 1900 г. Эта группа в своих изданиях проводила линию экономистов. Редакцией был издан только один номер гектографированного журнала «Студенческая жизнь» — в январе 1901 г. Поступающие затем корреспонденции издавались редакцией как отдельные листовки.

т. к. никто не знал, что делать, и многие уже собирались расходиться по домам, думая, что демонстрация не состоится. Видя нерешительность собравшихся, кто-то из студентов крикнул: «Погодите уходить, пойдем вместе!». «Гг., идемте направо по Невскому». Долгое ожидание наскучило, и все без споров двинулись по Невскому. В это время к группе студентов, шедших впереди, подошел какой-то полковник и просил разойтись; ему возразил студент медицинской академии, что трудно итти всем в разные стороны при таком стечении народа. Полковник (или генерал) ушел, студенты, шумя и громко разговаривая, вышли на Невский. Кто-то предложил запеть «Нагаечку»[1]. Подхватили. Другие просили замолчать. Потом запели «Марсельезу». Слышны были преимущественно девичьи голоса. Не успели спеть и первого куплета, как всех нас окружили конные казаки. Со всех сторон раздался свист студентов. Неизвестно откуда, точно из-под земли, явились целые организованные отряды городовых и стали теснить собравшуюся молодежь к стене. Припертые к стенам и окнам домов, студенты и курсистки не знали, что делать. Вдруг раздался крик ужаса: «Бьют! Бьют!». Кричали со всех сторон. Это оказывается городовые гнали студентов с Невского. Все побежали, сознавая свое полнейшее бессилие перед полчищами городовых. Я оглядывалась несколько раз назад и каждый раз видела искаженные лица девушек, которые еще с каким-то диким отчаянием продолжали петь «Марсельезу». Я видела двух упавших студентов, которых товарищи стали поднимать, а полицейские награждали их за это ударами кулаков. Одна курсистка, должно быть, от ужаса упала в обморок, а студенту, хотевшему поднять ее, до крови разбили лицо. Мы видели над собой поднятые кулаки городовых. Наконец нас втиснули в какой-то двор, где и начали переписывать фамилии и адреса участвовавших. Когда нас записали, мы пошли домой с горьким сознанием своего бессилия перед кулаками городовых, с сознанием, что «у нас еще кулак безнаказанно гуляет по спинам бунтовщиков-студентов». На Невском собралась толпа из нескольких тысяч зрителей, которые смотрели на расправу с молодежью, как на интересное зрелище. Впрочем было много возмущенных «безобразием поведения» учащихся, и лишь очень немногие понимали, что столько уж накопилось обид и унижений, что молчать долее стыдно, позорно.

Еще раз студенты и курсистки стали предметом грубого насилия петербургской полиции. Неужели же товарищи их останутся безучастными?!

На сходку, товарищи!

Участница.

Прокламация Харьковского Комитета РСДРП, 17 марта 1901 г.[2]

Ко всем харьковским рабочим.

Товарищи! 12 января этого года правительство сдало в солдаты 183 киевских студента за то, что они не хотели быть его покорными слугами, сделаться чиновниками, которые обирают народ. Эта крутая варварская расправа взволновала студентов всей России. Они стали устраивать забастовки, уличные демонстрации. С 19 февраля по 11 марта в Петербурге, Москве, Харькове и Киеве они устраивали де-

[1] «Нагаечка» — песня, сложенная по поводу избиения казаками студентов в Петербурге 8 февраля 1899 г.

[2] Фонд нелегальной литературы, инв. № 3579.

монстрации, в которых кроме студентов, участвовало много рабочих. В Петербурге и Москве их было десятки тысяч.

Напуганное такими дружными действиями правительство принялось за старое средство: оно отдало приказ бить непокорных. На демонстрациях были избиты без предупреждения несколько сот человек, много было убито.

Казаки давили народ лошадьми, увечили нагайками. Городовые набрасывались по нескольку на одного, бросали на землю, били шашками, топтали ногами. Били до потери сознания, били лежачих, били даже женщин и детей.

Мы, рабочие, не можем оставить без ответа такое гнусное насилие!

Дело студентов, которые протестуют против отдачи их в солдаты и против насилий полиции, — дело всего русского рабочего люда. Студенты и все честные русские люди борются против нашего общего врага — царского самодержавия,— и нам надо их поддержать! Выйдемте все вместе в воскресенье 18 марта в 12 часов дня на Николаевскую площадь и там покажем нашим врагам, что мы не можем оставаться спокойными, когда проливают кровь наших братьев. Будем только вести себя сдержанно и этим мы покажем лучше всего свою силу.

Долой самодержавие! Да здравствует свобода!

Харьковский комитет российской социл-демократической партии.

Прокламация исполнительного комитета об'единенных землячеств и организаций, 20 февраля 1901 г.[1]

Исполнительный комитет с чувством глубокого удовлетворения отмечает особенно резко проявившееся сегодня бодрое и стойкое настроение студентов и еще раз убеждается в том, что московское студенчество далеко не так солидарно во взглядах с ректором Тихомировым[2], как предполагает этот последний.

Приветствуя это живое проявление смелого протеста, до сих пор глухо чувствовавшегося в массе, исполнительный комитет выражает твердую надежду, что дело, начатое с 29 января[3], будет поддержано и продолжено в самом недалеком будущем на предстоящей сходке 23 февраля.

Исполнительный комитет об'единенных землячеств и организаций.

Прокламация исполнительного комитета об'единенных землячеств и организаций, 25 февраля 1901 г.[4]

БЮЛЛЕТЕНЬ 25 ФЕВРАЛЯ № 2

С радостным чувством исполнительный комитет приветствует успех двух последних дней. В настоящих студенческих волнениях не так

[1] Моск. охр. отд., 1900 г., д. № 592, т. VI, л. 244.

[2] Тихомиров, А. А. (род. в 1850 г., ум. в 1920 г.), профессор Московского университета, окончил юридический факультет и естественное отделение физико-математического. В разгар движения 1899 г. он сменил корректно обращавшегося со студентами ректора Д. Н. Зернова. В тесном единении с попечителем округа и охранным отделением ректор Тихомиров изобретал средства задавить студенческое движение, обнаруживая чиновничью ловкость и иезуитскую изворотливость.

В 1911 г. был назначен попечителем Московского учебного округа; сохранил этот пост до революции 1917 г.

[3] 29 января 1901 г. состоялась сходка студентов Московского университета, на которой 317 чел. постановили начать забастовку как протест против отдачи 183 киевских студентов в солдаты.

[4] Моск. охр. отд., 1900 г., д. № 592, т. III, л. 11.

даже важно то — кто одолеет: правительство ли со своими штыками и нагайками, или студенты своей твердостью и настойчивостью (шансы слишком неравны), а важно то активное сочувствие общества к студенчеству и его требованиям, которое так ясно выразилось в последние два дня демонстрациями на Моховой, Никитской и Тверской улицах, число участников которых доходило до двух или трех тысяч, причем учащаяся молодежь была даже в меньшинстве, — доказали нам с полной очевидностью на чьей стороне сочувствие общества. И давно пора! Пора, наконец пробудиться нашей «публике», сознать свое собственное положение и понять, что правда — не в кулаке, не в штыках, а в свободе и законности. Итак — шаг вперед есть, теперь довольно демонстраций, сходок: наши силы и без того уже истощены, соберемте же остатки и продолжим начатое дело!

Дружно, без споров забастуем и будем держаться до конца; нам не страшны теперь ни ссылка, ни тюрьма, ни солдатчина, ни все те новые «временные» правила и «постоянные», которые может придумать разгулявшаяся фантазия Боголепова и К-о: «привычка великое дело», да к тому же мы теперь убедились, что «не одни мы в поле».

Одно, в чем исполнительный комитет особенно убеждает товарищей: это при всех видах протеста держать себя возможно сдержаннее и корректнее. Все уличные буйства и скандалы, возникшие по вине студентов, могут только отвратить от нас единственного союзника — общество.

Итак наши требования:

1. Отмена временных правил.
2. Возврат всех пострадавших товарищей.
3. Реформа университетского устава в духе устава 63 г.[1], а наше оружие — забастовка!

Исполнительный комитет об'единенного совета землячества и организаций.

Прокламация исполнительного комитета об'единенных землячеств и организаций, 25 февраля 1901 г.[2].

БЮЛЛЕТЕНЬ 25 ФЕВРАЛЯ № 1

Сведения получены непосредственно от арестованных по пути в Бутырки

I. Сведения о числе арестованных в манеже во вчерашнем бюллетене оказались не совсем точными, а именно: всего было взято 764 чел., из них 102 курсистки, 22 из публики и 660 чел. студентов.

II. Из курсисток 5 не пожелали уйти из манежа и шли со студентами в Бутырки. 24-го числа, часов в 8 вечера, к арестованным присоединили еще 3 человек за попытку выбить окна манежа.

III. Вот что сообщили товарищи о своем пребывании в манеже: они

[1] 18 июня 1863 г. был утвержден университетский устав, по которому устанавливалась автономия профессорской корпорации. Совет становился главным органом университетского управления. С этим уставом получили распространение и студенческие организации. Начавшаяся после 1 марта 1881 г. реакция подорвала в корне ростки студенческих об'единений. 23 августа 1884 г. был утвержден новый университетский устав, которым уничтожалась автономия университетов и выборность профессоров и ректора. Над ними стояла почти безграничная власть попечителя учебного округа. Студенты признавались отдельными посетителями университетов и отдавались во власть института инспекторов.

[2] Моск. охр. отд., 1900 г., д. № 592, т. III, л. 10.

ьсе время были оцеплены солдатами. Денег у всех вместе оказалось так мало, что они были израсходованы в первый же день. Страшно измучившись и изголодавшись, они стали требовать или еды или «законных» суточных денег. Им не дали ни того ни другого, а предлагали лишь, хорошо зная, что денег у них нет, покупать еду. От истощения у 23 человек произошли обмороки. Товарищи требовали прокурора для принесения жалобы, но последний не счел нужным «побеспокоиться». Усталые, раздраженные, они дошли до того, что бросились ломать ворота и были встречены «штыками на перевес». Еще несколько минут и могла бы произойти страшная бойня! Но к счастью г. прокурор соблаговолил явиться. Ему была принесена жалоба, после которой все же не появилось ни еды, ни денег.

IV. В 3 часа ночи их стали выводить 3-мя партиями в Бутырки.

Вчера же нами получено письмо от одного из арестованных: «Прощайте, товарищи, вероятно, через несколько дней мы будем солдатами. Почти 1 200 чел. дали подписку, что желают сходки и придут на нее, но пришло лишь 300! Где же были другие? Они своими подписями заставили товарищей притти на сходку и затем струсили и предали их. Прямому отказу притти на сходку они предпочли почему-то Иудино целование! Неужели же ни в ком из них и теперь при виде сотен арестуемых, высылаемых и отдаваемых в солдаты лучших товарищей не проснется совесть?» — Исполнительный комитет с своей стороны спрашивает: «Неужели не проснется?» Вполне разделяя мнение заключенных товарищей и видя для настоящего момента наиболее целесообразный способ протеста — «забастовку», исполнительный комитет еще раз предлагает всем товарищам — немедленно и дружно забастовать!

Арестованные получили бюллетени и осведомлены о ходе событий.

Исполнительный комитет.

Прокламация исполнительного комитета об'единенных землячеств и организаций, 26 февраля 1901 г.[1].

БЮЛЛЕТЕНЬ 28 ФЕВРАЛЯ

Не только студенчество, но и все русское общество переживают знаменательные дни. За все время существования университета никогда еще общество не осмеливалось так явно, так активно выразить свою солидарность с «бунтующими» студентами, свое сочувствие к их положению. Вчера сочувственная демонстрация достигла небывалых размеров. Весь Тверской бульвар с прилежащими улицами, Моховая были переполнены демонстрантами, число которых надо считать тысячами. Громадное большинство составляли фабричные и рабочие, которые подчеркивали свое сочувствие к студентам.

Мы, студенты, особенно должны ценить их присутствие и их сочувствие к нам: ведь у них есть свое дело, несравненно более широкое и неотложное, и они, тем не менее, явились на демонстрацию, рискуя повредить себе. Не раз полиция пыталась разогнать демонстрантов, сбивая мчащимися лошадьми детей и женщин. К вечеру были пущены в ход кулаки и нагайки, причем избивали преимущественно опять-таки детей и женщин. И тут рабочие и фабричные оказались на высоте положения, дружно отстаивая студентов и курсисток и защищая слабейших.

---

[1] Д. П, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, т. VIII, л. 136а.

Но как ни важно это новое единение, как ни захватывает грандиозность подобных демонстраций, исполнительный комитет все же настоятельно просит студентов воздержаться от повторения их. Наши силы тают: еще вчера полиции удалось выхватить 16 товарищей и почти столько же курсисток, и если так пойдет дальше, все деятельные элементы будут удалены и университет снова обратится в болото. Нас осталось лишь столько, сколько необходимо для проведения забастовки. Пусть только все сочувствующие не сидят дома, но ходят в университет и деятельно пропагандируют ее. Только с проведением забастовки нам удастся чего-нибудь добиться.

Исполнительный комитет.

III. Демонстрация у Казанского собора в Петербурге (4 марта 1901 г.)

Прокламация петербургских студентов, март 1901 г.[1].

Мы, петербургские студенты, выступаем перед русским обществом на защиту попираемых прав личности.

8 февраля 1899 г. над нами было совершено насилие: нас избили нагайками.

Мы выступили с требованием личной неприкосновенности и требовали, чтобы все действия полиции подлежали общему суду.

Поднялась всюду молодежь. Общество сочувствовало. Правительство уступило. Назначена высочайшая комиссия.

Бывший военный министр Ванновский[2] удостоверяет вину полиции. Общество получает выговор, студенты — «временные правила» об отдаче в солдаты за малейшее неповиновение «скопом» начальству. Полиция же не наказана.

Теперь свыше 250 киевских, харьковских[3] и петербургских студентов — солдаты за сходки в университете. Росчерк пера и «священнейшая обязанность защищать отечество» — уже кара: часть граждан — вне «общего устава о воинской повинности». Закон попран.

В ответ на это в Харькове демонстрации. Увечные, раненые, убитые, арестанты — ничто не останавливает протеста. Поднимаются рабочие, выступает публика — студенты не одни. В Москве тысячная толпа на улицах, свалки с полицией. Город изменился. Впервые слышится голос народа в защиту попираемого закона, в защиту унижаемого и оскорбляемого человека. Начинается движение в других университетских городах. Правительство силится подавить эти про-

[1] М. Ю., врем. канц., 1901 г., д. № 10854, л. 2.

[2] Ванновский, П. С. (1822—1904 гг.). В 80—90-х годах — военный министр, проводил политику реакции в армии. 20 февраля 1899 г. был назначен в Комиссию по расследованию причин студенческих беспорядков. С 25 марта 1901 г. по 11 апреля 1902 г. — министр народного просвещения.

[3] «Временные правила» 29 июля 1899 г. к харьковским студентам не были применены. 16 студентов Харьковского университета, участников сходки протеста против отдачи в солдаты киевских и петербургских товарищей, состоявшейся 3 февраля 1901 г., были уволены из университета и высланы из Харькова, на остальных 66 чел. наложены дисциплинарные взыскания. После демонстрации 19 февраля было образовано Особое совещание у попечителя учебного округа при участии прокурора судебной палаты и начальника губернского жандармского управления для выяснения вопроса о применении к арестованным студентам, участникам демонстрации, «временных правил» 29 июля 1899 г. Совещание пришло к заключению, что «по местным условиям» применение «временных правил» представляется нежелательным.

тесты против незаконных «временных правил», пользуясь одинаково незаконными временными правилами — «положением об усиленной охране», уже 20 лет уничтожающим образом [парализующими] действия гражданских законов, хоть немного обеспечивающих личную неприкосновенность.

Не можем и мы, петербургские студенты, оставаться спокойными зрителями. Мы громко заявляем свой протест против полицейского произвола, одинаково гнетущего как нас, так и вас, и зовем вас вместе с нами требовать:

1. Отмены временных правил 29 июля 1899 г.
2. Обеспечения личной неприкосновенности правом обжалования действий администрации суду присяжных.

Да здравствует право, ограждающее права человека.

Рапорт прокурора Петербургской судебной палаты министру юстиции, 4 марта 1901 г., № 2831 [1].

Имею честь донести вашему высокопревосходительству, что в видах полной осведомленности из достоверных источников об ожидавшихся сего числа беспорядках у Казанского собора, по поручению моему, прокурором окружного суда было поручено товарищам прокурора Вогаку и Клингенбергу иметь на самом месте происшествия наблюдение за ними. Во исполнение сего товарищи прокурора Вогак в 10½ часов, а Клингенберг в 11½ часов утра сего числа прибыли на Невский проспект, к Казанскому собору, заходили в последний, затем оставались на площади перед собором до окончания наиболее острого периода беспорядков. О ходе их последовательно доносили прокурору окружного суда, по телефону, а после двух часов результаты своих наблюдений доложили прокурору словесно. Сведениями этими установлено, что на Невском проспекте с 11 часов утра стала скопляться более значительная, чем обыкновенно, толпа, принявшаяся расхаживать по тротуарам в пространстве между зданием думы и полицейским мостом. В толпе заметно было присутствие большого количества учащейся молодежи обоего пола и шел говор о готовившейся демонстрации, о форме которой однако не упоминалось. В сквере перед Казанским собором, на скамьях сидели группы разночинцев, а на паперти храма стояли кучки в общей сложности от 300 до 400 человек любопытных, приведших туда с собой даже детей; в соборе у входа стояла толпа курсисток. Часов около 12-ти перед собором, на паперти и в колоннаде его стали скопляться незначительные кучки студентов и курсисток. Нижние чины полиции находились здесь в это время в обычном, незначительном количестве, и лишь вне обычного порядка присутствовал полицеймейстер Вендорф и несколько офицеров полиции, но никаких мер к тому, чтобы рассеивать группы, препятствовать скоплению народа, не принималось. Постепенно вышеупомянутые отдельные группы стали стягиваться перед ступенями собора и на них; вскоре толпа эта сделалась настолько компактной, что показавшийся внезапно в коляске градоначальник генерал-лейтенант Клейгельс, описав по Казанскому скверу полукруг, с трудом проехал и остановился на Казанской улице. При проезде его из толпы слышались насмешки. В 12¼ часов толпа у Казанского собора состояла из нескольких сотен человек, в значительной части женщины. В центре ее кто-то стал читать

[1] М. Ю., врем. канц., 1901 г., д. № 10854, л. 3—4.

воззвание (экземпляр коего представлен мной вашему высокопревосходительству ранее), в то же время экземпляры воззвания из центра толпы разбрасывались в разные стороны, подхватывались и читались отдельными лицами вслух. Никаких попыток рассеять скопище сделано не было. Затем толпа стала кричать «ура» и одновременно со двора № 3 по Казанской улице выехала на рысях сотня казаков, повернула направо и стала между сквером и собором фронтом к последнему, причем растянулась от одного крыла собора до другого. Таким образом толпа оказалась запертой в полукруге, образуемом фасом Казанского собора, и никакого выхода не имела. При появлении казаков для бегства толпы была свободна сторона соборной площадки, обращенная к Екатерининскому каналу, но маневр казаками был выполнен настолько быстро, что воспользоваться этим выходом могли лишь очень немногие, а масса, как сказано выше, была заперта в мертвом пространстве. Казачья сотня стала надвигаться на толпу, прижала ее к паперти, и частью спешилась, а через несколько минут произошла стычка. Непосредственным поводом к ней, по словам чинов полиции (товарищи прокурора могли наблюдать происходившее только из-за шеренги казаков), послужило то, что брошенным из толпы камнем была нанесена рана командиру сотни эсаулу Исееву. Но каков бы ни был повод, столкновение не могло не произойти, вследствие безвыходности положения толпы, к которой требования разойтись своевременно пред'явлено не было и которая сочла себя попавшей в ловушку. Казаки начали бить толпу нагайками, из толпы отвечали им ударами палок и киданьем галош. Схватка имела своей ареной исключительно ступени собора и, то ослабевая, то усиливаясь, продолжалась минут десять; во время нее на паперти было поднято красное знамя с белой надписью, содержание коей товарищам прокурора прочесть не удалось. Толпа была сдвинута на Екатерининский канал и здесь оцеплена и арестована группа человек в тридцать, составлявшая, повидимому, наиболее активный центр. Казаки сели на коней и остались ограждать соборную площадку от наплыва публики, разгоняя отдельные ее кучки. В то же время последовало оцепление и арест значительной части толпы, вытесненной на Екатерининский канал. Затем те группы, которые, оставаясь в соборе и в его колоннаде, не участвовали в столкновении с казаками, сошли на ступени собора. Тогда выдвинулась команда пеших городовых и принялась сталкивать вниз отдельных лиц, судя по костюму, принадлежавших к составу учащейся молодежи. При этом было арестовано около 40 человек. Сцена их ареста не обошлась без нанесения городовыми арестуемым побоев. Далее происходило очищение Казанской площади и прилегающих частей Невского проспекта от толпы любопытных, не сопровождавшееся какими-либо исключительными столкновениями. Часам к пяти вечера наблюдалось только большое скопление на тротуарах народа, еще взволнованного, но уже не склонного к беспорядкам.

К описанной картине необходимо добавить, что во время манифестации у собора имели место отдельные обыденного характера сцены столкновения чинов полиции с окружавшей массой любопытных.

Все арестованные были под пешим и конным конвоем направлены в Казанскую и Спасскую части. У арестованных отобраны три знамени, на двух из коих имеются надписи с требованием об отмене временных правил 29 июля 1899 г. Число арестованных еще не определено, так же, как и количество раненых; раненых же тяжело, повидимому, не имеется.

По последним же телефонным сведениям, полученным из Казанской части, арестовано всего свыше 300 женщин и свыше 650 мужчин, из коих последняя партия направляется: в пересыльную тюрьму — 100 человек, в одиночную — 50 и в арестантские роты — 50.

Прокурор судебной палаты Максимович.

Прокламация организационного комитета петербургского университета (апрель 1901 г.) [1].

БЮЛЛЕТЕНЬ № 25

Сообщаем о мерах наказаний, которым присуждены министром внутренних дел лица, арестованные и высланные за демонстрацию 4 марта. Первая категория лиц — высланные на 3 года без права в'езда в обе столицы, в университетские города и в 19 губерний Европейской России, с отдачей под гласный надзор полиции. Вторая категория — высланные на 2 года без права в'езда в университетские города и в 19 губ. Европейской России с отдачей под гласный надзор полиции. Третья категория лиц — высланные на 1 год без права в'езда в университетские города и в 19 губ. Европейской России с отдачей под гласный надзор полиции. Часть высланных оправдана по «суду» и получила разрешение теперь же возвратиться в Петербург.

Напоминаем товарищам, что 7 апреля в субботу в 12 часов сходка на университетском дворе около химической лаборатории, и просим об этом оповещать всех других товарищей.

Организационный комитет С.-Петербургского университета.

Прокламация «Группы студентов», высланных по делу 4 марта (апрель 1901 г.) [2].

Товарищи!

Мы, выброшенные из вашей среды в борьбе за отмену временных правил, вдали от той среды, в которой находились в продолжение нескольких лет, лишенные возможности теперь принимать непосредственное участие в этой борьбе против произвола правительства, взываем к вашей чести, товарищи!

Нам дорого все, что будет происходить в вашей среде, нам дорог исход этой борьбы, мы душой вместе с вами присоединяемся к общему протесту.

Товарищи! Вам всем памятно 4 марта. Неужели вы через несколько недель успеете позабыть произвол русского правительства, учиненный над нами через подвластные ему полицейские и военные власти, те кровавые сцены, которые разыгрывались перед Казанским собором? Неужели, как только зажили раны и шрамы от нагаек, вы забудете о нравственной пощечине, данной нам жандармами? Неужели вы пойдете на экзамены, бросите своих товарищей, отстанете от протеста?

Нет, мы верим вам; мы знаем, что вам дорого дело и дорога честь пострадавших за это дело ваших товарищей. Мы думаем, что вы бодро несете знамя борьбы, высоко подымаете свой голос правды во всеуслышание всему русскому обществу, против произвола правительства.

На нас лежит долг будить людей, не понимающих ту тяжесть, те тиски, которые их давят. На вас смотрят тысячи людей и ждут от вас

---

[1] М. Ю., врем. канц., 1901 г., д. № 10854, л. 79.
[2] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, т. I, л. 261а.

твердости, гражданского мужества и последовательности в борьбе. Мы верим вам, что вы будете бороться до конца, пока последний воин не сойдет с поля брани, пока останется хотя одна душа, которая в состоянии будет протестовать.

Товарищи! Мы требовали отмены «временных правил», мы требовали возвращения товарищей, отданных в солдаты,— и что делают с нами?

Тысячу человек выслали за то, что они свято боролись против такого произвола правительства. Тысячу людей вырвали из студенческой среды и бросили на произвол судьбы, всеми силами стараясь заглушить последние искры протеста, тлеющие в их груди. Нам не дали возможности бороться до конца, но вы, товарищи, продолжайте борьбу.

Вдумайтесь, товарищи, какое удовлетворение дает нам правительство, чем отвечает оно на наш протест? Оно назначает министром народного просвещения Ванновского, того самого Ванновского, которому было поручено «расследовать всесторонне причины студенческих беспорядков» в памятный 99 год.

Если кто из вас, товарищи, думает, что назначением на пост министра Ванновского правительство пошло навстречу студенчеству, тот жестоко ошибается:— это новая ловушка, чтобы обмануть и успокоить вас. Что из себя представляет Ванновский?

Яркой тому характеристикой служит его доклад по поводу волнений 1899 г.[1]. В своих поисках за причинами беспорядков бывший военный министр, с присущей ему военной выправкой и с дорогими его сердцу запросами чисто солдатской дисциплины, пришел между прочим к следующим заключениям: «Что касается до общих причин беспорядков, то... они лежат в полной беспризорности учащейся молодежи, в предоставлении ее самой себе, в отсутствии за ней надзора со стороны учебного начальства, крайней разобщенности студентов как между собой, так и с профессорами и инспекцией, в переполнении университета слушателями, в недостаточной осмотрительности при выборе профессоров и преподавателей, в числе коих в особенности среди молодых приват-доцентов попадаются люди лжелиберального направления...» (доклад Ванновского по поводу студенческих беспорядков, издание «Рабочего знамени», стр. 25).

А какие способы рекомендует Ванновский для упорядочения академической жизни?

«Установление контроля над занятиями студентов, усиление и преобразование инспекции, так как ныне она в составе инспектора и пяти его помощников... поставлена в невозможность иметь надзор почти за 5 000 чел. студентов, чему мало помогают 11 служителей из нижних чинов, особенно, если взять во внимание обременение инспекции канцелярскими обязанностями...» (доклад Ванновского, стр. 51). И таким же полицейски-казарменным духом веет от всех реформаторских проектов генерала Ванновского! Хотя, по его мнению, «возможно было бы» учреждение студенческой кассы и библиотеки, но лишь «под строгим надзором университетского начальства и при периодической ревизии книг и отчетов». Студенческая автономия даже в пределах самых элементарных интересов университетской молодежи — это жупел для «просвещенного» министра. У «вызываемых самою жизнью и существующих несмотря на воспрещения» студенческих учреждений он мечтает отнять всю привлекательность, «узаконив» их под строгим контролем начальства (доклад, стр. 52). Проникновение всего универ-

[1] Брошюра «Доклад Ванновского по поводу студенческих беспорядков 1899 г.», 1900 г., Изд. «Рабочего знамени», 52 стр.

ситетского и студенческого быта регламентом казарменной субординации — вот к чему сведется опека нового отца-командира, который теперь призван для «коренного пересмотра и исправления» нашего учебного строя.

Можем ли мы в виду такой перспективы безучастно смотреть в будущее? Можем ли сложить руки и ждать даров от наших правительственных данайцев? Нет, товарищи! В настоящий момент слишком много поставлено на карту и никто из вас не должен протянуть нашим врагам руку примирения. Не о зачислении семестров, не о благополучной сдаче экзаменов, не об обеспечении своей жизненной карьеры должны вы думать теперь, товарищи. Ваш настоятельный долг теперь противиться всяким сладким зазываньям!

Правительство всеми силами будет стараться вас успокоить! Правительство будет вам давать разные подачки, возвратит часть пострадавших товарищей, будет обещать вам различные реформы. Но, товарищи, осмотритесь кругом, вдумайтесь глубже в смысл подачек правительства и вы увидите, что это только ловушки, поставленные им, чтобы мы успокоились и чтобы оно могло потом лучше разделаться с нами. История русского студенческого движения богата примерами, подтверждающими наши слова.

Поэтому, товарищи, требуйте не только отмены «временных правил», не только возвращения всех без исключения пострадавших товарищей, но требуйте еще и настоящей реформы нашего академического строя, реформы, которая обеспечивала бы студенчеству корпоративные организации на началах полной автономии, требуйте отдачи под суд и строгого наказания виновников совершенных над нами насилий; требуйте вполне определенных гарантий личной неприкосновенности, не прекращайте борьбы, пока все мы не будем иметь полного убеждения, что позорящему нашу родину царству кулака и нагайки будет раз навсегда положен конец!

Товарищи! Мы шлем вам свое сочувствие и свой братский привет. Будьте стойки и солидарны, не унывайте перед угрозами начальства, не смущайтесь новыми жертвами — эти жертвы не пропадут даром!

Вперед, товарищи, держите высоко знамя борьбы!

Группа студентов, высланных по делу 4 марта.

IV. Рабочая демонстрация в Киеве (11 марта 1901 г.)

Прокламация Киевского союзного совета, 7 марта 1901 г.[1].

Кровавые события последних дней в Петербурге, Москве, Харькове требуют энергичного протеста. В воскресенье 11 марта в 1 ч. дня мы назначаем демонстрацию на Крещатике и приглашаем к участию в ней всех, в ком не заглохло еще чувство человеческого достоинства.

Киевский союзный совет.

Прокламация Киевского комитета РСДРП, 8 марта 1901 г.[2].

Ко всем работницам и рабочим.

События сменяются с головокружительной быстротой; каждый занимающийся день приносит с собой все новые и новые ужасы. Они заставляют содрогаться от негодования самые черствые сердца. Цар-

[1] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, т. II, л. 41.
[2] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, л. А, л. 24.

ское правительство сбросило маску лицемерия, с наглым бесстыдством выступает оно теперь перед глазами всего мира.

По необ'ятному простору России с бешеной яростью бушует вихрь произвола и насилий. Задушены народности; стонут миллионы разоряемого крестьянства; ссылают на каторгу борцов за рабочее дело, расстреливают стачечников на улицах Домброва, Лодзи, Серпухова, Ярославля, Мариуполя; преследуется свобода совести и убеждений, карается свободное слово, школы превращаются в казармы, сотни честных студентов отданы в солдаты, в грязь затоптано достоинство человеческой личности.

Кровь закипает от негодования при виде совершаемых злодеяний. Прошли века покорного рабства, настает время действия. Среди общего поругания и позора может молчать лишь тот, в ком спит совесть и умерла честь.

В Харькове, Москве и Петербурге уже произошли массовые демонстрации, волнуется народ в Одессе, Казани и Томске; в Екатеринославе заводы и фабрики оцеплены войсками...

«От пролитой крови заря заалела!
Могучая всюду борьба закипела...»

Подымаются русские граждане и смело возвышают свой голос против преступного правительства. В рядах самоотверженных борцов видна мощная фигура рабочего. Вчерашний раб — он сегодня стал гражданином, закаленный годами труда и нужды, он идет на борьбу с гнетом и беззаконием. В Харькове и Москве он занимает центральное место в загоревшейся схватке... Очередь за Киевом. Рабочие и работницы! Присоединяйтесь к общему протесту! В воскресенье 11 марта в 1 час дня назначена демонстрация на Крещатике. Мирным шествием по улицам города будем выражать негодование русскому правительству за совершенные им преступления. Докажите же, что и в вас сильны гражданские чувства и готовность бороться за свободу!

Идите и делайте!
Да здравствует свобода!

Да озарит она своими лучезарными крыльями исстрадавшиеся народы России!

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...
В бой роковой мы вступаем с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут!

Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу!

Киевский комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

Прокламация Киевского комитета РСДРП, 17 марта 1901 г.[1].

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем работницам и рабочим.

Три года тому назад, 11 марта 1898 г., в Киеве произошел разгром социал-демократической организации[2]. Одновременно производились

[1] М. Ю., врем. канц., 1900 г., д. № 11717, л. 178.

[2] 11 марта 1898 г. произведены были массовые аресты членов Киевского «союза борьбы за освобождение рабочего класса», захвачена литература и типография союза.

аресты и в других городах. Это было вскоре после образования Российской социал-демократической рабочей партии. Свирепствовала полиция, жандармы хватали рабочих и интеллигентов, происходили массовые обыски, тюрьмы были переполнены. Рука царского правительства нанесла, казалось, смертельный удар рабочему движению в России. В робкие сердца закрадывалось сомнение о возможности дальнейшей борьбы. Но живое и правое дело не умерло. На смену пришли новые поколения бойцов; со свежими силами они бодро принялись за ту же работу — за великое дело освобождения рабочего класса.

Шли годы, все шире и шире разливалась волна рабочего движения, все ярче становилась его политическая окраска. Загорелись грозные стачки в Варшаве, Белостоке, Вильно, Иваново-Вознесенске, Тифлисе. В Польше, на Северо-Западе и в Харькове в день первого мая уже гремела рабочая марсельеза. Рабочие России без различия национальностей — поляки, евреи и русские торжественно отрекались от старого мира насилий, слез и угнетения и под красным знаменем международного социализма шли в бой с экономическим порабощением и политическим бесправием.

«За восьми-часовой рабочий день!», «За свободу слова, печати, союзов, собраний!», «За свободу вероисповеданий и равноправность народностей!» — раздавался их боевой клич. «За политическую свободу!», «За освобождение рабочего класса!» отвечали мы им на своих тайных собраниях, не имея еще достаточно сил выступить с открытым призывом.

Времена переменились. Годы упорной подготовительной работы не прошли для нас даром. В тиши окрепла наша духовная связь, непрестанная борьба за улучшение экономического положения сплотила разрозненные силы, она раскрыла нам глаза на окружающую действительность и поставила нас лицом к лицу с заклятым врагом — с царским правительством. Мы соединялись в союзы и кружки, мы слышали свободную речь; мы читали листки, газеты и книжки, изданные в тайных типографиях, до нас доходило правдивое слово. Лучи знания и истины проникали в массы рабочего люда и разорвали окутывающий их мрак. При свете истины ярко выступили все язвы современного общества и государства: сказочные богатства, довольство, царская роскошь имущих классов, пользующихся всеми благами жизни, и рядом — нищета и необеспеченность трудящегося класса, необходимость борьбы с экономическим гнетом и трудность этой борьбы в стране, где государственная власть сосредоточена в руках бездушных чиновников, состоящих на службе у капиталистов, где гонится свободное слово убеждения, беззащитна личность и царит один лишь произвол. Нам стал понятен каждый общественный акт. Долгие годы унижений и насилий над нами сделали нас чуткими ко всякому притеснению и обиде. Мы научились горячо чувствовать, пылко желать — мы стали гражданами.

Тогда наступило время действия, открытой борьбы за политические права, за права человека и гражданина. И киевский рабочий вышел на улицу и развернул красное знамя с вышитыми золотом словами: «За политическую свободу».

11 марта, в третью годовщину погрома социал-демократической организации, в Киеве происходит первая рабочая демонстрация — грозный протест рабочего класса против зверской политики царского правительства, в частности, против дикой расправы царских опричников над

демонстрантами в Харькове, Москве и особенно в Петербурге, где именем русских законов произведено избиение беззащитной толпы. Отныне киевский рабочий вступает в ряды передового отряда рабочей армии и выходит на широкое поле политической борьбы. Там, близ того места, где некогда в волнах Днепра крестилась Русь, залитый потоками весеннего солнца, он принял теперь другое, гражданское крещение.

День 11 марта! Улицы заполнены народом. Под звуки революционных песен, прерываемых криками «ура», строго, спокойно двигаются тысячные толпы демонстрантов, здесь сошлись все без различия профессий, пола, возраста, национальностей — ремесленники, фабрично-заводские и чернорабочие, мужчины и женщины, старики и подростки, русские, поляки и евреи. На всех лицах — одушевление, в глазах — восторженный порыв к свету и справедливости, страстное желание жить, жить так, как жить подобает человеку, а не придавленному рабу.

Это не бурная вспышка, не бесформенный бунт, движимый слепой ненавистью. Это продуманное спокойное и организованное движение к иным порядкам, к новой жизни, основанной на началах свободы, равенства и справедливости. В одухотворенности — его мощь. В организованности — залог дальнейших успехов. — Товарищи! Нам предстоят еще долгие годы упорной борьбы, но мы владеем теперь сильным оружием — массовым протестом, демонстрацией. При каждом новом злоупотреблении царского правительства мы будем громко протестовать против беззакония во имя человечности и справедливости.

Туда же, на широкие улицы, залитые солнечным светом, мы будем сходиться в день первого мая, в день великого праздника рабочих всех стран и народностей и на глазах у своих врагов производить смотр своим батальонам.

То, что казалось недосягаемым — достигнуто. Подадим же друг другу руки и смело пойдем вперед к новым победам.

Да здравствует наше молодое движение!

Киевский комитет российской социал-демократической рабочей партии.

Рапорт прокурора Киевской судебной палаты министру юстиции, 27 марта 1901 г., № 334 [1].

В дополнение к рапорту от 14 марта за № 280 [2] имею честь донести вашему высокопревосходительству, что производившееся в административном порядке расследование об уличной демонстрации 11 марта этого года в г. Киеве производством закончено, и местным жандармским управлением на этих днях препровождается г. киевскому губернатору для дальнейшего направления в установленном порядке.

Данными этого расследования устанавливается, что уличные беспорядки 11 марта в г. Киеве явились прямым продолжением беспорядков студенческих, возникших в конце прошлого и начале нынешнего года в г. Киеве и отразившихся впоследствии на многих других высших учебных заведениях империи.

Злонамеренные агитаторы, пользуясь общим неспокойным настроением студенческой молодежи, наводнили оба высшие учебные заведения г. Киева прокламациями, в которых всеми мерами старались возбуж-

---

[1] М. Ю., врем. канц., 1900 г., д. № 11717, лл. 186—188.

[2] В рапорте прокурора Киевской судебной палаты от 14 марта 1901 г., № 280, сообщалось о совещании, созванном генерал-губернатором по поводу передачи им дела о демонстрации 11 марта на расследование в порядке охраны начальнику губернского жандармского управления.

дающе действовать на чувства молодежи, сообщая постоянно извращенные и зачастую неверные сведения об убитых и раненых при беспорядках в С.-Петербурге, Москве, Харькове, напоминая «о жертвах временных правил», томящихся по казармам, и «жертвах произвола, страдающих в тюрьмах», указывая на отсутствие «академической свободы», «гнет рабочих и общее бесправие народа». Ратуя против всех этих «зол» правительственного режима, оба тайные органа агитации «Союзный совет» и «Киевский комитет Российской социал-демократической рабочей партии», требовали от молодежи «ярко выраженного протеста» не в стенах учебных заведений, а на улице, перед толпой, перед «всем обществом», что возможно осуществить только путем уличной демонстрации, которую они и назначили в Киеве на 11 марта в час дня, на главной улице города Крещатике, приглашая туда всех, «в ком,— по их словам,— не заглохло еще чувство человеческого достоинства». Слухи о готовящейся демонстрации усиленно распространялись и среди обывателей города, вследствие чего 11 марта к часу дня на Крещатике собралась огромная, более 10 000 человек, толпа народу, запрудившая на всем протяжении оба тротуара и даже прилегающие к Крещатику улицы. Во втором часу пополудни из толпы, стоявшей на панели, выделилась группа человек в 100—150, преимущественно студентов университета и Политехнического института, и с пением революционных песен двинулась по середине улицы. К манифестантам с обоих тротуаров стали присоединяться разночинцы, рабочие, женщины и с криками «ура», пением марсельезы толпа направилась к зданию городской думы. В центре толпы манифестантов кто-то поднял красный флаг с какой-то надписью, но флаг сейчас же кем-то из публики был сорван и затоптан в грязь, так что когда полиция подняла его, разобрать надписи не было уже возможности, так как большинство букв, вырезанных из серебряной бумаги, было уничтожено. На неоднократные требования г. губернатора толпа демонстрантов расходилась, но сейчас же собиралась в другом месте и продолжала демонстрацию, вследствие чего отдано было распоряжение окружить демонстрантов войсками и всех арестовать. Когда около здания городской думы войска стали окружать бесчинствовавшую толпу, главные зачинщики разбежались, часть прорвалась сквозь цепь и только незначительная часть участников демонстрации осталась в оцеплении. Этих задержанных под конвоем войск и полиции повели в Старокиевский полицейский участок, а громадная масса публики сопровождала шествие вплоть до участка и здесь вновь образовала толпу в несколько тысяч человек. По дороге арестованные силой пытались выбраться из оцепления и бросались на солдат, которые вынуждены были отбиваться прикладами. К 4 часам пополудни порядок на Крещатике был восстановлен, возобновилось движение экипажей и городского трамвая, а у участка толпа продолжала стоять до 6 часов вечера, пока окончилась переписка задержанных и все они были освобождены. Переписано было в участке 108 человек, да раньше чинами полиции арестовано было 8, так что всех привлеченных к расследованию за участие в уличных беспорядках 11 марта оказалось 116 человек, из них студентов университета св. Владимира 16 человек, студентов Политехнического института 6, женщин 23, а остальные 71 человек — разночинцы и рабочие. Из всех 116 человек, допрошенных при расследовании, никто не признал себя виновным в беспорядках, кроме дворянки Ванды Мыслинской (слушательницы Лионских медицинских курсов), которая об'яснила, что она сознательно приняла участие в демонстрации 11 марта с целью выразить протест против «временных правил», все

же остальные утверждали, что попали случайно, будучи стихийно увлечены толпой, из которой нельзя было потом выбраться. Такие об'яснения в большинстве случаев не заслуживают однако доверия и опровергаются целым рядом свидетельских показаний, устанавливающих непосредственное участие в демонстрации многих из числа допрошенных лиц. Вообще по мере активного участия в демонстрации и степени доказанности такового всех привлеченных можно разделить на 4 категорий; к категории первой должны быть отнесены 11 человек, в отношении коих с несомненностью установлено, что они принимали самое деятельное участие в беспорядках 11 марта: шли все время впереди толпы демонстрантов, пели революционные песни и на требование полиции разойтись отвечали отказом. К категории второй должны быть отнесены 46 человек, роль которых в демонстрации была более пассивна, но участие в ней в той или иной мере установлено свидетельскими показаниями. Среди лиц этой группы, в особенности между интеллигентной молодежью есть такие, недавнее прошлое коих свидетельствует не в пользу их политической благонадежности и указывает на то, что демонстрация 11 марта соответствовала их целям, а самый факт задержания их в центре беспорядков дает основание предполагать, что они не были чужды движению. К третьей категории надлежит отнести тех 36 человек из числа задержанных 11 марта, против которых нет свидетельских показаний и единственной уликой является факт задержания их среди бесчинствовавшей толпы. Большинство их простые люди, ремесленники и рабочие различных цехов, явившиеся на демонстрацию частью из любопытства, частью несомненно по подговору агитаторов, долженствовавшие изображать «народ» для придания демонстрации большей внушительности. Позолотчики, слесаря, заготовщики, токари, булочники, столяры — все это цехи, более других поддавшиеся влиянию социал-демократической пропаганды, и они-то и составляют главный контингент лиц последней категории. К четвертой категории относятся 19 человек, участие которых в демонстрации 11 марта решительно ничем не установлено и арест их должно об'яснить чисто случайностью, всегда возможной при массовых беспорядках среди многотысячной толпы.

Против этих 19 человек предполагается прекратить преследование. Четыре человека евреев не разысканы и в отношении их расследование будет приостановлено впредь до явки их или задержания, а в отношении вышеупомянутых участников первых трех категорий предполагается применить различные меры административных взысканий от трех месяцев тюремного заключения и двух лет гласного надзора полиции до одного месяца ареста включительно.

Прокурор судебной палаты Арсеньев.

Поиски драгоценных металлов на Севере в XVII и XVIII вв.

Промышленная разработка руд драгоценных металлов в России имеет недавнее происхождение. Сенат в своих проектах организации рудокопного дела неоднократно отмечает, что «в Российской империи издревле известной металл один был — железо, которое ручными домницами плавлено, однако же очень мало, а в протчих металлах и минералах в старые времена из чего что делается не слыхивали» [1].

Несмотря на отсутствие своих рудоразработок, в древней Руси уже в X в. было развито производство изделий из драгоценных металлов. Приток драгоценных металлов в казну древне-русских княжеств являлся результатом грабительских походов, собирания дани и меновой торговли. Крупнейшая новгородская колония — Заволочье, восточная ее часть — Урал, исстари была основной базой, снабжавшей Новгород серебром.

Драгоценные металлы, являвшиеся крупным фактором для установления международного торгового баланса, стекались главным образом, в города, где были сосредоточены торговые люди с их торговыми операциями. Города приобрели особое хозяйственно-экономическое значение. В древней Руси такими городами были: Новгород, Киев и Переяславец на Дунае: «Хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа в земле моей, яко ту вся благая сходятся: от грек злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя, из Чех же, из Угор серебро и комони, из Руси же скора и воск, мед и челядь» [2].

Русские князья особенно стремились к накоплению сокровищ — золота и серебра,— пригодных при всех изменениях рыночной кон'юнктуры.

Завоевательная политика Московского государства в XV столетии уже не удовлетворялась обычным для нее способом приобретения драгоценных металлов. Иван III впервые пытался развернуть борьбу за освоение подземных богатств русской земли. Посылая своих послов к венгерскому королю Матиашу, Иван III велел просить: «Да прислал бы к нам мастера, которой руду знает, золотую и серебряную, да которой бы руду умел и разделити с землею, занеже в моей земле руда золотая и серебряная есть, да не умеют ее разделить с землею [3].

В результате дипломатических сношений по рудознатному делу в Москве явились Иоганн да Виктор, которые были отправлены вместе с Андреем Петровым, Василием Ивановым Болтиным и греком Мануилом Илариевым на Печору искать руду.

Серебряная руда, смешанная с медью, была найдена на реке Цильме, впадающей в Печору. Для обработки найденной руды в 1492 г. отправилась экспедиция, в составе: грека Мануила Илариева и боярских детей Василия Болтина, Ивана Брюха, Андрея Петрова. Результат работы экспедиции остался неизвестным.

Уже исстари на севере носились толки о богатых серебряных россыпях, которые по народной молве находились то на материке, то на каком-то острове.

---

[1] ГАФКЭ, дело сената 5/1527.
[2] Лаврентьевская летопись под 969 годом.
[3] ГАФКЭ, архив Посольского приказа, книга цесарского двора 1488—1517, Статейный список.

С одной из подобных легенд нас знакомят публикуемые документы; они повествуют о каком-то новгородце, жившем в эпоху Грозного «посадцком человеке, Ваське, прозвищем Живляк».

Этот сородич былинного Васьки Буслаева «покупал серебряные слитки... и оттого был богат вельми». Нечто подобное мы находим в недавно изданных любопытных записках Генриха Штадена, одного из опричников Грозного. Описывая северный путь в далекую, неведомую Московию, он говорит: «Двина — река. На этой реке у Поморья лежит посад по названию Холмогоры... Далее лежит Una Nunnuy; на море — семь островов, по ним бродят олени. Далее течет река Мезень. За ней лежит Лампожня, далее река Цильма. Здесь пластами выходит наружу серебряная руда» [1].

Рост купеческого капитала в XVII столетии и стремление московских правителей итти в ногу с иностранными государствами, заставили их обратить большее внимание на поиски серебряных и золотоносных руд. Это было тем более необходимо, что страна, истощенная войнами, задыхалась от непосильных податей, и казна была пуста.

Рудоискания однако не могли получить широкого распространения в Московском государстве и производились, главным образом, за счет средств местных воеводских канцелярий и сошных людей. Но и воеводы неохотно затрачивали местные средства на подобного рода предприятия.

Так, в 1666 г. указ, разосланный «по городам стольникам и воеводам» о том, что «пошел по государеву указу Новгородской гость Семен Гаврилов и с ним плавильщик иноземец Денис Юрьиц для сыску медной руды в Олонецкой уезд...» предписывал, «что ему Семену к тому рудокопному делу на покупки и на всякие запасы и целовальников и иных каких мастеровых людей и толмачей и то ему давать в Великом Новгороде и Олонце». Но, когда Гаврилов, согласно государева указа «имать государевы казны из Олонца» запросил на раздачу работным людям «сто рублев», воевода Богдан Ордин-Нащокин ему ответил: «пишешь к думным людям непригоже с указом, и за то тебе по указу великого государя учинено будет наказание, будешь бит кнутом нещадно».

В конце XVII в. в разных местах, а также и в Сибири были открыты железные, медные, а в 1691 г. в Нерчинске при реке Аргуни серебряные руды, но эти открытия тогда не получили промышленного развития.

В Московском государстве не было специального учреждения, предназначенного заниматься изысканием и развитием добычи драгоценных металлов. Отсутствовали и рудокопных дел мастера. Все более и более выяснялось, после продолжительной работы по изысканию руды, что «надобны к рудокопному делу мастеровые люди из-за рубежа». Московское правительство вынуждено было поручить специальным людям «для тех мастеровых людей ездить в Свею за рубеж тайным образом». Так, в 1697 г. воевода Василий Андреевич Ржевский послал сына боярского Степана Тупальского «в горные порубежные волости ко князцом Мышану да Когадаю для взятия руд, и они де Степан с товарищи землю раскопали до каменья знаку серебряной руды и тот камень ломали сверху, а просечь в глубину не умели».

Почти все месторождения драгоценных металлов были открыты мелкими искателями-крестьянами, прекрасно знавшими природные свойства своей местности. Но палочная дисциплина феодальной эпохи мало способствовала среди местного населения развитию техники изыскания и обработки подземных богатств страны.

В 1700 г. Петр I учредил особый орган — Рудный приказ, повелевая «оным для пополнения его великого государя казны, золота и серебра в Московском государстве на Москве и в городах сыскивать золотых, серебряных, медных

[1] Г. Штаден, О Москве Ивана Грозного, записки немца опричника, М. 1925, стр. 64.

и иных всяких руд, ис коих по сыске золотых, серебряных и медных заводить заводы и делать товары на государя, а железные отдавать на откуп».

В результате начавшегося оживления рудных работ, вследствие привлечения иностранных горных дел мастеров, а также благодаря начавшемуся обучению рудному делу русских мастеров, в Москву было прислано разных металлических руд из 121 пункта. Руды выявлялись: медные — в Олонецком, Кольском, Пустоозерском, Соликамском уездах; в Сибири — в уездах Верхотурском, Кунгурском и Тобольском; серебряная руда — в Нерчинском.

Во второй половине XVIII в., когда были обнаружены месторождения золота одновременно в двух различных пунктах на Урале и в Архангельской губернии, впервые появляется технически организованная эксплоатация золотоносных руд в России. Однако, и в XVIII в. при рудоисканиях инициатива местных жителей была очень значительна.

Среди населения Северного края, особенно богатого болотистой и озерной железной рудой, был широко распространен мелкий кустарный промысел по обработке железных и серебряных руд. В царствование Екатерины II северяне добывали серебряную руду в тундре около Даниловского скита и делали из нее серебряные рубли, по образцу екатерининских. Эти рубли, распространявшиеся по всему Северу, ценились дороже казенных, так как производились из более высокопробного металла.

Наряду с изготовлением рублей, Север был известен местными серебряными поделками: крестами, складнями, серьгами, пуговицами к сарафанам и т. д.

Но мероприятия правительства, выселившего всех жителей монастырей — Даниловского на реке Выге и Лексинского на реке Лексе и окрестных деревень в глухие местности Сибири, надолго уничтожили для государства возможность определить местонахождения руд; крестьяне, боясь разорения, даже если и знали про существование золотых и серебряных руд, держали однако это втайне.

Публикуемые материалы: «Дело приказа Большого дворца об отыскании серебряной руды в Кольском, Двинском и Белозерском уездах в 1671—1681 гг.» [1] и «Дело об отыскании руд на Медвежьем острове и других местах Белого моря 1769 г.» [2], до сих пор еще совершенно неизвестные в печати, рисуют картину состояния и техники рудокопного дела в России в XVII и XVIII столетиях и одновременно вскрывают настойчивое стремление правящих классов раздобыть эти драгоценные металлы. Эти же самые документы с неменьшей яркостью подчеркивают и тот факт, что основную роль в деле отыскания руд играло местное крестьянское население. Во второй половине XVIII в., благодаря постепенному осваиванию специальных знаний по горному делу, начинают применяться более усовершенствованные способы эксплоатации подземных богатств России.

Дело об отыскании серебряной, а по некоторым показаниям даже золотой руды в Северном крае — в Архангельском, Кольском и Двинском уездах — сильно привлекало внимание русского правительства в XVII в. Центральная власть снарядила туда за короткий промежуток времени несколько экспедиций, возглавляемых разными служилыми людьми той эпохи. Довольно полно разные перипетии всего этого предприятия отразились на столбцах обширного архивного дела XVII в., написанного на 329 столбцах, которое носит заголовок: «Дело приказа Большого дворца об отыскании серебряной руды в Кольском, Двинском и Белозерском уездах». Как было тогда в обычае, дело это заключает многочисленные свидетельские показания, излагаемые по нескольку раз почти в одних и тех же выражениях, повторения, пересказы уже приводившихся ранее фактов. При воспроизведении все эти повторения и редубликации, не вносящие новых фактов, здесь нами опускаются. Но все основные, ведущие документы

[1] ГАФКЭ, архив Посольского приказа, д. № 972.
[2] ГАФКЭ, гос. архив, рязряд XIX, дело № 109.

точно приводятся здесь в хронологической последовательности; исключение составляют последние листы дела с расспросными речами крестьян Белозерского уезда, хронология которых нарушена уже в делопроизводстве самого приказа.

А. Бирзе.

Извет и докладная роспись П. Моложенинова в приказ Большого дворца, март 7179 (1671) г.

/л. 3/ 179 году марта в ...[1] день в приказе Болшого дворца боярину и оружейничему Богдану Матфеевичю да стольнику Александру Савастьяновичю Хитрово да дьяком Якову Петелину да Федору Тютчеву да Семену Кудрявцеву Петр Моложенинов подал докладную свою роспись, а в росписи написано.

В прошлом во 177-м году прислана государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца[2] грамота ис приказу Болшого дворца на Белоозеро на Рыбной двор ко мне Петру о сыску серебряные руды с трубником с Любимом Рудаковым, да с ним же Любимом прислал серебряные полаты мастер Тимофей Греков по извету Кирилова монастыря крестьянина Стенки Трофимова, и та руда горячие серы, а не серебряные.

Да в том же во 177-м году извещал великому государю, а мне Петру Моложенинову подал извесную челобитную за рукою на Рыбном дворе устюженец Федка Прокофьев сын Крутынин о ярославской руде в Болобановской волости, и я Петр, не описываяся к великому государю, зимным времянем посылал з Бела озера того серебреника Тимофея Грекова, а с ним подьячево и целовальников и приставов и стрельцов.

И тое руды опыт взяли и привезли ко мне Петру на Бело озеро на Рыбной двор.

И я Петр с тою ярославскою рудою Болобановские волости его Тимофея Грекова на ямских подводах с приставы и с проводниками отпустил к великому государю к Москве в приказ Болшого дворца и писал о той руде и о иных местех подробну, чтоб те места, где колчедан лежит, проходить в глубину и в далину и отыскивать той руды корения, откуда исходит, и потом перепущать, и чтоб прислать с Москвы ко мне Петру и дать к той руде мастеров и работников. И мне Петру мастеров не прислано и работников не дано.

/л. 4/ А после того во 178-м году ис приказу Большого дворца дана мне великого государя трамота, а велено сыскивать в Белозерском и в Ярославском уездех серебряные руды, а мастер мне не дан и людей работных имать не указано.

И я Петр тое руды ярославские, что в Болобановской волости, по нужде не искал.

Да в нынешнем во 179-м году отпущал я Петр живую рыбу и был в Ярославском уезде в той в Болобановской волости в октябре перед заморозом и видел, что лежит в земле слой черной земли, а другой красные.

И ныне по указу великого государя та руда велено ведать Кузьме Патокину да Степану да Максиму Шушериным.

Да в прошлом в 178-м году августа в 25 день — был я Петр на праздник в дому пречистыя богородицы успения и преподобного отца Кирила Белозерского чюдотворца, ездил помолитися и звал к себе вина

---

[1] Число не выставлено.

[2] При воспроизведении дальнейших документов царский титул обозначается сокращенной буквой... (т).

пить того ж Кирилова монастыря серебреника Петра Савостьянова сына каргопольца и говорил ему с челобитьем, чтоб мне помог о взыскании серебряные руды и обещал ему великого государя жалование, потом и от своих крох учинити подаяние. И он мне сказал в то время, заверя, что знает таково человека, которой ведает серебряную руду и чтоб про нево великому государю до тех мест не об'являть, до которых мест он в Кирилов монастырь приедет, а как он приедет и он Петр Савостьянов хотел мне ево об'явить.

И августа с 15 числа да февраля по 24 день ждал я Петр от того серебряника к себе ведомости и, не дождав, поехал к Москве и заехал в Кирилов монастырь к чюдотворцу помолитца и с ним серебреником повидатца.

И в Кирилове монастыре тот серебреник Петр Савостьянов сын каргополец сказал мне Петру, что тот человек не бывал, которой ему про тое руду сказывал, а ведомо де ему учинилося, что он к Москве проехал, а имя де ему Еремей Денисов сын Попов, колмогорец, серебряник, а живет[1] /л. 5/ в Кирилове монастыре у слуги Ивана Иванова сына Шиголева, а ведает де он в достаток про серебряную руду. где та руда родитца и кто ее продавал и кто покупал.

А будет де он колмогорец Еремей такова дела великому государю не об'явит, и мне Петру не скажет, и он де Петр Савастьянов сын каргополец про тое руду отчасти ведает и, что знает, скажет.

А сказал мне Петру, что де в прошлых годех, как был строителем старец Матвей, и при нем де Матвее привезена руда от моря из вотчины монастырские Унбы.

А привезено де ее слитками, а слитки подобны крицам фунтов с тринадцать.

И после де тово вскоре старец Матфей взят был по челобитью братии и крестьян к Москве и был под началом, и потому при нем Матфее той руде испытания не было.

А как де по указу великого государя прислан в Кирилов монастырь болшим строителем старец Ефрем Потемкин и тое руду велел ему Петру каргопольцу плавить, и он тое руду переплавил в слитки, и от тех де криц малая убыль в плавке учинилася.

А ис того де плавленого серебра делал он Петр, по приказу болшого строителя старца Ефрема Потемкина, в Кирилов монастырь в соборную церковь успения пречистые богородицы серебряного голубя, а другаго голубя делал в церковь чюдотворца Кирила Белозерского.

А то де серебро в плавке и в деле было мягко и чисто, добре лутчи немецкого серебра.

А слышал де он, что та руда пловет из высокие каменные горы и садитца крицами.

И Ефрем де Потемкин взыскания ради тое руды к морю в вотчину Унбу хотел ехать сам и поехал к Москве, докладу ради, и, приехав де к Москве, занемог, и чают, что за немощию своею не докладывал. А потом государской гнев над ним учинился.

А иные власти /л. 6/ и братья про тое руду, которая из вотчины их, из Унбы привезена и в плавке была, ведают ли или не ведают, и того мне он Петр серебреник не сказал.

А еще де ныне того плавленого серебра в Кирилове монастыре в пруте есть.

А как я Петр приехал к Москве и марта в 23 день посылал по сере-

[1] В подлиннике ошибочно: «женат».

бреника по колмогорца по Еремея и ево роспрашивал против Петровы скаски каргопольца.

И он Еремей у меня на подворье на Москве был и мне Петру Моложенинову сказал, что он в Кирилове монастыре при старце Ефреме Потемкине у плавки того серебра вместе с каргопольцем с Петром Савастьяновым был, да с ними ж де был ево Петров ученик Кирилова монастыря серебреник Степан Михайлов сын Маслов, а ныне он Степан на Москве ж.

А плавили то серебро у старца у Ефрема Потемкина за кельею, а в плавленье он сказал, толко де убыли от 7 фунтов с фунт или с полтора, а сколко де тех криц серебряных было фунтов, того он не ведает.

А такова де он серебра на Руси мяхково и чистово не делывал и не видал.

А сказался он Еремей родом поморец тех стран, попов сын, а того места мне Петру не об'явил, где то серебро родитца, и кто им промышлял, и делал, и продавал.

И старец Матфей Микифоров и болшой строитель Кирилова монастыря старец Ефрем Потемкин и колмогорец Еремей попов ныне на Москве, а Степан Маслов на Москве ж.

И буде великий государь укажет и достоит их допросить.

А в Кирилов монастырь по серебреника по Петра каргопольца и по голуби и по серебро, которое осталося в пруте по нынешнему зимнему пути, подлинного ради свидетельства, послать и о сем взыскании, что великий государь укажет.

/л. 7/... Да в нынешнем во 179—м году декабря в 10 день бил челом великому государю ... (т)..., а на Беле озере на Рыбном дворе мне Петру подал челобитную Белозерского уезду Судцкого стану волости Черные Кьямы Ильинского приходу попов сын Гришка Данилов. Позняков, а урождением белозерец, посадцкой человек о серебряной и об иных рудах, которые в Белозерском уезде есть. И та ево челобитная ниже сего.

/л. 8/ Царю государю ...(т)... бьет челом и извещает сирота твой Белозерского уезду Судцкого стану волости Черные Кьямы Ильинского приходу попов сын Данилов Гришка Позняков, а урожением белозерец посадцкой человек.

По твоему великого государя указу и по грамотам ис приказу Болшого дворца велено Петру Елисеевичю Моложенинову на Беле озере и в Белоозерском уезде сыскивать серебряные руды. И я, сирота твой по твоему великого государя указу и по приказу Петра Елисеевича Моложенинова в нынешнем во 179-м году в сентябре и в октябре и в ноябре ходил в Белозерском уезде в розных станех и сыскивал руды во многих местах и нашол руды в Белозерском уезде в Суцком стану на реке Суде на берегу в Колашемской волости по обе стороны реки Суды. А лежыт та руда и ниже Колашемской волости по реке Суде во многих местах. А какая, государь, та руда, и того я, сирота твой не ведаю. Да в том же, государь, в Судцком стану есть волость Ножема Пустая, да и слобода, словеть, — она же, болшим и диким лесом поросла. А пустеет, государь ото многих лет. И ведомо мне, сироте твоему, учинилося от ведущих людей, что подлинно в той волости есть серебряная руда. А нынешним зимним путем до весны никоторыми обычаи за великими снегами и за болшим и многим и диким лесом искать той серебряные руды не мочно.

Милосердый государь... (т)..., пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, челобитье мое и извет записать и вели, государь, по нынеш-

нему зимнему пути Петру Елисеевичю Моложенинову сыску ради руды ехать в Колашемскую волость и испытания ради тое руды взять, где я сирота твой укажу. А в пустой, государь, Ножемской волости серебряной руды вели, государь, сыскивать весною и летом и как земля ростает. Царь государь, смилуйся пожалуй.

/л. 9/ И против его челобитья в Белозерской уезд в Колашемскую волость для сыску серебряные руды я Петр ездил, и в Колашемской волости в поместье Степана да Ивана Остафьевых детей Зиновьева руды я Петр взял и ис той руды опыт учинен, и тот опыт и руды привез я Петр к Москве с собою.

А он Гришка Позняков приехал ныне со мною Петром к Москве же, потому что в той волости у отца своего в Черной Кьяме жить ему нельзя: многие на него хвалятца за сыск серебра смертным убийством.

/л. 11/ Да я Петр слышал от Семенова крестьянина Капустина Комоневские волости сельца Фомина от Родки Ермолова, а взят он был на Рыбной двор, сыску ради серебряные руды, что де подлинно в той пустой Ножемской волости есть серебряная руда. А слыхал де он от отца своего и от иных старых людей — в прошлых де летех при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Росии белозерец посадцкой человек Васка, прозвище Живляк, покупал в той волости серебряные слитки крицами и оттого богат был вельми. И та де волость вскоре, богатые ради славы, от разбойников запустела.

И про то ведомо всем живущим людем в городе на Белеозере на посаде и в Судцком стану, что Живляк богат был от покупки серебряных крищ и от продажи.

И сыску ради той руды тот Семенов крестьянин Капустина Родка выпущен с Рыбного двора на поруки. И о сем о всем что великий государь укажет.

Изветная челобитная серебренников Попова и Маслова.

/л. 12/ Царю государю ...(т)... бьют челом и извещают сироты твои колмогорец Еремка Денисов сын попов серебреник да Кирилова монастыря серебреник Стенка Михайлов сын Маслов.

Слух нас, сирот твоих, дошел, что по твоему великого государя указу сыскивает серебряные руды в Белозерском и в иных уездах Петр Елисеевич Моложенинов. И в нынешнем во 179-м году марта в 23 день приехал он Петр к Москве, и мы сироты твои пришли к нему Петру на подворье, где он Петр стоит, известить. В прошлых годех жыли мы, сироты твои, в Белозерском уезде в Кирилове монастыре при старце Матфее Никифорове, а после ево при болшом строителе старце Ефреме Потемкине. И привезена серебреная руда из их монастырские вотчины из Унбы при старце Матфее Никифорове и перепускал тое руду Кирилова монастыря серебреник Петр Савастьянов сын каргополец. А мы сироты твои были тут же при болшом строителе старце Ефреме Потемкине. И ис тое руды вышло серебро чистое, а из серебра зделали мы церковные утвари в олтари, два голубя, да четыре подсвещника водоосвященных. А остатки того серебра слиты в прутье, а то прутье и ныне в Кирилове монастыре в казне...

Милосердый государь...(т)..., пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, о сыску той серебряной руды свой великого государя указ учинить, чтоб се наше сирот твоих челобитье и извет и мы сироты твои у тебя великого государя в забвении не были. Царь государь, смилуйся [1].

[1] На об. рукоприкладство.

Допросные речи б. строителя Белозерского Кириллова монастыря М. Никифорова. 29 марта 7179 (1671) г.

/л. 16/ 179-го марта в 29 день Кирилова монастыря бывшей строитель старец Матвей допрашиван. А в допросу сказал: по иноческому обещанию, как по указу великого государя в Кирилове монастыре был он строителем с 15 лет. И при нем Матвее от соляных приморских промыслов никакие серебряные руды и слитков и ефемков в монастырь не приваживали. А как он во 175-м году из монастыря взят к Москве и после ево в казне было ль что, про то ведают архимарит и казначей з братьею. А у моря де за Соловецким монастырем у соляного промыслу в вотчине их Унбе был старец Анцыфор вологженин с 5 лет, и как умер, и рухлядь ево в монастырь взята ль и какая рухлядь, того он не ведает же.

Чернец Матвей руку приложил.

Допросные речи б. строителя Белозерского Кириллова монастыря Е. Потемкина, 29 марта 7179 (1671) г.

/л. 16/ 179-го марта в 29 день Кирилова монастыря бывшей строитель старец Ефрем Потемкин допрашиван. А по допросу сказал: по иноческому обещанию, как он по указу великого государя был в Кирилове монастыре болшим строителем года з два, и с начала своего ведомства учел у казначея у старца у Иева Сергеева спрашивать про наличную монастырскую хлебную и денежную казну. И казначей де Иев об'явил ему в казне денег пятьдесят рублев, да ефимки в мешке, да три или четыре слитка серебра. А сказал ему, что те ефимки и слитки серебряные взяты в монастырскую казну того же монастыря у старца, которой был в службе за морем у соляного промыслу в монастырской их вотчине в Унбе после ево смерти ис келейные ево рухледи. И он де Ефрем велел сыскать монастырского серебреного дела мастера Петрушку Савостьянова и при нем Ефреме /л. 17/ и при казначее Иеве те слитки плавлены. А ис плавленья вышло серебро чистое. А сколько было ефимков по счоту и в слитках и ис плавленья чистого серебра по весу в чем, и то он велел казначею Иеву описать подлинно в казенные книги. А в описных де книгах описано ж имянно, а после де описи велел он Ефрем ис того плавленого серебра тому же серебренику Петрушке выковать чашку круглую, весом с полфунта, да голубь. И в ковке де то серебро мяхко гораздо. А тот де голубь ныне в соборной церкви, а чашка осталась на Москве на Кириловском подворье промеж ево келейною рухледью. А после де дела то[го] голубя и чашки осталось того ж слиточного серебра три или четыре прута, а сколько весу не ведомо, а описано де в казенной же книге. А другово де голубя при нем не делывано. Да после де того тот же серебреник /л. 18/ Петрушка, по ево ж Ефремову приказу, зделал серебреных же четыре шендана водосвятных да два выносных, а ис того ли слиточного серебра или туто ж прибавлено из ефимков, того он подлинно не ведает, потому что он Петрушко имал серебро у казначея Павла Ремезова, и описано все в книгах казеных. А кованы де шанданы и голуби и чашку не при нем Ефреме самом в монастырской кузнице, в другом Ивановском монастыре. А казначей де Иев и Павел ныне в монастыре. Да он же де Ефрем для подлинного сыску тех серебреных слитков и ефимков посылал из монастыря в ту вотчину Унбу слугу Потапа Ирева и велел про те слитки и про ефимки розыскать подлинно у старца, который был в службе /л. 19/ в Унбе, где и от какова промыслу те слитки и ефимки взялись. И тот де слуга Потап пол-

года спустя писал к нему Ефрему в монастырь неты, а каковы де неты, и он не упомнит. А писано де подлинной в отписке ево. А та де отписка осталась в монастыре в соборной келье, где бывали при нем росправные дела. Да он же Потап прислал к нему в монастырь образец жемчюгу крупного, который добывают в той же вотчине Унбе, и тот де жемчюг он Ефрем показывал на Москве строителю московские службы старцу Корнилию, потому что преж сего у моря у соляного же промыслу бывал он многие годы и про жемчюжную /л. 20/ ловлю ведает. И строитель де Корнилей сказал ему Ефрему, что в Унбе промысл такой жемчюжной есть, и он подлинно ведает. Да он же Корнилей сказал ему Ефрему, что старца того имянем, у которого слитки и ефимки взяты, он знает, а обрасцовай де жемчюг ныне на Кириловском подворье в ево Ефремове келейной рухледи в подголовке, что обит железом. А оприч де тех ефимков и слитков, при нем Ефреме не ис которых соляных приморских промыслов в привозе в монастырь не бывало. А про слитки де серебреные и про плавленье и про дело голубя и чашки и шанданов к великому государю к Москве из монастыря не писал он, потому что в той монастырской вотчине Унбе он Ефрем не бывал. А слуга де Потап писал к нему неты, а сам в монастырь при нем Ефреме не бывал же и подлинно о том ему не ведомо. Про жемчюг де не писал же потому, /л. 21/ что с Москвы писал он Ефрем в монастырь к архимариту з братьею и оне де о том совету не приложили, а про серебреников про колмогорца про Еремку Денисова сына Попова и про монастырского про Стенку Маслова сказал, что у плавки слитков с Петрушкою были два человека работников, а оне ль подлинно, и он их не знает.

[Помета] «179 году марта в 30 день взять к Петрове скаске и к осмотру, а Еремку и Степку расспросить».

Допрос в приказе Большого дворца серебреников Е. Попова и С. Маслова, 30 марта 7179 (1671) г.

/л. 22/ И против сей пометы в приказе Болшого дворца серебреники колмогорец посадцкой человек Еремка Денисев сын Попов да Кирилова монастыря серебряного дела мастер Стенка Михайлов сын Маслов ставлены и допрашиваны, а в допросе сказали, что в прошлом во 177-м году были они в Кирилове монастыре и по приказу болшого строителя старца Ефрема Потемкина того ж монастыря серебреник Петрушка Савастьянов сын каргополец с ними плавили самородные крицы серебреные а в тех де крицах земля и камень мешался желтой, и выплавили прутье, а из того прутья сделали церковные утвари в соборную церковь успенья пресвятыя богородицы голубь серебреной, да четыре подсвечника водоосвещенных и чашку маленкую питью.

А к тому де кричному серебру прибавливали ефимочного серебра во всякое место по трети для того, что то кричное плавленое серебро мяхко добре и из одного делать было не мочно. А чистотою де то кричное плавленое серебро чисто добре, подобно белому снегу, а привезены де те крицы от моря Кирилова монастыря, из вотчины Унбы тому пять лет из выморочной рухледи старца Анцыфора, которой жил в той вотчине у приказных дел десять лет. А в той де вотчине Унбе две доли крестьян Кирилова монастыря, а третья доля Соловe-/л. 23/цкого монастыря.

Да после де Ефрема во 178-м году в июне месяце по приказу архимарита Никиты казначей Павел Ремезов ис того ж кричного плавленого серебра заставил их зделать другово голубя в церковь препо-

добного Кирила чюдотворца, а затем де осталось в монастыре того ж кричного серебра прута с два без ефимочные прибавки.

Да они ж Еремка и Стенка сказали, что преж сего тому года с три тое ж кириловские вотчины Унбы крестьяня продавали такие ж серебреные крицы Стенка Кашаков на Колмагорах в Серебреном ряду серебренником, а видели де те крицы у нево Стенки колмогорцы ж серебреники Пашка да Мишка да Ивашко Гарасимовы и иные многие тово ж ряду серебреники; да у тово ж де крестьянина у Стенки ис тех же купленных самородных криц зделал он Еремка на Колмагорах крест мужской да цепочку женскую.

Да тех же самородных криц Кирилова ж монастыря у слуги, которой и ныне на приказе в Унбе, у Федора Полотлаза он же Еремка сделал два креста мужские.

/л. 24/ Да он же Еремка сказал, что тое ж Кириловские вотчины Унбы крестьяне Куземка да Алфимко да Ивашко Халтурины да Андрюшка медник прозвищем Кола да шурин ево Михейко да попа Матвея сын дьячок Афонка в дву местех в горе в камени да на острову, где те крицы серебряные самородны водятся, копали и продавали на Колмагорах в серебряном ряду не по одно время, да и нынешние де серебреные крицы в Кирилов монастырь дошли от промыслу тех же людей, потому что он Еремка ту ведомость слышал от них самих и те серебреные крицы у них видел и ис тех криц делал им на Колмагорах кресты для опыту, а как де они уведали, что прямое серебро, и они учали продавать и в Каргополе, а про то де сказывали ему они ж. А те де серебряного промыслу места от Кириловские вотчины Унбы гора в пяти верстах, а остров от берегу в версте и на тех местах он, Еремка, сам бывал же.

/л. 25/ Да марта в 31 день в приказ Болшого дворца взято на Москве на Кириловском подворье у строителя Корнилия из рухледи келейные бывшего болшого строителя старца Ефрема Потемкина чашка серебреная, а на ней подпись на имя ево Ефремово. А в ней весу полфунта, два золотника.

Грамота из приказа Большого дворца в Кириллов монастырь архимандриту Никите с братьей, 5 апреля 7179 (1671) г.

/л. 26/ От царя и великого князя ...(т)... на Белоозеро в Кирилов монастырь архимариту Никите з братьею.

Ведомо нам, великому государю, учинилось, что в Кирилове монастыре при бывших при строителе старце Ефреме Потемкине да при казначеях при Иеве Сергееве да Павле Ремезове об'явились серебряные руды самородные крицы (четыре слитка серебра чистово)[1] да ефимки, а ис тех криц (а ис старых слитков) и из ефимков зделано в соборную церковь (успенья) пресвятыя богородицы да преподобного Кирила Белозерского чюдотворца два голубя да шесть шанданов (медных) водосвятных и выносных да чашка в полфунта, а затем того серебра, что выплавлено из самородных криц, в остатке три прута, а взяты те крицы и ефимки после смерти старца Анцыфора, которой жил в службу у соляного промыслу в Колмогорском уезде /л. 27/ Кирилова монастыря в вотчине Унбе, и у казначеев у Иева и у Павла, в описных и в казенных книгах то все описано подлинно. И по нашему великого государя указу велено про то сыскать подлинно, а для того послан к вам с сею нашею, великого государя, грамотою нарочно трубник Гарасим Прасолов. И как к вам ся наша, великого государя, грамота

[1] Слова, поставленные в скобки, в тексте зачеркнуты.

придет, и вы б велели в Кириллове монастыре выписать из описных и ис казенных книг, которые были при строителех при Матвее и при Ефреме и при казначеях при Иеве и при Павле или при иных казначеях, по какому прилучаю те серебряные самородные крицы и ефимки в монастырской казне об'явились и у ково взяты и в коем году, и ис тех криц и из ефимков голубь и шанданы и чашка деланы ль и что за тем в остатке прутов, и в той церковной потребе в деле по весу сколко в чем об'явилось, и ефимочное серебро в прибавку к кричному серебру кладено ль, и по сколку ефимок в статью кладено, и про ту серебряную самородную руду розыскивано ль или не розыскивано и зачем, и опричь Умбы из ыных соляных промыслов или из вотчин ефимки в приходе бывают ли? Да к той выписке приложити руки тебе, архимариту и келарю и казначеям и соборным лутчим старцам. Да с тою выпискою прислали бы есте к нам, великому государю, к Москве старца искусна, которой бы про те /л. 28/ серебряные крицы ведал подлинно, да для осмотру серебра из деланых церковных потреб голубь да шендан водосвятной да остаточные ефимки и прутье с тем старцом и с трубником прислали ж на монастырских подводах тотчас без замотчанья, да о том к нам, великому государю, отписали, а отписку и выписку за руками велели подать и старцу и трубнику церковную серебряную потребу и остаточные ефимки и прутье об'явить в приказе Болшого дворца боярину и оружейничему нашему Богдану Матвеевичю да стольнику нашему Александру Савостьяновичю Хитрово да дьяком нашим Якову Петелину, Федору Тютчеву, Семену Кудрявцову.

Писан на Москве лета 7179-го апреля в 5 день.

Отписка архимандрита Кириллова монастыря Никиты в приказ Большого дворца, апрель 7179 (1671) г.

/л. 32/ Государю царю ...(т)... твоего царского богомолия успения пречистые богородицы Кирилова монастыря архимандрит Никита, строитель чернец Исаия и соборные черницы з братьею бога молим и челом бьем...

...(л. 34) И по той, твоей великого государя, грамоте мы, богомольцы твои, в описной заручной книге описки Спаса-Каменного монастыря архимандрита Ефросина, да в казенных заручных же книгах казначеев Иева Сергиева и Павла Ремезова и иных казначеев досматривали и серебряные руды самородных криц ни в которых книгах в записке не об'явилось и в присылке к нам в монастырь, от моря из Умбы и из ыных соляных промыслов и из монастырьских вотчин при нас, как мы, богомолцы твои, по твоему, великого государя, указу в Кирилове монастыре владеем, не бывало. И старцу Анисифору смерть случилась, и рухлядь ево из-за моря из Умбы в монастырь привезена до нашего архимаричья и строителского в Кирилов монастырь приезду. А случилась ему, старцу Анисифору, смерть, и рухлядь ево из-за моря из Умбы привезена в монастырь при прежних властях — при архимандрите Моисее да при старце Пахомие Спиридонове, да при келаре Павле Ремезове, и принята та рухлядь в монастырскую казну после смерти старца Анисифора отца ево духовного Анисифорова Соловецкого монастыря священномонаха Васияна, да Умбские волости воскресенского священника Лазаря Георгиева против заручные росписи в прошлом во 176-м году генваря в 12 день. А мы, богомолцы твои, по твоему, великого государя, указу в Кирилов монастырь приехали того же году и месяца в 26 день. А в той, государь, ево Ансифорове в заручной росписи написано — серебра слитков весом шесть фунтов

три чети да сорок шесть яфимков да 7 полуяфимков /л. 35/ да десять четвертин. А самородная ли крица или слиток от огня слился, и где у старца Анисифора взято, в росписи не написано, и мы, богомолцы твои, не ведаем, и сыску про то серебро не бывало. А зделано ис того серебра при нас церковные утвари в церковь успения пресвятыя богородицы да в церковь Кирилла чюдотворца — два голубя весом 3 фунта полчетверта золотника, да чашка в полфунта, и та чашка у прежнего строителя Ефрема Потемкина. А ефимки и иное какое серебро к тому слиточному серебру прибавливано или нет, про то нам, богомолцам, не ведомо. А ведают про то прежней же строитель Ефрем Потемкин, потому что делать то серебро отдавал от себя ис кельи, и записка тому всему делу у него. А водосвятные, государь, и выносные подсвещники деланы из иного серебра, а не ис того. А того анисифоровского серебра в остатке ныне в казне два прута без чети весом два фунта без трех золотников, да три ефимка, да четвертина весом осмнатцать золотников.

И апреля же в ...день по твоему, великого государя, указу церковных потреб — голубя весом полтора фунта полшеста золотника да водосвятной подсвещник весом семдесят два золотника, да остаточное серебро и ефимки и четвертину и Анисифорове рухляди заручную роспись и серебреника Петра, которой делал заручную же скаску, с монастырским нашим старцом Аврамием умблянином да с трубником з Герасимом Прасоловым, да с слушкою нашим Игнашкою Исаковым к тебе, государю, к Москве за казенною нашею печатью послали, и о том к тебе, великому государю, писали и руки свои к той отписке вместо выписки приложили. А тое отписку /л. 36/ подать и про голубя и оставшее серебро и ефимки объявить велели в приказе Болшаго дворца твоим, великого государя, боярину и оружейничему Богдану Матфеевичу да столнику Александру Савастьяновичу Хитрово да твоим государевым дьяком Якову Петелину да Федору Тютчеву да Семену Кудрявцову. А старец Аврамей умблянин и служка Игнашка Исаков посланы к тебе, государю, для того, что тот старец в Умбе и родился, и при старце Анисифоре, как был в мире он Аврамей, и слушка Игнашка в Умбе жили, и хто слиточное серебро нашел, про то нам ныне сказали, что ведают [1].

Роспись келейной рухляди старца Кириллова монастыря Анисифора, оставшейся после его смерти.

/л. 37/ 175-го году марта в 11 день Кирилова монастыря судом божиим праведным преставися старец Анисифор, Умбския волости приказной. И что у него осталось рухляди тому роспись: Божия милосердия складенки на шти дсках, кадилница медная, наверху крест, да книжиц правилных и четих и певчих его писма 23, да денег казенных в мешке 75 рублев, да серебра в слитку весом шесть фунтов 3 четверти, да яфимков 46, да полуяфимков 7, да четвертинок 10, чарка серебряная, уховертка да зуботычка серебряная, да буторинок и вставочек жемчюжку 29 числом, да кунной рухляди 36 куниц, да 18 лисиц, да 58 белок, да пол 2 выдры, да бобрик качажек, да 7 лапок лисих, да 2 зуба моржевых весом пол 7 гривенки, ровдуга деланая, да оленина не деланая, да 3 медведна, да 2-и рукавицы без исподок — одне волчьи, а другие росомачьи без верхов, да рукавицы лиси под сукном тмозеленым держаные хангилопские белые, треух куней верх рясочной,

[1] На лл. 32 об. — 36 об. по склейкам рукоприкладства.

держан, да платья — 2 шубы носильныя, овчины серыя, да шуба одевалная овчины белыя, да шуба одевалная, овчины серыя, да 3 раски ношеныя, да 2 манатьи, да полуманатья, да 3 клобука, шляпа белая, подложена дорогами, ветхая, сапоги борановые, да полуголенки телятинные, да ступни — все держаное, да 2-и вожжи заечи новые, да чемодан, да сумки переметныя ветхия да полсть, да келейных сосудов белых — 2 блюда, да 4 торел- /л. 38/ ки оловянных весом 7 гривенок, да 4 сковортки, да кумган, да яндовка медныя белыя весом 10 гривенок, да 2 горшечка, белой да черной, с кровлями, весом пол 3 гривенки, да свешник весячей с поддоном, зеленая медь в нагалище, да подголовашек дубовой, обит железом, да шкатуня простая, а в ней 9 скляниц, да хлебных запасов — ржи и муки 23 меры, круп запарных 5 мер, рыбы семги осенного лову 200 рыб, да пластей 110 рыб. Да его же старца Анисифора келейных денег 6 рублев 10 алтын. А ис тех денег дано священникам на погребение и на сорокоуст и псалтырь говорить 3 рубля, да ис тех же денег дано ходоку в монастырь с отписками рубль. А тое рухляди досматривали вежнаволоцкой чернец Игнатище Сизимец да отец духовной Анисифоров Соловецкаго монастыря старец соборной священноинок Васьян, да умбской священник Лазарь Георгиев да монастырьския слушки Силуян Григорьев да Петр Семенов, да староста церковной Ларион Максимов, да староста мирской Харитон Агеев Олешин, да крестьянин Иван Родионов Шуга. Тутоже у досмотру был и роспись писал Умбския волости церковной дьячек Афонька Матфеев Попов[1].

Допрос в приказе Большого дворца старца Кириллова монастыря, Титова и слуги того же монастыря И. Исакова, 3 мая 7179 (1671) г.

/л. 40/ И мая в 3 день в приказе Болшого дворца Кирилова монастыря старец Аврамий умленин допрашиван, а по допросу сказал: по иноческому обещанию как в прошлых годех Колмогорского уезду Кирилова монастыря в вотчине Умбе был у рыбного промыслу старец Анцыфор, вологженин девять лет. И на последнем девятом году умер, тому ныне 5 лет. А он де Аврамий родился и жил в той вотчине во крестьянех, а имя ему было Андрей Титов. И то ведает подлинно, что при нем, старце Анцыфоре, до смерти ево за год, тое ж Кириловские вотчины крестьяне Ивашко да Кузка да Анфимко Ермоловы дети Халтурины, да Панка Федоров сын Хутин сказывали ему Андрею, что оне нашли на море на острову Медвежье на краи берегу, где водою поимает, кришное дробное серебро, не в одной крице, а каковы крицы и что в них по весу, того ему не сказали, и те де крицы отдали оне ему Анцыфору за монастырской долговой хлеб. А у тех де крестьян промысл — ходят за зверьми /л. 41/ и ловят рыбу, и по октябрь месяц нынешнего 179-го году живы все были до тех мест, как он Аврамей из Умбы в монастырь поехал для хлеба и постригся в нынешнем же во 179-м году тому ныне дватцать недель. Да он же Аврамей сказал, что остров Медвеже, на котором крицы крестьяне нашли, от Умбы в тридцати верстах, стоит на море промеж берегов с одной стороны от волости от Пурьи губы в восми верстах, а з другой стороны от Которонского Наволоку три версты. А он Аврамей тот остров знает.

А Кирилова монастыря слуга Игнашко Исаков по допросу сказал, что Кирилова ж монастыря в вотчине в Умбе и в Усолье при старце Анцыфоре был он два годы. И слышал он Игнашко тое ж вотчины

[1] На лл. 37 об. — 38 об. рукоприкладства.

от крестьян от Ивашка Холтурина /л. 42/ з братьями, да от Панки Хутина, что будучи оне у морсково промыслу, нашли на острову в Пурье губе слиточное дробное серебро мелкие слитки, а сколько слитков, и что в них весу, не сказали. И то де слиточное серебро отдали оне старцу Анцыфору за свой долг. А как старец Анцыфор умер, и при нем де Игнашке в келейной ево рухледи те мелкие серебреные слитки вешены. А по весу в них объявилось 6 фунтов, и посланы в монастырь. А опричь де тех слитков, про иное находное серебро он не слыхал и тех крестьян не видал и того острова не знает.

Сказка П. Моложенинова в приказе Большого дворца, 16 мая 7179 (1671) г.

/л. 43/ 179-го маия в 16 день в приказе Болшого дворца Петр Моложенинов сказал, будет великий государь укажет быть сыску ради серебряные руды за морем Кирилова и Соловецкого монастырей в вотчине Унбе мне, Петру, и со мною быть серебреником трем человеком, которые про то серебро известили, — Петру Савастьянову сыну кargополцу, Еремею Денисову сыну колмогорцу, Степану Михайлову сыну Маслову, да двум человеком салдатом, которые ходят в розсылке на государеве белозерском Рыбном дворе, да со мною же будет людей моих пять человек.

А ехать мне, Петру, от Москвы сухим путем до Рогачевской пристани 70 верст, а от Рогачевской пристани до Бела озера водяным путем в судне з двемя серебреники и з своими людми, а третяго серебреника Петра Савастьянова ис Кирилова монастыря и салдат на Белеозере взять и ехать на Вологду сухим путем на ямских подводах. А от Вологды ехать водяным путем реками до Колмогор, а от Колмогор рекою Двиною и морем до Унбы. И в чем водяным путем от Вологды ехать надобно под нас судно с кормщиком и з гребцы, а морем лодейка. А надобно с Колмогор сыску ради серебра взять работных людей человек з дватцать, да к ним в прибавку имать бы работных всяких чинов людей, которые в волосте в Унбе и около того места живут вблизости из Соловетцкого монастыря в вотчине в Сумском остроге у архимандрита. А чем работным людем дватцати человеком сытым быть, которые взяты будут с Колмогор, и которые работники взяты будут сверх тех дватцати человек в тамошних местех сытым же быть, о том, что великий государь укажет.

/л. 44/ А кирки и заступы и ломы и на всякие снасти железа в запас взять на Колмогорах у воеводы.

Серебреником же надобно серебряного ради сплав[а] по их скаске: 10 фунтов буры, 10 фунтов селитры, 2 фунта сулемы, 10 фунтов мышьяку, 10 фунтов нашатырю, 10 фунтов каменья винного, фунт сурьмы, полпуда квасцов, 3 пуда глины коломенской. А те запасы надобны взять на Москве, а на Колмогорах и у города Архангелского мелочью и в розвес тех запасов сказывают, что не продают.

А мне, Петру, надобно с серебреники и с салдаты и с своими людми всяких запасов и чем тамошними людьми серебро отыскивать: 40 четвертей ржи, 40 четвертей муки ржаной, 20 четвертей овса или муки овсяные, 30 четвертей солоду, 10 четвертей круп овсяных, 10 четвертей толокна, 100 ведр вина, 30 ведр уксусу /л. 45/, 50 пуд ветчины, 5 пуд масла коровя, 10 фунтов перцу, 300 рублев денег.

И 100 рублев указал бы великий государь дать мне Петру здесь на Москве, а 200 рублев на Колмогорах, а запасы на Вологде. И которые запасы и деньги ис тех запасов и из денег издержаны будут, нужных

ради дел великого государя или поспешения ради, которых дел тамошними людьми зделать либо не мочно, и тому будут книги за моею Петровою и тамошних людей за руками.

/л. 46/ И ис того числа, чем меня великий государь пожалует, а будет, чем не пожалует, и великий государь пожаловал бы меня, велел мне дать взаймы тамошняго ради належащаго глада и скудостей, чтоб мне того великого государя дела за скудостью и за недостатками не потерять.

А будет, даст бог, серебро сыщетца, и завод делу пойдет, и чтоб великий государь указал к тому делу имать мне, что понадобитца, и на Колмогорах у воеводы и Соловецкого монастыря в вотчине в Сумском остроге у архимандрита.

А из Умбы к Москве мне Петру ехать с серебреники, или от себя лучитца мне кого послать к великому государю к Москве с отписками мимо Сумской острог Олонецким и Белозерским уездами водяным и сухим путем, а подводы сухим и зимним, а летом водяным путем суды с кормщиками и з гребцы имать от Сумского острогу до Белаозера в селех и в деревнях крестьянские, а от Белаозера до Москвы ямские без прогонов.

А тех трех серебреников женам и их детем, чем сытым быть, в то время как они серебреники у того государева дела будут, о том, что великий государь укажет. А у тех серебреников у Петра Савастьянова жена, двое детей, у Еремея и у Стефана по жене да по сыну.

Грамота из приказа Большого дворца в Кириллов монастырь архимандриту Никите, 9 июня 7179 (1671) г.

/л. 60/ От царя и великого князя ...(т)... на Белоозеро в Кирилов монастырь архимариту Никите з братьею.

По нашему великого государя указу посланы из приказу Болшого дворца жилец салдацкого строю маеор Анофрей Мамкеев в Колмогорской уезд Кирилова ж монстыря в вотчину Умбу для сыску серебряныя руды. А велено ему взять в Кирилове монастыре для писма подьячего добра и бумаги, да для плавки серебра серебреника Петрушку Савостьянова да старца Аврамия умленина, которой послан к Москве с серебром. Да Онофрею к сыску серебряныя ж руды велено в Умбе взять крестьян Кузку, Ивашка, Анфимка Холтуриных, Стенку Кашакова, Панку Хутина, Андрюшку Колу и шурина ево Михейка, да дьячка Афонку и ехать на те места, где есть серебряная руда и крицы и ис тое руды и криц искать и чинить опыт и с тем опытом и, взяв криц и руды, ехать к нам, великому государю, к Москве. А тех мест, где сыщетца серебро до нашего великого государя указу беречь старцу и слугам, которые ис Кирилова монастыря посылаютца в Умбу и тутошным умбовским крестьяном, сколким человеком пригож, чтоб тое руды /л. 61/ до нашего великого государя указу нихто не капал.

И как к вам ся наша великого государя грамота придет, а Анофрей Мамкеев в Кирилов монастырь приедет, и вы б для писма подьячего добра и бумаги, сколко пригож, и серебряника Петрушку и старца Аврамия умленина дали тотчас, да в Колмогорской уезд в монастырскую вотчину Умбу к старцу и к слугам и ко крестьяном отписали, чтоб оне в сыску тое серебряные руды Анофрею Мамкееву против наказу чинили вспоможение и были послушны, и хто где ведает какую руду, и они б ему извещали и указывали, а ему Анофрею монастырских крестьян к работе велено наймывать, а без найму не

неволить. А будет ему Анофрею к рудокопному делу что понадобитца сверх того, что ему дано будет на Колмогорах, и вы б ему то все давали из монастыря с роспискою без замотчанья, чтоб рудокопному делу ни за чем мотчанья не было. А по нашему великого государя указу, то все в монастырь заплатят из нашей казны, где вам годно тотчас.

Писан на Москве лета 7179-го июня в 9 день.

Припись дьяка Якова Петелина.

Отписка майора А. Мамкеева в Приказ Большого дворца, 23 июня 7179 (1671) г.

/л. 74/ Государю царю ...(т)... холоп твой, Аношка Мамкеев челом бьет.

По твоему, великого государя, ...(т)... указу послан я, холоп твой, из приказу Большаго дворца и по наказу за приписью дьяка Якова Петелина в Колмогорской уезд Кирилова монастыря в вотчину Умбу для ради сыску серебряные руды и велено мне, холопу твоему, взять в Кирилове монастыре, что на Белеозере, у архимарита з братьею для писма монастырского подьячево добра и бумаги да для плавки серебра серебреника Петрушку Савастьянова.

И я, холоп твой, в Кирилове монастыре подьячего Петра Козина и бумаги пол стопы и для плавки серебра серебреника Петрушку Савастьянова взял.

Да по твоему ж, великого государя, указу и по скаске серебреника Еремки Денисова, что он Еремка по допросу сказал в приказе Болшаю дворца, как он жил на Колмогорах, и в то время привез к нему из Кириловской вотчины Умбы Кирилова ж монастыря служка Федка Пологлаз кришнаго самороднаго серебра небольшую крицу, и он Еремка в том самородном серебре, переплавя, зделал крест ему Федке и ныне тот служка Федка Пологлаз в Кирилове монастыре. И я, холоп твой, по твоему великого государя указу и по наказу ево Федку в Кирилове монастыре про то самородное кричное серебро допрашивал и те, государь, допросные речи, я холоп твой, послал к тебе, великому государю, к Москве под сею отпискою, а отписку о том велел подать в приказе Большаго дворца твоему государеву боярину и оружейничему Богдану Матьфеевичю да стольнику Александру Савастьяновичю Хитрово /л. 75/ да дьяком Якову Петелину да Федору Тютчеву да Семену Кудрявцову, а Федку Пологлаза я, холоп твой, взял с собою в Умбу для подлинного сыску серебряные руды, а отписку я, холоп твой, послал к тебе, великому государю, Кирилова монастыря с служкою Игнашкою Васильевым июня в 23 день.

Выпись о сыске серебряной руды майором А. Мамкеевым, 7179 (1671 г.)

/л. 77/ 179-го году июля в 20 день по указу великого государя ...(т)... жилец салдатцкого строю маеор Анофрей Мамкеев приехал в Колмогорской уезд Кирилова монастыря и Соловецкого в вотчину Умбу, крестьян Кузку да Амфимка Халтуриных да Пашку Хутина да Стенку Кошакова[1] да Андрюшку Колу да Михейка Кирилова да дьячка Афонку Матфеева про самородные серебряные крицы и про руду и про слуду порознь роспрашивал накрепко, и те роспросные

[1] В других местах он назван Кошаков.

речи записаны, а у старосты и у дьячка и у крестьян и, которые живут блиско острова Медвежья, взял скаски за руками и те роспросные речи и скаски и отпись, какову им дал Кузке с товарыщи старец Анисифор подклеяны ниже сего.

И роспроса крестьян Кузку с товарыщи взял с собою на остров Медвежей. Приехав на тот остров с старцем Аврамием и с подьячим и с трубником и с серебреники и с стрелцами и с работными людьми, серебряных криц и руды искал с великим радением на том месте, где они указали, и то место понимает морская вода в судки по-дважды, а осыхает по-дважды ж, и в том месте в мелких каменях, которые от воды из моря высыпались на берег и которые из горы валились преже сего лежат мелкое камение на большом /л. 78/ камени, в яминах нашел три крички серебряные небольшие, а весом в них дватцать девять золотников с полузолотником, меньшую самую кричку нашел в том месте, где,— оне указали,— и преж сего нашли, а те две пониже тово в море по полу сажени. И многижды в том месте и выше того в горе и на горе искал, ломал каменье ломами и кирками, и в тех местех серебряных криц и руды больше того не об'явилося.

А камень на том острову в том месте, где найдены те три крички, все дикой, синей, да меж ево пролил камень белой да камень серой, а кажетца бутто все один камень толко по нем знать, что бутто разседался, а в ыных местех бутто ямины и меж тех разсединок не во многих местех бутто камень колчедан проходил под тем местам, где те крички найдены и повыше того, а в ыном месте красная землица с песком, походит бутто, что руда какая, да меж тово ж болшаго камени проходил слоями в воде и выше воды камень синей дреставной, а по нем бутто звестки, а иной белой и синей, а в них бутто слуда.

И ис тово колчеданнаго камени и ис красной землицы и из синево из мяхково камени, которые меж слоев ис камени выиманы и ис-под того места в море, где те крички найдены и которыя иманы на сухе, велел серебреником многижды при себе чинить опыт плавить /л. 79/ в горшечках. А в те опытные руды клали составы мыло зженое с солью, буру зженную, да тут же прикладывали сулемы, да селитры, почему пристойно, и ис тех руд в плавке серебра ничего не об'явилось.

И потом, как отходит морская вода, на те места, где найдены серебряные крички, клал дрова костры большие и жег огнем, чтоб те камение от огня истрескались, чтоб на тех местех доискатца в подлинно, отчево те крички тут взялися.

И после огней на тех местех ломал камение, как было мочно, и ничего серебряных криц меж тех каменев не об'явилось, а пошел камень вельми крепкой, а меж разседин, где есть на том месте, проходил такой же колчаданной камень толко немного.

А против того места, где те серебряные крички найдены, гора от моря вышиною сто две сажени, а вся каменая, и против того места всходить на нее велми трудно.

И от тово места, где те три крички найдены, сажен со сто меж гор каменых пришла что лощина и на той лощине искал, копал ямы глубокия и в тех ямах камень мелкой с песком и ниже песку, как прокопаешь, приходила иловая земля с водою.

/л. 80/ Да на том же острову два озерка небольшие з болотцами и в тех озерках посередке и в берегах искал, копал ямы во многих приметных местах и в тех ямах в ыном месте, как прокопаешь болотную тину, придет иловая земля да глинка белая, а в ыном месте камешек мелкой с песком.

Да на том же острову борок сосенник и ельничек растет, все по каменю, и в том борку меж каменев, где мочно, и по приметным местам искал, копал ямы глубокие ж и в тех ямах песок и камене мелкие ж.

И ис тех мест, где найдены те три крички серебряные, взял камешков, в которых оне камешках сысканы и, отломав от болших каменев, которыя лежат под мелким каменем, и изо всех приметных мест и ям взял опыты и те три крички серебряные не переплавливал для того, что об'явить на Москве великому государю в приказе Болшаго дворца боярину и оружейничему Богдану Матвеевичю да столнику Александру Савастияновичю Хитрова да дьяком Якову Петелину да Федору Тютчеву да Семену Кудрявцову и для ради досматриваться, откель те крички взялися, самородные л или горелые.

А тот остров Медвежей невелик добре, в длину ево версты с полторы, а в ширину /л. 81/ с версту.

А потом и на иных островах был, искал и досматривал и ничего не об'явилось, такие ж все каменные горы.

Да как допрашиван Михейко Кирилов, и в то время принес крицу, а сказал неведомо какая, а нашел де он ее в Умбе близко церкви, и серебреные мастеры Петрушка Савастьянов, Еремка Денисов той крицы досматривали и сказали, что та крица — медь запрудная колоколная, а не серебряная крица.

Сказка мирского старосты и крестьян.

/л. 91/ 179-го году июля в 20 день Колмогорского уезду Кирилова монастыря вотчины Унбы мирской староста Харитон Агеев и все крестьянишка сказали: по святей, непорочней евангелской заповеди господни «еже еси», остров мы Медвежей знаем, потому что мимо его ездим на море для промыслу бити зверей морских, моржей и белуг, а на том острову Медвежье мы не бывали. А тот остров Медвежей от Унбы в тритцети верстах, и мы серебряных криц и руды и иных руд и слуды в ыных местех и на иных островех нигде не видали и не ведаем. А в прошлом во 174-м году слышали мы от Кузки Халтурина с товарищи, что оне нашли на том Медвежье острову серебряные крицы, а какие те крицы, и мы у них не видали, а про те оне крицы сказывали, что отдали оне Кузка с товарищи старцу Анисифору. То наша и сказка, а сказку писал Умбския волости церковной дьячок Афонка Матвеев Попов.

Челобитная строителя Афанасьева монастыря С. Кулебакина, декабрь 7180 (1671) г.

/л. 96/ Царю государю ...(т)... бьет челом твоего царского богомолия успения пресвятые богородицы Кирилова монастыря чернец Сергий Кулебакин, строитель Афонасева монастыря.

В прошлом, государь, во 179-м году взято из Кирилова монастыря к Москве в приказ Большого дворца серебра два пруга без четверти весом два фунта без трех золотников три ефимка да четвертина весом осмнатцать золотников да шандан водосвятной да голуб серебряные да чашка серебряная, которую старец Ефрем Потемкин делал себе из монастырского серебра. И по твоему, великого государя, указу шандан и голуб нам отдано, а серебро и чашка и четвертина и ефимки нам не выдано.

Милосердый государь ...(т)... пожалуй меня богомольца своего вели,

государь, то серебро и чашку из приказу в дом Кирилла чюдотворца выдать; царь государь, смилуйся, пожалуй.

/л. 97/ И против сей челобитной выписано...

И июня в 15 день [прошлого 179-го году] тот голубь и водосвятной шандан отдано в Кирилов монастырь с росписко.ю.

А ныне великому государю бьет челом Кириловского подворья Афонасьева монастыря строитель старец Сергий Колюбакин, чтоб великий государь /л. 98/ пожаловал велел остаточное серебро прутье и ефимки и чашку отдать в Кирилов монастырь.

[Помета дьяка Семена Кудрявцева:]

180 года декабря в 20 день отдать с росписко.ю все, у ково что взято, а протового серебра отсечь и оставить во дворце золотников з 20 и держать до государева указу.

/л. 99/ 180 году генваря 1 день по выписке и по помете дьяка Семена Кудрявцова отдано ис приказу Болшого дворца в Кирилов монастырь стрянчему Матвею Булычеву чашка серебряная весом полфунта два золотника да три ефимка да четвертина весом осмнатцать золотников да пруг серебра тянутово весом восемьдесять шесть золотников с полу золотником, да от того ж прута отсечено и оставлено в приказе Болшого дворца до государева указу семнатцать золотников с полу золотником.

Кирилова монастыря стрянчей Матфей Булычов чашку серебряную и ефимки да прут серебра взял и руку приложил.

/л. 100/ А другой прут без чети весом восмьдесят пять золотников серебра в приказе Болшого дворца у сторожей из ящика пропал и за то серебро по сыску на сторожах доправлено денгами и отдано Кирилова ж монастыря стрянчему Матвею ж Булычеву и сыск тому и росписка в денгах в денежном столе.

Челобитная и докладная роспись П. Моложенинова, 11 мая 7181 (1673 г.)

/л. 101/ Царю государю ...(т)... бьет челом холоп твой Петрушка Моложенинов.

Служу тебе, великому государю, я, холоп твой, всякие твои великого государя службы тритцать деветь лет и под Ригою на отходном бою ранен[1] и за тое мое службишко и за кровь и за раны отпущен был я, холоп твой, на Бело озеро. И на Беле озере был у твоих, великого государя, розных дел и, ища тебе, великому государю, прибыли, жил безкорыстно.

Да я ж, холоп твой, по твоему великого государя указу и по грамотам из приказу Болшаго дворца сыскивал серебряные руды и в указных местех той руды не сыскал и после того, радея тебе великому государю, и ища прибыли, во многие места посылал и у многих людей спрашивал и сказали мне, холопу твоему, серебряную руду Кирилова монастыря серебряник каргополец Петрушка Савастьянов да колмогорец Еремка Попов меж Соловецким монастырем и Кольским острогом в кириловских и в соловецких вотчинах и в Кольском уезде.

И я, холоп твой, по их Петрушкиной и Еремкиной скаске, радея тебе, великому государю, тое прямую серебряную руду сыскал своими пожитченки и от того я, холоп твой, ныне в великих убытках.

Милосердый государь ...(т)... пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, тот сыск серебряные руды по моему первому сыску и промыслишку ведать и совершить мне ж, холопу своему, чтоб от иных

[1] Бои под Ригой происходили в октябре 1656 г.

сыщиков, которые посланы будут, мимо меня, холопа твоего, тому твоему государеву делу потеряну не быть, а как даст господь бог та серебряная руда сыщетца, и тогда вели, государь, то серебряное дело ведать кому ты, великий государь, укажешь, чтоб мне, холопу твоему, в моем раденишке и в прежних моих великих убытках и волокитах вконец не погинуть и от твоей, великого государя, службы не отбыть.

А как, государь, то серебряное дело зачалось и в которых местех та серебряная руда сыскана, и тому, государь, под сею моею челобитной роспись. Царь, государь, смилуйся...[1].

/л. 103/ И по указу великого государя тое руду велено было сыскивать мне Петру, и я того ради сыску изготовился ехать совсем.

И в мое Петрово место для опыту тое руды посылан был наскоро маеор Анофрей Мамкеев да с ним серебреники Петрушка и Еремка, которые про тое руду мне Петру сказали. И он Анофрей у моря руды искал толко два дни и привез серебреные руды толко золотников с тритцать. И про тое руду сказали те люди, которые тое руду таят, бутто то горелое серебро, а не руда и бутто де на море горел корабль или ладья и то де серебро выметывает на берег из моря волнами.

А те люди сказали неправду для того, чтобы тое серебряную руду утаить и про то сыску б не быть, и та серебряная руда, которую привез к Москве Анофрей Мамкеев, в приказе Большаго дворца не переплавливана и не свидетельствована для того, что разорители тому делу сказали, бутто то серебро горелое, а не руда.

А в тамошних местех, где та руда имана, горы каменные высоки и великие, не токмо что двемя днями истинно испытать, надобно сыскать и двемя месяцы.

И серебреники Петрушка и Еремка, которые для сыску с Онофреем ездили, сказали /л. 104/ мне Петру после ево Анофреевой посылки, что то серебро, которое привез Анофрей Мамкеев, самородное и сырец, а не горелое.

А тот серебреник Еремка к тому серебру применился гораздо потому, что ис той руды вотчины Кирилова монастыря на Унбовских крестьян и на жон и на детей их многие серебреные дела делал и, как в Кирилове монастыре серебреник же Петрушка такую ж руду плавил и утварь церковную делал, и у того у всего дела был он Еремка, и та де руда, которую привез к Москве Анофрей Мамкеев, такова ж, ис каковой зделана церковная утварь, а не горелое серебро.

И чтоб великий государь указал тое руду, которую привез от моря Анофрей Мамкеев, в приказе Большаго дворца переплавить серебренику Еремке колмогорцу при мне, Петре, и при московских серебренниках, которым бы то дело за обычей, и в то время та руда будет познанна, горелая ль или не горелая, а какие признаки у тое руды будут, и про то я Петр и серебреник Еремка объявим у плавки тое руды.

А после перепуску тое руды указал бы великий государь для подлинного сыску послать меня, холопа своего, Петрушку нынешнею вескою по полой воде с теми ж серебреники с Петрушкою каргопольцем и с Еремкою колмогорцем, которые про тое руду сказали мне Петру, да и ныне сказывают.

/л. 105/ И Петр Моложенинов у плавки серебряной руды сказал против сказок изветчиков и серебренников Петрушки каргопольца

[1] В дальнейшей части своей челобитной Моложенинов повторяет выше приводимый рассказ о находке серебра на Умбе, о чем ему сообщил серебрянник Петр Каргополец и о плавке из нее «тихим обычаем» вещей в Кирилове монастыре.

и Еремки колмогорца, каковы они мне, Петру, сказки дали за руками после посылки Анофрея Мамкеева, как они посыланы были к морю с ним Онофреем и от моря приехали. Та серебряная руда, которую привез Анофрей Мамкеев от моря и которая плавлена в Кирилове монастыре и та руда не горелая, а родица та руда в горе и вываливаетца из горы с каменьем на берег к морю, а не из моря ее волнами выбивает и в деле де та руда не бывала, потому что та руда сырец, а в плавке де от тое руды идет дым серы горячие, а как станет та руда кипеть, и на ней бывает пена черная, а как вылить ее в прут, и на том вылитом серебре стоит что измороз, а белостию то серебро подобно бывает снегу, а изломишь тот прут и в изломе то серебро сине, а пожжеш то серебро, и во жженье бывает бело, а в деле далече мяхче и чище ефимочного серебра; а которое деланое серебро и которое горелое, и в том серебре никакова дыму и серого духу и пены не бывает, а после зженья бывает то серебро черно, а и доброе ино пестро.

Да в том же острову, где взяли руду Анофрей Мамкеев, и в ыных островах в Соловецких и в Колском уезде меж Соловецким монастырем и Колским острогом, такая ж руда есть и в камени в белом, и в синем, в красном и в вишневом и в черном и в земле такие ж признаки и искры серебряные есть.

Путь от Москвы до Умбы.

/л. 108/ Роспись куды итить к морю: с Москны до Рогачевские пристани, сухим путем, а от Рогачевские пристани по рекам по Яхроме и по Сестре и по Дубне до Волги, а Волгою до Кимры на судне Николы чюдотворца Песношского монастыря и Медвежи пустыни а с Кимры до Углеча, а с Углеча до Мологи, а от Мологи до Рыбные, а с Рыбные до Пошехонских сел до Песья, а с Песья до Белозерских волостей, а из Белозерских волостей до города до Бела озера, а на Беле озере имать для сыску серебряные руды ямские подводы и где доведетца государевых волостей и монастырские и дворян и детей боярских крестьянские подводы от волости до волости.

А от города Бела озера к морю через Бело озеро водою 20 верст и от вотчин Покровского девичья монастыря, что в Суздали, до села Ухтомы на ямских подводах, а из села Ухтомы на подводах 33 версты волоку Белозерским же уездом до Чаранские округи до Коротецкие пристани, а с Коротецкие пристани водою судно с кормщиком и с работники з десятью человеки до Каргополя, а ис Каргополя взять судно на перемену с кормщиком же и с работники. А тем дватцати человеком каргопольским и чаронским работником быть со мною, Петром, с своими запасы до моря и за морем во все лето и осень до заморозов и до указу великого государя или пока места от них браты будет им перемена.

/л. 109/ А на Онежском устье взять в Крестном монастыре и в ыных манастырех, которые блиски х Крестному монастырю, и по Онеге реке лодья с кормщиком и с якори, с парусы и со всякими снастми и с работниками. А тем работным людем и кормщиком быть на лодье во все лето и во всю осень до указу же великого государя, покаместа будет им перемена, с своим запасом до зимнево пути. А кузнецов имать в Кириловской и в Соловецкой вотчине в Унбе близ острова и в их Усольях, а железо б и уклад взять на ломовые каменные снасти в Каргополе государева. А будет государева железа нет, и взять бы у посацких людей. А назад будет лучитца самому ехать

или ково послать наскоро к Москве, тем же путем до Бела озера и до Москвы.

Да на Беле озере взять подьячего Ивана Лисина, который наперед сего бывал на Рыбном дворе, а ныне он живет на посаде, а службы никакие нынешней год не служит.

Да на Беле ж озере взять на Рыбном дворе восмь человек салдат, а им быть для розсылки всяких государских дел на Беле озере и до моря и за морем со мною ж, Петром, до указу великого государя, покаместа я, Петр, буду у дела великого государя. Да на Беле ж озере взять в Кирилове монастыре изветчика и серебреника Петрушку каргопольца, а с Москвы Еремку колмогорца [1], а быть им со мною, Петром, по извету своему у сыску серебреные руды в свидетельстве и у плавки.

/л. 110/ А подьячих в прибыль имать из Соловецких и ис Кириловских вотчин, ис поморских и ис церковных дьячков.

А будет, даст бог, где сыщетца на море, на островах или за морем серебряная руда подлинная в каменных горах, и чтобы взять из Соловецкие ж и из Заморские вотчины и с Керети [2] мастера, потому что им в камени дело за обычей, а искусны они камень всякой проходить в слюдном деле.

А работных людей тогда имать в прибыль, как подлинно сыщетца серебрянная руда, не описываяся к великому государю к Москве для умедлиния и далного пути, из государевых и из Соловецких и из ыных монастырских тамошних вотчин, до которых мест о том деле ведомость великому государю учинитца, а после того как и кем то дело делать и кому ево ведать и о том, что великий государь укажет.

А на Колмогоры к боярину и воеводе ко князю Дмитрею Алексеевичю Долгоруково изволил бы великий государь свой государской указ послать, чтобы, мне, Петру, мочно было для сыску серебряные руды и золотые по ведомостем в Колмогорской уезд самому ежать и посылать и подводы бы указал великий государь давать.

/л. 111/ У дела великого государя быть со мною, Петром, Кирилова монастыря серебрянику изветчику Петрушке каргопольцу, с Москвы Еремке колмогорцу да им же и плавить всякая руда и чем им нынешнее лето и осень до зимнево пути у дела великого государя быть, а без них женам их и детем кормитца, подьячему и салдатом осми человеком, которые будут з Бела озера со мною, Петром, чем им быть сытым.

И ис Керети мастера, что указ [3] великого государя.

Челобитная серебренника Е. Попова, июнь 7181 (1673) г.

/л. 112/ Царю государю ...(т)... бьет челом сирота твой колмогорец Еремка Денисов. В прошлых, государь, годех извещал я, сирота твой, с товарищем своим с каргаполцом с Петрушкою Савастьяновым, а изветную челобитную подавали в приказе Болшаго дворца про прямую серебряную руду, что на Соловецком море в Колском уезде на острову Медвежье в высокой горе лежит слоями, такова ж по признакам, каковы и немецкие заморския руды, да промежь тех же слоев находится слитками самородное серебро. А тот, государь, остров от берега

[1] В подлиннике ошибочно: коргаполца.

[2] «Кереть — река и незащищенный посад. Люди кормятся там от стекла, которое добывается из земли. Оно разрывается на тонкие листы, а потом из него делают окна. На русском языке это называется слюда» (Г. Штаден, наз. соч., стр. 64).

[3] Недописано.

морем пять верст. И в прошлом, государь, во 179-го году по твоему, великаго государя, указу, а против нашего, сирот твоих, извету из приказу Болшаго дворца посылан был на тот остров маеор Анофрей Кирьяков сын Мамкеем с нами, сиротами, для досмотру и сыску той прямой серебряной руды наскоро. И был он на том острову толко одне сутки, а нашел в земле в полусажене самородново серебра и с призначным каменьем в слитках с полфунта, а в земле, государь, до прямой серебряной руды до слоя копать не велел неведомо для чево, и то сысканое самородное серебро и с призначным камением в приказе Болшаго дворца покинено ни во что. Да и в Колмогорском, государь, и в Белозерском уезде есть же прямыя серебряныя руды против тех же признаков, и мы, сироты твои, за тем делом волочимся на Москве многое время, а указу нам, ни отказу нет.

Милосердый государь ...(т)... пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, послать в те места против нашего извету для сыску прямово свидетельства прямые серебряные руды стряпчево Афонасья Зиновьева, а ему такия дела за обычей и взять к тому делу мастеровых людей, ково он знает. А сей мой извет ей ей прямая истина, потому что я тово самородново серебра сам делал. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

Показание серебренников о найденной руде.

/л. 118/ По указу великого государя ...(т)... плавили привозного самородново серебра крицку, что привез с моря с Медвежья острова маеор Анофрей Мамкеев, и по извету колмогорца Еремки Денисова да каргополца Петрушки Савостьянова, а та кричка в слитке была плотна, а на розсечке об'явилось в ней поло, а в полом месте признак мелкая дресва з желтою ржавчиною, а весу в ней полдесята золотника, а после выплавки вышло чистого серебра шесть золотников с четью. А как тое кричку учали в горну ростапливать, и признаки были дух самой тяжелой с пеною черною, а после того дух был серы горячие, да тут же об'явилось свинцу немного.

А у того плавления были и — впредь надобны будут — к тому делу здесь на Москве и в посылку с Афонасием Зиновьевым — вологжаня посацкие люди к тому делу снискатели и охотники: Яков Петров, Сергей Патрекеев, Омельян Васильев да нижегородец посацкой человек Василей Старцов.

[Внизу помета:] 181-го июля в 1 день послать до сыску серебряной руды Афонасия Зиновьева и охотников против прежняго государева указу.

Грамота в Калугу калужскому воеводе И. Баклановскому из Пушкарского приказа, 18 июля 7181 (1673) г.

/л. 122/ Лета 781-го июля в 18 день по государеву цареву ...(т)... указу думному дворянину Ивану Ивановичю Баклановскому, да дьяком Ивану Амиреву, да Федору Леонтьеву.

Великий государь ...(т)... указал послать из приказу Большого дворца стряпчего Афонасья Зиновьева в Колмогорской уезд Кирилова монастыря в вотчину Умбу для сыску серебра и руды серебряной. А для тое посылки дать ему ис Колуги прежняго серного заводу железныя чюгунныя литыя 2 трубы для того, что близко тое вотчины Умбы есть серная гора, и без таких труб серебряныя руды начисто плавить будет невозможно.

И о том послать ево великого государя указ в Колугу к воеводе ис Пушкарского приказу.

И по государеву ...(т)... указу думному дворянину Ивану Ивановичю Баклановскому да дьяком Ивану Амиреву да Федору Леонтьеву учинить о том по указу великого государя.

Челобитная П. Моложенинова, 19 июля 7181 (1673) г.

/л. 123/ Царю государю ...(т)... бьет челом холоп твой Петрушка Моложенинов.

В прошлом, государь, во 179-м году против моей Петрушкиной докладной росписи указано было мне, холопу твоему, ехать для сыску серебряныя руды за Соловецкое море. И как я, холоп твой, совсем изготовился ехать, и в то время приходили ко мне, холопу твоему, на московской мой дворишко колмогорцы посацкие люди и росказывали мне путь к морю и за море. И я, холоп твой, спрашивал у них про серебряную руду по реке по Двине и в Колмогорьском уезде. И они мне, холопу твоему, сказали, знает ли де или не знает про то серебряник колмогорец Иван Герасимов, потому что де на Колмогорах отец ево, серебряник же, первой человек и старее ево нет, лет де ему з девяносто, и тот де ево сын Иван Герасимов ныне на Москве. И я, холоп твой, ево Ивана Герасимова, сыскав на Москве, и призывал ево к себе на двор и спрашивал ево о рудах о серебряной и о золотой и обещал ему твое государьское жалованье с отцом и з братьею и со всем ево домом белою землею, да им же обещался податей твоих государьских не платить и служеб не служить, и давал на том слово свое с клятвою. И он Иван сказал мне, холопу твоему: в Колмогорском уезде меж Колмогор и Архангелским городом в стороне от реки от Двины тритцать верст подле озера на берегу в бору в горе серебряную руду. А та де гора не каменная, песочная. Да он же сказывал в том же Колмогорском уезде подле моря в губе золотую руду, а выбивает де ее в той губе из берега волнами, а подобна де она меди зеленой, а вываливаетца де она из горы от волн на берег на приплос слитками, а слитки подобны ядрам затинных пищалей, а гора де глинная, а не каменная. А от города де от Архангелского та золотая руда за сто за пятьдесят верст. И как было мне, холопу твоему, ехать сыскивать серебряные руды за Соловецким морем и про тое руду тебя было великого государя докладывать. А ныне в мое место указано ехать сыску ради за Соловецкое море Афонасью Зиновьеву. /л. 124/ А ему Афонасью ехать мимо Колмогор и Архангельского города не в дальном растоянии от тех руд [1].

Милосердый государь ...(т)..., пожалуй меня, холопа своево, вели, государь, на Колмогорах боярину и воеводе князю Дмитрею Алексеевичю Долгоруково или ему Афонасью про те руды розыскать накрепко. А будет тот серебряник Иван Герасимов в тех своих речах запретца, и вели, государь, ево серебряника Ивана выслать за поруками или за приставом к Москве, и вели, государь, мне с ним дать очную ставку, и я ево обличю, при ком он мне такие речи сказывал, а у меня на то свидетели многие есть, и челобитную было он Иван

[1] Петр Моложенинов, добиваясь вторичной посылки его для розыскания серебряных руд после экспедиции Афанасия Зиновьева, писал в своих челобитных:

«Посылан де был он (Афанасий Зиновьев) с Москвы в осень не в подобное время, после Семеня дни и приехал в Медвежей остров о Филипповых заговеньях. И в то де время в тамошних местех бывают стужи великие и темнота, и был на Медвежье острове одну неделю, и искать было ему Афонасию серебряной руды некогда и нельзя. А хотя бы и в межень искать, ино сыскать в месяца в два или в три, а не в неделю» (л. 218).

извесную написал, а руки за тем не приложил, которой день он написал челобитную, и тот день мне от сыску отказали. А будет он серебряник Иван Герасимов и отец ево и братья серебряную руду или золотую укажут, и вели, государь, меня, холопа своево, ис клятвы вывесть и свое государьское жалованье, а мое обещание и клятву исполнить — дом их обелить, и за их такое дело от тягла их и от своих государьских служеб свободить, чтоб иным твоим государьским людям всяких чинов впредь надежно было тебе, великому государю, служить и радеть, а мне б, холопу твоему, в клятве не погибуть. Царь государь, смилуйся[1].

Челобитная серебреника Е. Попова, июль 7181 (1673) г.

/л. 127/ Царю государю ...(т)... бьет челом сирота твой колмогореп Еремка Денисов в нынешнем, государь, во 181-м году извещал я, сирота твой, про серебряную руду, что на Соловецком море на острову Медвежье и в ыных розных местех в Колмогорском и Белозерском уездех, а имянно тех мест написать невозможно, потому что в те мои изветы, наведався у меня ж, сироты твоего, Петр Елисеев сын Моложенинов вступается напрасно и подал изветную челобитную в приказ Большаго дворца на те ж места, что в прежних моих изветах написаны, а назвал бутто он те места приискал мимо меня, а что написал в извете своем колмогорца Ивана Герасимова сына серебреника и с тем Иваном я ж, Еремка, к нему, Петру, приходил и про такое дело ему, Петру, сказывал, а он Петр нигде таких мест не знает и рудные дела ему, Петру, не за обычей, и бьет челом тебе, великому государю, чтоб ему ехать для сыску собою на Бело озеро и в ыные места и твоя, великаго государя, казна терять напрасно, а самому корыстоватся. А как он, Петр, был на Беле озере, и в то время серебряной руды не нашел, кроме железных, а что я, сирота, по кои места извещаю тебе, великому государю, истиною правдою не ложно, потому что и серебро из тех мест я сам делал и свидетели на те мои изветы будут и против моего, сироты твоего, челобитья и извету посылают для прямово сведетельства и сыску прямой серебряной руды стрянчево Афонасья Зиновьева с товарыщи и как он Афонасей Зиновьев в тех местех будет, и я ему те места буду подлинно указывать и свидетелей ставить и за тем делом я, сирота твой, волочусь, третей год помираю голодною смертью, а толко мне дано твоего, великого государя, денежного жалования на под'ем, как посылан был я в посылку пять рублев, и я бедной в той волоките оскудал безо остатку, а женишко и детишки меж двор скитаются бесприютно и кормятся христовым именем.

Милосердый государь ...(т)... пожалуй меня, сироту своего, не вели, государь, ево Петрову ложному извету и челобитью поверить и на Бело озеро для сыску отпускать, а вели, государь, против прежняго моего и нынешняго извету те все места свидетелствовать ему ж Афонасью Зиновьеву с товарыщи, чтоб в тех розных посылках твоя, великаго государя, казна напрасно не пропадала, а моя б работишко в забвении не была и вели, государь, меня сироту своего, для той далной /л. 128/ посылки пожаловать денежным и хлебным годовым жалованьем, чтоб мне, сироте, в той далной посылке на пусте месте, а женишку и детишкам моим, промеж двор скитаючись безприютно голодною смертью не умереть.

---

[1] На л. 123 об. помета: «181-го июля в 19 день. Написать Афонасью Зиновьеву в наказ и в Новгородцкой приказ в память».

Наказ А. Зиновьеву, июль 7181 (1673) г.

/л. 130/ Список с дворцового наказу. Лета 7181 июля в ... день по государеву ...(т)... указу Афонасью Дмитриевичю Зиновьеву ехати в Двинской (в Колмогорской) в Двинской уезд Кирилова монастыря, что на Беле озере, в вотчину Умбу для того: в прошлом во 179-м году марта в 24 день в приказе Болшаго двора подал писмо Петр Моложенинов за своею рукою... /л. 137/... да июля в 19 день Петр Моложенинов в приказе Болшого дворца подал человитную за рукою, а в челобитной написано: в 179-м году сказал ему на Москве серебряник колмогорец посацкой человек Иван Гарасимов — в Колмогорском де уезде меж Колмогор и Архангелским городом, в стороне от реки Двины в тритцти верстах подле озера на берегу в бору в горе серебряную руду, а да та де гора песочная, да подле моря в губе золотую руду, а выбивает ее /л. 138/ из берега волнами слитками, а подобна меди зеленой, а слитки де подобны ядрам затинных пищалей. А гора де глинная, а от города Архангелского та золотая руда за 150 верст, и Афонасью взять с собою для указывания мест, где руда родитца, серебряника Еремку Денисова да мастеровых людей против своей росписи: вологжан Якушка Дьяконова, Сергушку Патрекеева, Емелку Васильева, нижгородца Васку Старцова и ехать на Вологду и на Колмогоры и по государевым грамотам у воевод взять суды и гребцов и рудокопные всякие снасти и кузнецов и печников, сколко человек пригоже, и кирпичю и с Керети слюдного мастера и колмогорца Ивашка Гарасимова и против Петрова челобитья Моложенинова ево, Ивашка, роспросить и ехать в Колмогорский уезд и промеж Колмогор и Архангелского города на призначных местех серебряные и золотые руды искать с великим прилежанием, да где подаст бог какую руду, чинить опыт всячески, а что явитца, о том писать, и опытное серебро или золото и руды, посколко пригож, /л. 139/ запечатать, прислать к великому государю к Москве с нарочными гонцы, а самому дожидатися государева указу на тех же местех, где сыскано будет. А будет колмогорец Ивашко учнет запиратца, и серебряные и золотые руды не укажет, и Офанасью писать о том ко государю ж, а ево, Ивашка, до государева указу дать на крепкие поруки и ехати с мастеровыми людми в Колмогорский же уезд Кирилова монастыря в вотчину Умбу на остров Медвежей и в иные места, где укажет колмогорец Еремка и мастеровые люди и Кирилова монастыря умбовские крестьяне, которые серебряные крички преж сего нахаживали или хто и мимо тех людей об'явит где, и в тех местех серебряных криц и руды искать всячески с великим радением и по призначным местом копать в землю глубоко, чтоб конечно руды или самородного серебра доискатца подлинно, а доискався, по тому ж мастером велети чинить опыт и плавить при себе и смотреть над серебряники накрепко, чтоб в руду не примешали в мыле или в угольe и в иных составех денег ли какова готового серебра. А сколько криц или руды и всяких надобей в плавку положено будет по весу и по цене /л. 110/ и сколко будет чистого серебра или золота, то все записывать в книгу имянно. Да буде де по сыску и по опыту в плавке об'явитца из руды или из самородных криц чистого серебра или золота, о том писать и серебру опыт и руды, посколку пригоже, присылать ко государю тотчас, а отписку подать и серебро и руду оставить в приказе Болшого дворца боярину и оружейничему Богдану Матвеевичу да думному дворянину Александру Савостьяновичю Хитрово да дьяком думному Федору Михайлову, Якову Петелину, Федору Тютчеву, Семену Кудрявцову, Протасью Микифорову.

А в которых местех серебряная руда или криц или какая ни есть руда сыщется, и о тех местех в отписках своих писать имянно, а самому ждать государева указу в тех местех, где об'явитца серебро и приказать тех мест беречь Кирилова и Соловецкого монастырей вотчиным крестьяном и старцом и слугам, которые в тех вотчинах у промыслов живут, и сказать им с великим подкреплением, чтоб в тех местех руды не копали нихто и сторонним людям копать /л. 141/ не давали. Да тем же Кирилова и Соловецкого монастырей и иных вотчин крестьяном и всяких чинов людем сказать государев указ: будет хто ведает серебряную и золотую и медную или иные какие руды и слюды и в ыных местех и они б ему, Афонасью, про те места извещали и указывали, не опасаясь никаких убытков и тягостей. А хто такие места укажет, и по их скаске подлинно сыщетца, и великий государь тех людей и их сродников пожалует своим государьским жалованием денежною казною и белыми землями, смотря по службе их. А хто, ведая, утаит, а великому государю учинитца ведомо мимо их, и тем людем быть в смертной казни. А однолично б ему Афонасью великому государю послужить о сыску серебряной и иных руд порадеть всячески, а тамошним жителем всяких чинов людем тягости никакой не учинить и ничем ни х кому не приметыватца и монастырьских крестьян ни х какой рудокопной работе не неволить, а где понадобятца /л. 142/ работныя люди и ему наймывать доброволно, а без найму работать отнюдь не заставливать.

А для того серебряного сыску на наем работных людей дано ему Афонасью ис приказу Болшого дворца сто рублев да Офонасью ж буде что понадобитца сверх тех снастей, что ему дано будет на Колмогорах, и то ему имать по государеве грамоте в монастырьской вотчине Умбе с росписко́ю, а каких снастей нет, и то делать нарочно, чтоб ни зачем остановки не было. А будет он о сыску серебряной руды радеть не учнет или учинит кому какие налоги и убытки, и ему от великого государя ...(т)... быти в опале и в казни.

К сему наказу государева царева и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца печать приложена.

Роспись руды, найденной и привезенной стряпчим А. Зиновьевым.

/л. 172/ 181 года августа в 13 день по указу великого государя ...(т)... для ево великого государя дел послан был на Двину и в Двинской уезд Кирилова монастыря в вотчину Умбу на Медвежей остров и в ыные места из Новгородского приказу стряпчей Афонасей Зиновьев для сыску и досмотру серебряных самородных криц и серебряные и золотые руды и что руд привезено и в которых местех и на чьих землях сыскано и тому роспись.

Кольского уезду на Медвежье острове, где преж сего Кирилова монастыря Умбовские волости крестьяня Кузка да Елфимко Халтурины да Пашка Хутин да Михейко Кирилов и жилец Онофрей Мамкеев и серебряник Еремка Денисов брали серебряные самородные крицы, и на том же прежнем месте набрано руды и с призначным белым камнем четыре пуда дватцеть пять фунтов да камени, которой около той руды лежит слоями промеж дикого красного и черного и серого камени — пуд десять фунтов. А цветом тот камень темноват з звездками, подобен, что руда ж. Да в том же месте сверху в камени в рудном слою в глубину слоя вершька в два найдена самородного серебра кричка весом против пяти денег, а где та руда брана и самородного сере-

бра кричка найдена, и то место понимает морскою водою в судки дважды; да на том же острову промеж дикого камени во многих местех слоями в белом камени находитца что слюда мяхка и темна. А тот Медвежей остров Колского уезду Порегубские волости, а не Двинского уезду, и Кирилова монастыря от вотчины Умбы до того острова тритцать верст, а владеют им великого государя крестьяня Колского уезду Порегубския волости да Соловецкого монастыря старцы Пильскогубского усолья. А тот Медвежей остров против Порегубския волости от берега в море стоит верстах в осми, а длиною тот остров с полторы версты, а в широту с версту, и лесу на том острову всякого в длину с версту, а в поперег с пол версты. И на том острове с /л. 173/ восточную сторону гора каменная высокая в высоту с полтораста сажен и с северную сторону в той горе против Порегубския волости преж сего браны и ныне найдена самородныя серебреныя крицы и руда, а в котором месте ныне руда брана, и до того места от малыя морския воды поливныя пять сажен, а в болшия воды выше того места вода поливная по берегу ходит четыре сажени един аршин, а в великия ветры и выше того волны морския на берег всходят.

По извету серебряника Еремки Денисова брана руда Двинскаго уезду Варзужския волости на земле святейшаго патриарха и Спасова Новаго монастыря от устья реки Варзуги и по ней едучи подле берега морского дватцать пять верст на речке Гремяхе на морском берегу, и той руды набрано осмь пуд, а в том месте пришел берег ровн[ой] каменной в высоту сажени с полтрети и та руда лежит в берегу по обе стороны речки Гремяхи слоями пошла сверху прямо подле воды и сверху берега в речку и в берег, а не поперег, и около той руды камень дикой красной и черной крепкой. А морскою прибылою водою тех рудных слоев в речке Гремяхе понимает в высоту прямо в сажень слишком.

И против челобитья Петра Моложенинова и роспросных речей серебряника Ивашка Гарасимова Двинскаго уезду на реке Лае около Корпеха озера и иных речек и озер руды серебряные и никаких руд по досмотру нигде не об'явилось.

Сказка о руде рудознатного мастера иноземца Х. Дробыша, 23 декабря 7183 (1674) г.

/л. 174/ И 183 года декабря в 23 день в Новгородцком приказе саксонские земли иноземец рудознатной мастер Крестьян Дробыш, смотря руды, сказал.

1. Что привез стряпчей Офонасей Зиновьев с Медвежья ж острова светит на медную руду, а серебро де в такой руде не родитца.
2. Кричка де серебряная, что бутто найдена в той руде, и та де кричка плавлена из готового серебра.
3. Камень, которой лежит около той руды, бутто подобен руде, и тот де камен светит на медную руду, и то худо, и ничего из него не будет.
4. Что камень светит звестками и мелкой, тот де камень дикой, ничего из него не будет /л. 175/.
5. Что привез Посолского приказу подьячей Семен Протопопов, и та де прямая медная руда, а не серебряная.
6. Что привез Посолского приказу переводчик Андрей Виниюс — медная руда, и та плоха.
7. Что привез маеор Павел Миниюс, и в той руде будет свинец и медь и серебро.
8. А что де с реки Цылмы прислано, и та де прямая медная руда.

Грамота из приказа Большой казны воеводе кн. В. Одоевскому, 19 мая 7188 (1680) г.

/л. 234/ Лета 7188-го маия в 19 день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца указу боярину князю Василью Федоровичю Одоевскому с товарыщи великий государь ...(т)... указал послать ис приказа своей великого государя Болшие казны в Белозерской и в Двинской и в Колской уезды за Соловецкое море для сыску золотые и серебряные руды из дворян Петра Моложенинова, а для розсылки в Белозерский уезд стрелцов пять человек да дву человек приставов велено ему взять на Беле озере у воеводы, да на Беле ж озере взять ему белозерца посадцкого человека Гришку Позднякова, которой извещал о серебряной руде, а буде де ево, Гришку, в местах не будет, и ему взять поручиков ево, которые по нем ручались, взять к себе, покаместь он будет в отлучке, да кузнеца доброго со своею кузнечною снастью. И о том и о всяком споможении указал великий государь послать свою великого государя послушную грамоту на Бело озеро к воеводе ис приказу Болшаго дворца, и по государеву цареву ...(т)... указу боярину князю Василию Федоровичю Одоевскому с товарищи учинить о том по указу великого государя.

Отписка П. Моложенинова в приказ Большой казны, апрель 7189 (1681) г.

/269/ Государю царю ...(т)... холоп твой Петр Моложенинов челом бьет.

В прошлом, государь, во 188-м году по твоему великого государя ...(т)... указу и по наказу ис приказу твоей великого государя Болшие казны за приписью дьяка Артемья Степанова велено мне холопу твоему, да со мною племяннику моему Андрею Моложенинову да приказу Болшаго дворца подьячему Василью Берестову и серебряником в Белозерском и в Двинском и в Колском уездех за Соловецким морем сыскивать золотые и серебряные руды и в тамошних местах проведать везде о таких местех, где чають быть золотой и серебряной руде и буде, за помощию божиею, где сыщутца какие признаки руд, и мне, холопу твоему, с таварыщи в тамошних местех велено руды сыскивать с великим радетелством и, сыскав ту руду серебряную, плавить и, что серебряные руды и серебра в сыску будет и в каковых местах, и о том к тебе, великому государю, велено писать имянно и опыты прислать в приказ твоей великого государя Болшие казны.

И в прошлом, государь, во 188-м году июля в 25 день приехал я, холоп твой, на Бело озеро и твою, великого государя, грамоту к воеводе к Илье Загрязскому о белозерце посадцком человеке о Гришке Познякове, которой извещал о серебряной руде в Белозерском уезде и о порутчиках ево и о стрельцах и о приставех и о кузнецах послал того ж числа. И августа в 9 день воевода Илья Загрязской прислал ко мне, холопу твоему, белозерца посадцкого человека Гришку Познякова, да порутчика ево Гришкина болезерские приказной избы подьячего Ивана меншово Тимохова да для розсылки белозерцев посадцких людей, которые ходят в розсылке из приказные избы, дву человек да стрельцов и салдат /л. 270/, которые ходят в розсылке ж с Рыбного двора четырех человек, да кузнеца белозерца посадцкого человека Сенку Чмутова.

И по твоему, великого государя ...(т)... указу и по наказу ис приказу твоей, великого государя, Болшие казны противо извету Гришки

Познякова и противо скаски Хлебенного дворца помяса Якушка Иванова белозерца да колмогорца Еремея Денисова я, холоп твой, с племянником своим Андреем Моложениновым и с подьячим Васильем Берестовым и приказные избы с подьячим же с Ываном Тимоховым и с серебряники з Дмитреем часовником[1] да с Ываном Глазуновым да с Еремеем колмогорцом и с ызветчиком з белозерцом Гришкою Позняковым да с кузнецом с Сенкою Чмутовым и с россылщики и с стрелцы и с салдаты в Белозерской уезд ездил и про золотую и про серебряную руду сыскивал и у волостных людей спрашивал и обыски и скаски имал за руками с великим подкреплением. А в ыные места посылал я, холоп твой, племянника своего Андрея и подьячих и серебряников и в которых, государь, местах про серебряную руду сказывали и места указывали, и в тех местех тех руд имали и плавили и в плавке, государь, в горнах та руда ходит, подобна серебру, и как из горну выйдеть и станеть жестока, и в дело и в тягу нейдеть. А ныне крестьяне против сказок в сыску серебряные руды чинятца противны в роспросех и на очных ставках сказывают и запираютца, а опосле говорят разные речи, а иных и по се число в сыску нет. И за тем, государь, тому сыску на Беле озере учинилось умедление и ис того, государь, дела и ис сказок велел я, холоп твой, выписать, а с ыных изветов списки списать и тое выписку и списки послал я, холоп твой, к тебе великому государю с сею отпискою вместе, запечатав в листу, с племянником своим с Андреем Овдокимовым сыном Моложениновым да с под'ячим с Васильем Берестовым да с серебряником з Дмитрием часовником апреля в 13 день ныне /л. 271/ шняго 189-го года, а отписки, государь, и выписку и списки велел я, холоп твой, подать в приказе твоей, великого государя, Большие казны. А по тому, государь, делу по сказкам и по изветам довелось сыскивать про серебряную руду и в Олонецком уезде и в Чаронской округе и без твоего, великого государя, указу и без грамот из тех приказов, в которых приказех Олонецкой уезд и Чаронская округа ведомы, ездить мне, холопу твоему, и посылать для розыску, не описався к тебе, великому государю, к Москве, нелзе и впредь, государь, о розыску золотые и серебряные руды в Белозерском уезде и в Олонецком и в Чаранской округе мне, холопу твоему, сыскивать или за Соловецкое море для сыску нынешняго лета ехать и о тех людех, которые запирались, а иные говорили разные речи и о Григорье Раткове, что он Григорей серебряной слиток ко мне, холопу твоему, приносил и место серебряной руды хотел указать, а в скаске про серебряную руду просил сроку до брата своего Федора Раткова и скаскою ко мне, холопу твоему, не бывал, укрываетца, твоему, великого государя, указу чинитца непослушен, и о том, что ты, великий государь, мне холопу своему укажешь?

Сказки на допросе Я. Иванова и Е. Попова, 20 мая 7188 (1680) г.

Список.

/л. 272/ 188-го года маия в 20 день Хлебенного дворца помяс Якущко Иванов сын, белозерец да колмогорец Еремка Денисов сказали Петру Елисеевичю Моложенинову, что в Белозерском уезде в Судцком стану на реке на Суде в Колошемской волости, пониже прихоцкие церкви версты з две, а выше верхние слободки верст с шесть, в луке реки Суды лежит серебреная руда, а которые помещиковы и вотчин-

[1] В другой отписке в этом же деле (л. 196) сказано, что он был «у часов на Тайницкой башне».

никовы крестьяня живут блиско тое серебреные руды и тое руду стерегут тех помещиков и вотчинников крестьяня, и на том месте поставлена у них караулная избушка. А я, Якушко, в прошлых годех на том месте был и серебреную руду видел, а казали де ему тое руду караулные избушки сторожи, а сказали, что та — серебряная руда и нихто б ее без указу великого государя не имал, для того де они и стерегут.

Сказка на допросе Г. Познякова, 9 августа 7188 (1680) г.

/л. 273/ 188-го года августа в 9-й день по указу великого государя ...(т)... и по наказу ис приказа ево великого государя Болшие казны за приписью дьяка Артемья Степанова на Беле озере на с'езжем дворе перед Петром Елисеевичем Моложениновым белозерец посадцкой человек Григорей Данилов сын Попов, Позняков он же, которой живет в Белозерском уезде в Судцком стану в Кьямской волости у церкви пророка Ильи во дьячках, про серебряную руду допрашиван, а в допросе он, Григорей, сказал: в прошлых де годех по указу блаженные памяти великого государя ...(т)... и по грамоте из приказу Болшого дворца велено де Петру Елисеевичю Моложенинову на Беле озере и в Белозерском уезде сыскивать серебряные руды. И ево де, Григорья, посылал Петр Елисеевич для проведывания серебряные руды в Белозерской уезд и сказывал ему Григорию Белозерского уезда Судцкого стану Судцкой волости, что на крае Васильев крестьянин Григорьева сына Смолнянинова, деревни Пекина Ларка Онтонов, что в Белозерском уезде в Судцком стану в Ножемской волости в Старой пустой слободе есть серебряная руда, а места де ему, Григорью, тот Ларка в Ножемской волости в Старой пустой слободе и по се де число не указал, говорил де безпрестанно, что укажет, и от того де он, Григорей, тому крестьянину Ларке делал серги новые да другие починивал безденежно, да ему ж де дал соли тритцать гривенок безденежно ж и для де того он, Григорей, надеяся на него, Ларку, в прошлом в 179-м году известную челобитную Петру Елисеевичю и подал и после де подачи той ево Григорьевы челобитной тому лет с восмь — приношивал де к нему, Григорью, тот же крестьянин Ларка руды фунта с полтора /л. 274/, чтобы ему плавить, не серебро ли де будет, и он де Григорей той руды не плавил для того, что де ему он Ларка места не указал. Да к нему ж де к Григорью приносил Ножемской волости Старые пустые слободы деревни Федоровской Иевлев крестьянин Данилова сына Бутурлина Лучка Мокеев осарков белых, подобны де серебру, и говорил, чтоб де ему Григорью переплавить и с ним Лучкою розделить пополам; и он де Григорей у него Лучки спрашивал, где он те осарки взял и руду где знаеть, и тот де Лучка ему Григорью не сказал, где руду взял и осарки, и для де того он Григорей у него Лучки тех осарков не взял и не плавил, что де ему места не сказал и не указал.

Да он же Григорей сказал в прошлом де во 186-м году о Ильине дни от Григорьевы жены Раткова приносила крестьянка ево Агрипенка Иванова дочь слиток серебряной с фунт, чтоб де ему Григорью зделать на крест, и он де Григорей крестов не делал и отдал де тот слиток той же крестьянке для того, что было время пахотное, а ис того де слитка отломал де он Григорей кусок, золотника с три, и клал де в горшок и из горшка де вылил крест, толко де тот крест был не так, как из чистого серебра, ломоват. И после де того он Григорей видел Григорья Раткова и не в одно время и тот де Григорей Ратков

говорил ему, чтоб и ево Григорья Раткова к тому делу в долю принять Петру Елисеевичю, и тот Григорей Ратков той серебряной руды место хотел указать и по се де число ему Григорью Познякову того места серебряные руды он не указывал.

/л. 275/ Да он же Григорей сказал: в нынешнем де в 188-м зимою, в великий мясоед, приезжал де к нему Григорью в Кьямскую волость князь Борисов крестьянин княж Михайлова сына Вадбалского Ивашко Савельев дважды и сказывал, что у них в выставке на Пондале есть серебряная руда, и он де, Григорей, к тому крестьянину Ивашку Савельеву приехал, и тот де крестьянин Ивашко с ним, Григорьем, пришли в деревню Слободу к Григорьеву крестьянину Раткова к Дениску Яковлеву и про серебряную руду он Григорей тем крестьяном говорил, чтоб ему указали тое серебряную руду, где емлет Григорей Ратков, и они де меж себя с Ывашком договорилися, и дал де он Григорей Ивашку Савелеву корову свою да кожу яловичью деланую, а Дениску ж Яковлеву дал крест серебряной. И для того, что б про иск серебряной руды не познали соседи их, он Григорей с тем крестьянином с Ивашком Савельевым сменял лошадь свою на ево Ивашкову лошадь, а корову де и кожу деланую дал он Григорей ему Ивашку бутто в придачю к своей лошади. И ночною де порою тот крестьянин Дениско взял ево Григорья с собою и ходил де на лыжах за реку Иводу на гору и взял де он Дениско руды с полчетверика и говорил, что де помещик ево Григорей руду емлет в том месте, и как де он Григорей з Дениском пришли в деревню Слободу и тот Дениско да Ивашко Савельев меж себя говорили чютцким языком, а что де они говорили меж себя, того де ему Григорью не ведомо, потому что де он Григорей чютцкого языка не знает, и тое де руду он Григорей в железном горну плавил и, как де руда учала сливатца, подобна де серебру, и как де из горну тое руду вынял и слилась де та руда кусем осарками с фунт, иные осарки белы подобны серебру, толко жестоки, а умягчити де /л. 276/ он Григорей того не знает чем.

Да про руду ж де сказывали ему Григорью, что есть тем же подобием руда в Олонецком уезде в Мегорском погосте в выставке Куштозере, и для де того нынешняго 188 году весною приходил он Григорей Белозерские приказные избы к подьячему к Ивану Тимохову, потому что де он Иван с товарищи в сыску того дела по нем Григорье поручил[ись], и про то ему сказывал, чтоб он Иван написал ему Григорью челобитную о сыску серебряной руды. А он де Иван в то время был на Вологде у писма розборных книг с столником со князем Григорьем Васильевичем Тюфякиным и подьячей де Иван Тимохов челобитную ему Григорью написал и к Москве де ево Григорья послал с опытом той пондалской руды. И он де Григорей на дороге заскорбел и весною де к Москве итти за болезнью не мог, а как де ему Григорью стало легче и летом де он Григорей к Москве не пошел для того, слушно де ему Григорью учинилось, что по указу великого государя с Москвы Петр Елисеевичь Моложенинов для сыску серебряные руды на Бело озеро отпущен, и подал он Григорей слитков весом с фунт, которой выплавил с пондалской руды.

Новые документы о Н. А. Добролюбове

В 1936 г. Советский Союз отмечает столетие со дня рождения Добролюбова и три четверти века со дня его смерти.

По словам Ленина, Добролюбов дорог «всей образованной и мыслящей России...» как писатель, «страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок»— против самодержавного правительства» [1].

Не видя еще той решающей революционной силы, которая позднее выросла в лице пролетариата, Добролюбов всегда верил в активность, в силу трудящегося народа.

Время не убило Добролюбова, не стерло красок с его творчества, не ослабило мужественной энергии, которой пропитаны его произведения. Сейчас, в годы победы социализма, победы колхозного строя, он вырастает перед нами как революционер, как критик, как человек. Его боевые традиции стали традициями советской литературы, которая в своем боевом арсенале сочетала революционную страсть, ненависть к произволу, любовь к трудовому народу, отличавшие Добролюбова, и то пролетарское мировоззрение, опирающееся на теорию и практику Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, которого у Добролюбова еще не могло быть.

Публикуемые документы не открывают каких-либо новых черт в биографии великого революционера-демократа, но все же они представляют известную ценность, существенно дополняя многие стороны этой биографии.

«Добролюбов в педагогическом институте» — эта серия документов рисует нам Добролюбова-разночинца, после от'езда в Питер и смерти отца, теряющего связь со средой духовенства. Тяжелые материальные лишения и забота о беспризорной семье ложатся на его плечи в юношеские годы. Чтобы помочь своим братьям и сестрам, вынужденным после смерти родителей жить у чужих людей («горек чужой хлеб»,— пишет Добролюбов), он работает с огромным напряжением и хочет пройти окончательные испытания, прослушав только три курса в Главном педагогическом институте. С трудом удается ему получить возможность пройти и последний, 4-й, курс института.

Необходимость прошений на имя «власть имущих», полуголодное существование, боль о близких родных, неприютных и неустроенных,— все эти тяжести легли на плечи Добролюбова. Но личные страдания не заняли решающего места в его жизни. Они не вызвали в его сердце стадной ненависти к окружающим и подлого стремления выбраться к почету и власти по спинам и плечам других, униженных и обездоленных, людей. Он сумел увидеть и понять горе и боль народа. Он сумел сохранить в себе горячую уверенность в силу масс. С юношеских лет он проявляет упорство в достижении поставленных им перед собой целей. Ведомость его успехов с каждым годом становится лучше. Мешает поведение! Революционная натура Добролюбова проявляется уже в институте в борьбе с институтским начальством, и это не проходит даром.

---

[1] Ленин, Соч., т. IV, стр. 346.

Добролюбов умирает 25 лет. Умирает с сознанием своей правоты, уверенный, что он шел по прямому пути.

«Милый друг, я умираю.
Но спокоен я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею».

Добролюбов жил и боролся недаром. Он оставил яркий след как писатель и борец.

Основным мотивом его творчества были страстные поиски сильной личности, героя-революционера, который мог бы повести русский народ к борьбе за его освобождение. Добролюбов видел «темное царство», окружавшее его, видел то смрадное болото, в котором гибли силы, воля, талант лучших людей страны. Но не умирала в нем вера в активность массы. Даже Обломов, говорит Добролюбов, «не есть существо, от природы совершенно лишенное способности произвольного движения. Его лень и апатия есть создание воспитания и окружающих обстоятельств» [1].

Указывая, что в жизни образованного общества еще нет «Штольцев, людей с цельным, деятельным характером, при котором всякая мысль тотчас же является стремлением и переходит в дело», Добролюбов добавляет: «в массе такие люди беспрестанно попадаются» [2].

Добролюбов горячо нападает на Тургенева за то, что он в романе «Накануне» не сумел найти русского героя, русского человека, борца за свою идею.

«Итак, великим идеям, великим сочувствиям нет еще места среди нас? Все героическое, деятельное должно бежать от нас, если не хочет умереть от бездействия или погибнуть напрасно? Не так ли?...»,— спрашивает Добролюбов. И отвечает:

«Мы все-таки думаем, что т е п е р ь в нашем обществе есть уже место великим идеям и сочувствиям и что недалеко то время, когда этим идеям можно будет проявиться на деле» [3].

Вся деятельность, вся жизнь Добролюбова была доказательством этой мысли. И он сам был тем героем, какого он так страстно искал в литературе и в жизни (Чернышевский изобразил его в художественном образе Левицкого в романе «Пролог»).

Его жизнь не заглохла бесследно в ужасающем окружении крепостнической России. Похороны Добролюбова, демонстрации на Волковом кладбище в двадцатипятилетие его смерти, прокламации, разосланные по всем городам России (в их составлении принимал участие Александр Ульянов), борьба царской цензуры против Добролюбова, продолжавшаяся до конца XIX столетия,— все это показывает, что имя Добролюбова и его труды были боевым знаменем, собиравшим революционные силы для борьбы с произволом, с самодержавием и реакцией.

Добролюбов яростно боролся против прекраснодушных либералов.

Ленин писал в «Очередных задачах Советской власти»:

«Современным «социал-демократам» оттенка Шейдемана или что́ почти одно и то же, Мартова, так же претят Советы, их так же тянет к благопристойному буржуазному парламенту, или к Учредительному собранию, как Тургенева 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, как ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского» [4].

Семьдесят пять лет, прошедших после смерти Добролюбова, были периодом самым значительным в истории человечества и в частности России. Победа пролетариата и беднейшего крестьянства в октябре 1917 г., гражданская война, строительство социализма, победа колхозного строя, гигантский про-

[1] Добролюбов, Соч. т. II, стр. 501, изд. Сойкина.
[2] Там же, стр. 523.
[3] Там же, т. III, стр. 297.
[4] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 466—467.

мышленный рост Советской страны — на месте старой России создали новую великую страну. Сотни освобожденных народов в братском союзе строят радостную счастливую жизнь, о которой мечтал и за которую боролся Н. А. Добролюбов.

Е. Ч.

I. Добролюбов в Педагогическом институте

Прошение Н. Добролюбова в Главный педагогический институт 14 августа 1853 г.[1].

Желая продолжать свое образование в Главном педагогическом институте, покорнейше прошу допустить меня к приемному испытанию. Документы мои: метрическое свидетельство и аттестат — будут представлены в непродолжительном времени. К сему прошению ученик высшего отделения Нижегородской духовной семинарии Николай Добролюбов руку приложил.

Выписка

из списка воспитанников, выдержавших приемное испытание в Главный педагогический институт[2]

№	Имена и фамилии	Лета	Происхождение	Место первоначального воспитания
	По историко-филологич. факультету			
3	ДОБРОЛЮБОВ, Николай	17	Сын священника	В Нижегородской семинарии

Директор Иван Давыдов.

Ведомость

об успехах воспитанников семинарий и гимназий по приемному испытанию в Главный педагогический институт в августе 1853 года[3]

Испытание началось 3 августа

№№	Фамилии и имена	Из какой гимназии или семинарии	Закон божий	Русская словесность	Русская история	Всеобщая история	География	Физика	Математика	Греческий язык	Латинский язык	Французский язык	Немецкий язык	Средний вывод
52	Николай ДОБРОЛЮБОВ	Нижегородской семинарии	5	4½	4	4	3½	3	3	5	4	1	5	3.81

Инспектор А. Тихомандрицкий.

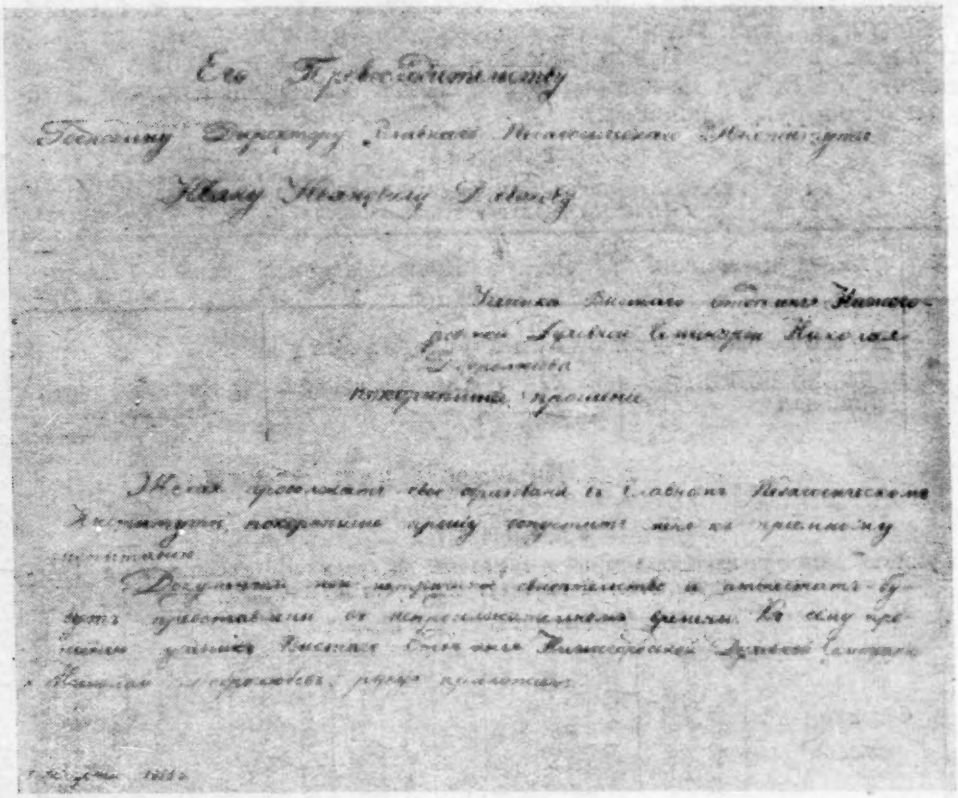
31 августа 1853 г.

[1] Лен. обл. архив (1-ИА), ф. № 13, св. 43, д. № 2564, 1853 г., л. 97.
[2] Лен. обл. архив д. 2562, 1853 г., л. 149.
[3] Там же, св. 43, д. № 2562, 1853 г., л. 119.

Прошение Н. Добролюбова директору Главного педагогического института И. Давыдову, 9 августа 1854 г.[1]

Внезапная кончина моего отца, происшедшая 6 числа сего августа, тяжело поразивши мое сердце, еще не успокоенное после недавней смерти матери, произвела во мне расстройство здоровья, которое препятствует мне явиться в институт к назначенному сроку. Честь имею покорнейше донести об этом обстоятельстве вашему превосходительству; засвидетельствование же врача представлю лично по приезде.

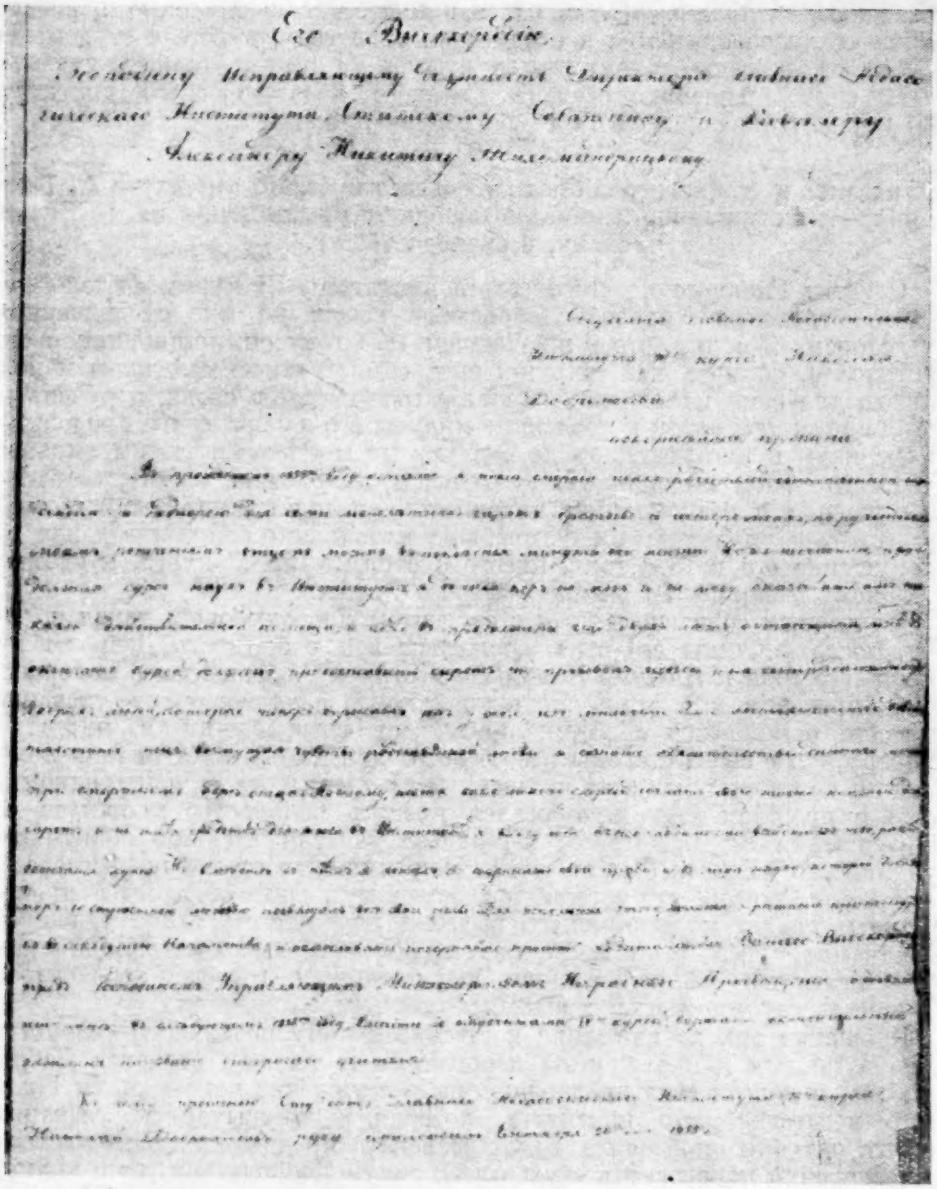
К сему рапорту студент Главного педагогического института Николай Добролюбов руку приложил.



Прошение Н. Добролюбова и. д. директора Главного педагогического института А. Тихомандрицкому, 25 сентября 1855 г.[2]

В прошедшем 1854 году остался я, после смерти моих родителей, единственною надеждою и подпорою для семи малолетних сирот — братьев и сестер моих, порученных моим попечениям отцом моим в последние минуты его жизни. Но к несчастью, продолжая курс наук в институте, я до сих пор не мог и не могу оказывать им никакой действительной помощи и следственно в продолжение еще двух лет, остающихся мне до окончания курса, должен предоставить сирот на произвол судьбы

[1] Лен. обл. архив, св. 45, д. № 2594, 1854 г., л. 24.
[2] Там же, св. 46, д. № 2612, 1855 г.



и на сострадательность добрых людей, которые теперь держат их у себя из милости. Это обстоятельство вдвойне тяготит меня, возмущая чувство родственной любви и сознание обязательства, данного мною при смертном одре отца. Поэтому, желая как можно скорее сделать свою жизнь полезною для сирот и не имея средств для этого в институте, я вижу себя в необходимости выйдти из него ранее окончания курса. Но вместе с тем я хотел бы сохранить свои права и в мире науки, которой до сих пор со страстною любовью посвящал все свои силы. Для исполнения этого желания я решаюсь прибегнуть к великодушию начальства и осмеливаюсь покорнейше просить ходатайства вашего

высокородия пред г. управляющим министерством народного просвещения — о дозволении мне в следующем 1856 году, вместе с студентами IV курса держать окончательный экзамен на звание старшего учителя.

К сему прошению студент Главного педагогического института III курса, Николай Добролюбов руку приложил.

Донесение и. д. директора Главного педагогического института А. Тихомандрицкого товарищу министра народного просвещения кн. П. Вяземскому, 8 октября 1855 г.[1]

Студент Главного педагогического института, III курса, филологического отделения Николай Добролюбов вошел ко мне с прошением, в котором, об'ясняя, что в прошедшем 1854 году он, лишившись своих родителей, остался, как старший сын, единственною надеждою и подпорою для семи малолетних сирот братьев и сестер своих, порученных его попечениям отцом в последние минуты его жизни, и что, продолжая курс наук в институте, он до сих пор не мог оказывать им никакой действительной помощи, между тем как малолетние сироты остаются совершенно в беспомощном положении, он просит исходатайствовать у вашего сиятельства милостивейшее начальническое соизволение на допущение его в 1856 году, вместе с студентами IV курса, к окончательному экзамену на звание старшего учителя.

Из личных об'яснений моих с студентом Добролюбовым узнал я, что он, после кончины его отца, последовавшей в бытность Добролюбова прошлого года в Нижнем Новгороде в отпуску, обращался с покорнейшею просьбою к местному епархиальному начальству об оказании помощи оставшимся сиротам; потом, по возвращении в институт, употреблял с своей стороны все средства для исходатайствования помещения некоторых из сирот в казенные заведения, но не успел; наконец, еще в прошлом году намеревался просить начальство института об определении его в должность уездного учителя где-либо вблизи его родины, но удержан был от этого намерения некоторыми профессорами института, потому что своими превосходными способностями и прилежанием подает до настоящего времени надежду на самое успешное окончание курса. Но в настоящее время, как видно из прилагаемой об'яснительной записки, вновь вынужденным нашелся обратиться к начальству института с вышеизложенным прошением.

Прошение это, во внимание к стеснительному положению семейства Добролюбовых и к отличным дарованиям и успехам студента Добролюбова, я долгом счел предложить на рассуждение конференции Главного педагогического института, которая в чрезвычайном собрании 4 сего октября определила ходатайствовать пред вашим сиятельством о позволении подвергнуть студента III курса Добролюбова, не в пример другим, окончательному испытанию вместе со студентами IV курса в конце текущего учебного года и, если он выдержит это испытание хорошо, то предоставить ему права окончившего полный курс в институте и звание старшего учителя.

Такое заключение конференции, с приложением об'яснительной записки студента Добролюбова, имею честь почтительнейше представить вашему сиятельству на начальническое благоусмотрение.

Исправляющий должность директора, инспектор

А. Тихомандрицкий.

[1] Департ. нар. просвещ., Гл. пед. инст., отд. 1, стол. 1, д. № 124339, карт. 3635, 1855 г., лл. 1, 2.

Об'яснительная записка Н. Добролюбова, 6 октября 1855 г.[1]

В марте месяце прошлого 1854 г. умерла мать моя — от родов; в августе умер и отец — от холеры, оставивши на мои попечения все семейство, состоявшее тогда из 6 сестер и 2 братьев. Отец мой был в Нижнем Новгороде священником, служил 20 лет безукоризненно, пользовался вниманием начальства и величайшею общею любовью прихожан. Поэтому я считал себя вправе тотчас обратиться прямо к епархиальному начальству с просьбой о вспомоществовании. Преосвященный нижегородский Иеремия предложил было отдать моих сестер в монастырь, но я не решился согласиться на эту меру, не зная, будет ли у моих сестер, когда они вырастут, расположение к монастырской жизни. После этого, несмотря на все просьбы не только мои и других родных, но и всех прихожан, духовное начальство ничего уже не сделало для сирот. Я хотел тогда еще остаться при семействе, выпросивши себе место уездного учителя где-нибудь в Нижегородской губернии, но добрые прихожане моего отца приняли в детях самое родственное участие, почти насильно заставили меня продолжать курс учения и принялись хлопотать о помещении куда-нибудь моих сестер и братьев. Троих взяли к себе родственницы тетки, троим досталось жить у чужих, одну из девочек успели, в конце прошлого года, определить в симбирское духовное училище. Одна из сестер, которой пришлось поместиться в чужом доме, в нынешнем году уже умерла. Теперь остаются у меня сестры: Анна и Антонина — 14 л., Екатерина — 11 л., Елизавета — одного году; братья: Владимир — 6 и Иван — 3 лет.

Что касается до состояния моего отца, оно все заключается в доме, дающем до 500 р. в год дохода. Но на нем до сих пор числится до 3 000 р. сер. казенных и частных долгов, и так как на одни проценты и на застрахование дома нужно употребить в год 368 р., то остается всего 132 р., которые нужно распределить и для ремонта по дому, весьма значительного, и для уплаты долгов, и для воспитания сирот, и для обеспечения будущей судьбы их...

Казенный долг моего отца взят был им при постройке дома, из строительной комиссии. Выплачивая ежегодно определенную часть капитала и процентов, отец мой взнес уже сумму, превышающую взятый им капитал, но все еще, в продолжение 9 лет, остается нам взносить ежегодно по 200 р. сер. Так как по особому положению об устройстве Нижнего Новгорода, может быть выдаваемо бедным обывателям даже безвозмездное пособие для постройки домов, то опека решилась обратиться к главноуправляющему путей сообщения с просьбою о нетребовании с нас остального долга, так как бы ссуда, данная отцу моему, была беспроцентная. Но и в этой просьбе было отказано.

Таким образом собственных средств для содержания у семейства нет; добрые люди, взявшие сирот к себе, обещают держать их у себя несколько лет, но не хотят и не могут обещать устроить судьбу их окончательно; родственники, у которых находятся мои сестры, даже теперь тяготятся их содержанием, хотя и говорят, что готовы разделить с ними последний кусок хлеба. Но горек чужой хлеб,— и я не простил бы себе, если бы не сделал всего, что только в силах сделать, для избавления сирот от их тяжелой доли. Вот что заставляет меня употребить чрезвычайное усилие для скорейшего выхода из института.

Студент Главного педагогического института Н. Добролюбов.

---

[1] Департ. нар. просвещ., Гл. пед. инст., отд. 1, стол. 1, д. № 124339, карт. 3635, 1855 г., л. 3.

Отношение товарища министра народного просвещения кн. П. Вяземского нижегородскому епископу Иеремии, 12 октября 1855 г. [1]

Ваше преосвященство.

Студент Главного педагогического института Николай Добролюбов, сын умершего в прошлом году священника Николаевской в Нижнем Новгороде церкви, оставшись по смерти родителей своих единственной подпорою семи малолетних братьев и сестер, обратился к своему ближайшему начальству с покорнейшей просьбою о доставлении ему каких-либо зависящих от него средств к устроению существования сирот. Начальство Главного педагогического института, само по себе не имея средств, обратилось ко мне с представлением об увольнении студента Добролюбова из института до окончания им полного курса наук в этом высшем заведении, с тем, чтобы, получив по испытании должность учителя, мог он оказывать некоторую помощь сиротам. Вместе с этим я лично от исправляющего в настоящее время должность директора, инспектора института узнал, что студент Добролюбов по своим превосходным дарованиям, неутомимому прилежанию и отличным успехам подает надежду на самое счастливое окончание им полного курса наук, так что впоследствии обещает представить собою министерству народного просвещения одного из ревностнейших и благонамереннейших деятелей общественного просвещения.

По долгу звания, высочайше мне дарованного, желая сохранить для министерства народного просвещения молодого человека, подающего собою прекрасные надежды в будущем сделаться достойным наставником юношества, предоставив ему и время и средства для полного своего образования в Главном педагогическом институте, обращаюсь к вам, преосвященнейший, с покорнейшею просьбою принять отеческое участие в судьбе оставшихся сирот. Священник Александр Добролюбов в епархии вашего преосвященства прослужил церкви 20 лет, был удостаиваем особенной доверенности и за ревностное исполнение своих обязанностей высочайших наград, и студент Добролюбов получил начальное развитие дарованных ему богом способностей в нижегородской духовной семинарии; поэтому оставшиеся сироты имеют смелость надеяться на отеческое покровительство вашего преосвященства, и сочтут себя вполне обеспеченными в своем существовании, если, по всегдашнему почти и всеобщему примеру чадолюбивых архипастырей русских, предоставите Добролюбову право и дадите благословение приискать достойного человека для занятия какого-либо священнического места в самом Нижнем Новгороде со взятием в замужество одной из его старших сестер, а до ее совершеннолетия по вашему соизволению приискать священника, который бы на известных и вашим преосвященством утвержденных условиях мог исправлять службу в церкви и разные требы в приходе. Таким образом и сироты будут успокоены, и студент Добролюбов усугубит свое старание, с тем чтобы сделаться вполне достойным попечений о нем его начальства. А что касается до меня, то исполнение этой просьбы сочту для себя особенным одолжением, причем не могу не сказать, что не столько я лично, сколько само министерство народного просвещения, в видах общего и всем дорогого блага истинного просвещения в нашем отечестве, имеет надежду на удовлетворение

[1] Департ. нар. просвещ. Гл. пед. инст., отд. 1, ст. 1, д. № 124339, карт. 3635 1855 г., лл. 5—6.

вашим преосвященством единственного и вместе справедливого дозволительного желания оставшихся сирот.

Князь Вяземский.

Об'явление [1]

В Главном педагогическом институте, на основании § 72 высочайше утвержденного устава оного, в назначенные при сем по расписанию дни, по утрам, с 11 часов, имеют быть студентам десятого выпуска, окончившим полный курс учения, публичные испытания, на которые любители отечественного просвещения сим почтительнейше приглашаются.

11 мая 1857 г.
С. Петербург

Предметы испытаний

I. Историко-филологического факультета

15 мая, в среду

Всеобщая история — Ординарный профессор Ф. Ф. Лоренц.

17 мая, в пятницу

Славянские наречия — Ординарный профессор, академик И. И. Срезневский.

20 мая, в понедельник

Политическая экономия и статистика — Ординарный профессор К. И. Бессер.

21 мая, во вторник

Латинская словесность — Ординарный профессор Н. М. Благовещенский.

23 мая, в четверг

Греческая словесность — Ординарный профессор И. Б. Штейнманн. Дипломация и международное право — ад'юнкт-профессор М. М. Михайлов.

28 мая, во вторник

Русская история — Ординарный профессор, академик Н. Г. Устрялов.

29 мая, в среду

Русская словесность — Экстраординарный профессор И. И. Лебедев.

3 июня, в понедельник

Педагогика — Экстраординарный профессор Н. А. Вышнеградский.

4 июня, во вторник

Польская словесность — Экстраординарный профессор П. Н. Дубровский.

---

[1] Лен. обл. архив (1-ИА), ф. № 13, св. 49, д. № 2679, 1857 г., лл. 25—26.

Список

сочинений, поданных студентами Главного педагогического института, окончившими полный курс наук по избранным факультетам [1]

I. Историко-филиологического факультета

А. Отделения филологического

Николай ДОБРОЛЮБОВ	1. О славянском переводе хроники Георгия Амартола. 2. О Плавте и его значении для изучения римской жизни. 3. Историческое обозрение иезуитских школ.

Инспектор Института А. Тихомандрицкий.

1 июня 1857 г.

Ведомость

о поведении и прилежании студентов Главного педагогического института, окончивших полный курс наук в 1857 году, за все время нахождения их в институте [2]

Историко-филологического факультета

I. ОТДЕЛЕНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО

Николай ДОБРОЛЮБОВ	Трудолюбив, требователен, не сочувствует распоряжениям начальства, холоден в исполнении религиозных обязанностей, заносчив, склонен к ябеде, подвергался аресту.

Инспектор Института А. Тихомандрицкий.

2 июня 1857 г.

Прошение Н. Добролюбова управляющему министерством народного просвещения кн. П. Вяземскому, 13 июня 1857 г. [3]

Окончивши курс в Главном педагогическом институте по историко-филологическому факультету, я удостоен конференциею института, 6 июня сего 1857 г., звания старшего учителя. По некоторым делам, касающимся моего семейства, и, главным образом, для продолжения своих занятий, я имел желание и нужду остаться в Петербурге. Не имея в виду никакого штатного места в Петербурге, на которое бы я мог поступить, я осмеливаюсь, с дозволения г. попечителя Санктпетербургского учебного округа, покорнейше просить ваше сиятельство о причислении меня сверхштатно к одной из здешних гимназий, по филологическим предметам, впредь до открытия штатной вакансии, на которую начальство округа сочтет возможным определить меня.

Письмо кн. А. Куракина кн. П. Вяземскому, 14 июня 1857 г. [4].

М. г. князь Петр Андреевич.

Желая иметь учителя для занятий с двумя сыновьями моими и зная г. Добролюбова, который, еще будучи студентом, довольно долгое время уже давал им уроки, честь имею покорнейше просить ваше сиятельство о разрешении г. Добролюбову продолжать занятия учителя с моими детьми.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем к вам почтении и таковой же преданности.

Князь Александр Куракин.

---

[1] Лен. обл. архив (1-ИА), ф. № 13, св. 49, д. № 2679, 1857 г., л. 51.

[2] Там же, лл. 60—69.

[3] Департ. нар. просвещ., д. № 126258, карт. № 3707, 1857 г., л. 10.

[4] Департ. нар. просвещ., Гл. пед. инст., отд. 1, ст. 1, д. № 126244, карт. 666, 1857 г., л. 39.

Донесение директора Главного педагогического института И. Давыдова товарищу министра народного просвещения кн. П. Вяземскому, 6 июня 1857 г.[1]

По окончании испытаний студентам Главного педагогического института, окончившим ныне полный курс, конференция в чрезвычайном заседании 6 сего июня, на основании §§ 73 и 76, рассуждала об удостоении их. Принимая в соображение ведомости о поведении студентов, о прилежании и успехах их в течение всего курса, о педагогических способностях, выказанных на пробных лекциях, о достоинстве практических упражнений на заданные темы и ответов на окончательных испытаниях конференция составила им список по относительному их достоинству и на основании принятых ею в прежние годы правил удостоила: I. звания старших учителей гимназий: по филологическому отделению: ...Николая Добролюбова...

О сих удостоениях и наградах конференция имеет честь почтительнейше представить вашему сиятельству на начальническое утверждение и испросить разрешения совершить акт выпуска студентов из института 21 сего июня.

Директор, член главного правления училищ И. Давыдов.

Ведомость

о поведении и успехах студентов Главного педагогического института IV курса историко-филологического факультета, отделения филологического, за полный курс[2]

№	Фамилии и имена	Поведение	Педагогика	Русская словесность	Славянские наречия	Латинская словесность	Греческая словесность	Средний вывод за полный курс	Средний вывод по экзаменам	Вспомогательные предметы	Окончательный вывод	Удостоиваются звания
2	ДОБРОЛЮБОВ Николай	4 1/3	5	5	5	5	5	4.81	5	5	4.93	Старший учитель

Инспектор института А. Тихомандрицкий.
Директор Ив. Давыдов.

6 июня 1857 г.

Письмо кн. П. Вяземского кн. А. Куракину, 17 августа 1857 г.[3].

М. г. князь Александр Борисович.

По письму вашего сиятельства от 14 июня сего года, поставляю себе в особенное удовольствие уведомить вас, милостивый государь, что по уважению к желанию вашему иметь студента Главного педагоги-

[1] Лен. обл. архив (I-ИА), ф. № 13, св. 49, д. № 2679, 1857 г., л. 93.
[2] Лен. обл. архив (1-ИА), ф. № 13, св. 49, д. № 2379, 1857 г., л. 80.
[3] Департ. нар. просвещ., Гл. пед. инст., отд. 1, ст. 1, д. № 126244, карт. 666, 1857 г., л. 97. На документе помета: «Не принято за нахождением кн. Куракина за границею и по неизвестности места пребывания его там. Доложено его с-ву г. товар. м-ра 22 августа».

ческого института Добролюбова учителем при ваших детях и вследствие просьбы его об оставлении его на службе в С.-Петербурге, я разрешил вместе с сим дозволить г. Добролюбову принять на себя звание домашнего наставника при ваших детях на основании установленных правил.

Примите уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Князь Вяземский.

II. Добролюбов и царская цензура

Отзыв СПБ цензурного комитета о статье для журнала «Сияние» с рецензией на собр. сочинений Н. А. Добролюбова, январь 1872 г.[1]

Сочинения Н. А. Добролюбова.—Издание второе без перемен, 1871, ц. за 4 тома 6 рублей.—Давно ожидавшееся издание сочинений Н. А. Добролюбова, наконец, появилось и раскупается нарасхват; оно и понятно: в наше бесталанное и глухое время не появляется даже ничего подобного горячей проповеди великого нашего учителя. Литература наша разменяла, так сказать, бумажки на серебро, серебро на медь, да вот теперь и продовольствуется тяжеловесными, неуклюжими медяками старого чекана. Или в нашей литературе мало тепла для всходов семян, посеянных великим человеком? Или искать об'яснение этому в том известном законе физики, по которому точка образования водяного пара понижается по мере того, как мы поднимаемся в более высокие слои воздуха, где атмосферное давление постепенно ослабевает? Или мы должны притти к тому грустному заключению, что Н. А. Добролюбов был только ферментом, производившим брожение в окружавшем его стоячем болоте, чем-то вроде заразительного «грибка», производившего повальную эпидемию широкого умственного движения, и раз этот «грибок» умер, эпидемия окончилась и все вошло в свою обыденную колею, не сохранив в себе и следов болезни? Здесь не место входить в оценку литературной деятельности Добролюбова, скажем только, что в 4 томах своих сочинений за 5 лет своей деятельности он сказал так много, что и сотой доли того же не могли сказать сорок тысяч томов, по всей вероятности, сочиненных нашими литераторами со времени смерти главы новейшего периода русской литературы. Все, что теперь читается и пишется в нашей журналистике, похоже на мелкую разменную монету в сравнении с драгоценными червонцами «Доброго старого времени»; все сюжеты нашей критики и публицистики «в старину» исчерпаны гораздо основательнее, глубже, все наши литературные измышления похожи как две капли воды на перебалтывание старья, без новых точек зрения, без всяких следов таланта.

Что нового дала наша критика со смерти Добролюбова, да и где она, эта критика-то? Ее нет и следов! Были изредка только «критические потуги», да ничего из сего не вышло; почетное кресло критики до сих пор остается вакантным; немногие пытались устраиваться на кончик стула, да как-то соскальзывали на пол. У нас есть один знакомый чудак, который редко что читает, кроме Добролюбова, собственно по литературной части,—и, по нашему мнению, он, с своей точки зрения, совершенно прав; вы в нем не заметите ни малейшей усталости, воззрения его на разные вопросы современной жизни отличаются поразительной свежестью и новизной и в то же время глубоким пониманием всего совершающегося в нашей жизни.

[1] СПБ ценз. комитет, д. № 63, 1871 г., л. 8 об.

И это все дает нам старый писатель! В состоянии ли дать нам то же самое наша новейшая, даже либеральная, печать? Многие ли из наших нынешних литераторов могут сказать про себя, подобно Добролюбову, что

«Еще пристрастьем ни единым
Своей судьбы я не связал».

Многие ли из наших современников получат право сказать на смертном одре

«...Я умираю
оттого, что я был честен».

В жизни сменяется много поколений, память людская забудет много имен известных, но очень не скоро наступит еще то время, когда сочинения Добролюбова перестанут быть светочем и руководящим маяком для тех, кто хочет честно мыслить и честно жить.

Примечание: СПБ цензурный комитет в заседании 5 января 1872 г. определил статью — «по тенденциозности содержания к печатанию не дозволять.

Предписание председателя СПБ цензурного комитета старшему инспектору типографий, 27 мая 1875 г., № 551 [1].

В СПБ цензурный комитет представлен 21 сего мая, отпечатанный без предварительной цензуры в типографии Безобразова и К°, том IV «Сочинений Н. А. Добролюбова».

26 же сего мая издатель книги, книгопродавец Надеин обратился в комитет с прошением, в коем, излагая, что он желает сделать в томе сем изменения, просил возвратить ему экземпляр книги обратно [2]; причем типография возвратила в комитет данную секретарем расписку в получении экземпляров.

Сего 27 мая означенный том представлен в исправленном виде, а именно издателем исключены стр. 49—59.

Сообщая об изложенном вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить приказать наблюсти, чтобы и остальные экземпляры означенной книги не были выпущены в свет прежде, нежели упомянутые страницы будут из них исключены.

Председатель [подпись].

Из журнала заседания СПБ цензурного комитета, 5 августа 1887 г. [3]

Доклад цензора Коссовича о рукописи, под заглавием «Чего не надо делать» (Критика ответа Добролюбова на вопрос «Что надо делать» (А. Мичурина).

В труде этом излагаются основы социальных воззрений покойного публициста. Вполне соглашаясь в принципе с политическими идеями Добролюбова, автор сожалеет об одном, что практическое применение их последовало преждевременно. Добролюбов будто бы проглядел, что для действия время еще не наступило, что народ в его время вовсе не был подготовлен для восприятия новых идей. Воспитанный на византийских началах, он недоверчиво взглянул на братски протянутую

[1] СПБ ценз. комитет, д. № 56, 1876 г., л. 5.
[2] Об этом см. ниже, стр. 162.
[3] СПБ ценз. комитет, д. № 13, 1887 г., л. 46.

ему руку интеллигенции и с презрением оттолкнул ее. Между народом и интеллигенцией, по понятиям автора, до сих пор лежит бездна. Прежде надо постараться заполнить эту бездну книгами и школами, на что потребуются еще десятки лет.

По мнению автора рукописи, преждевременное агитаторство Добролюбова принесло России неисчислимые бедствия. Оно отодвинуло коренное преобразование общественного строя на лишние десятки лет. Наступила тогда, пишет автор, героическая эпоха русской истории. Но день не пришел, и только еще пущий мрак разлился по всей земле. Появились сильные слова, но заявленные прямо простому человеку, без предварительного расширения его знаний, они только огорошили его и казались ему идущими от непосредственных врагов его. Интеллигенция пустилась затем на другой путь, путь громких фактов, долженствующих, по их убеждению, разбудить народное сознание. Однако и это совсем не привело к тому, чего они хотели. Народ понял эти громкие факты по-своему: он приписал самое совершение их своим врагам крепостникам, хотевшим, по всеобщему убеждению народа, с помощью этих фактов возвратить свою власть над бывшими крепостными своими. Действительным же следствием этих громких фактов была еще пущая реакция, еще пущее стеснение свободы слова и мысли. Ясно, что Добролюбов ошибся. Теперь нет еще условий, пишет далее автор, для появления дня, теперь еще слишком рано (социологические часы показывают для России только еще глухую полночь). По мнению автора, ошибочное движение 70-х годов повело к гибельным следствиям: заторможены были такие реформы, о которых и мечтать-то теперь перестали; лучшие из интеллигенции из'яты из обращения, выброшены за борт общественной жизни, вместо того, чтобы остаться среди народа и заправлять общественной жизнью. Погибли честные и хорошие, место их заняли бездарные и склонные мириться со злом. Свое исследование автор заключает следующей аллегорией. Все в природе растет и развивается постепенно. И мы в младенчестве не нуждаемся в зубах, ему сперва нужно одно молоко для первоначального воспитания. А когда понадобится, явятся и зубы, и когти.

Таким образом автор рукописи признает в сущности необходимость коренного преобразования общественного строя в России, но ввиду печального опыта последователей Добролюбова, находит необходимым отложить осуществление его до тех пор, пока либеральные идеи не проникнут в народные массы. Находя самый метод изложения теорий Добролюбова в наглядной и общедоступной форме крайне вредным, а выводы, делаемые автором рукописи из этих теорий,— преступно дерзкими, цензор полагает необходимым представить рукопись к безусловному запрещению.

Цензор Коссович.

Определено: Рукопись по вредному направлению, согласно мнению цензора, к напечатанию не дозволять.

Представление московского цензурного комитета в главное управление по делам печати, 24 марта 1890 г., № 541 [1].

Рассмотрев представленную 21 сего марта в Московский цензурный комитет из типографии Рихтера бесцензурную книгу «Материалы для

[1] Канцелярия главного управления по делам печати, III отд., д. № 8, 1890 г., л. 23.

биографии Н. А. Добролюбова, собранные Н. Г. Чернышевским, т. I, изд. Солдатенкова», цензор Назаревский и и. д. ц. Трескин донесли комитету, что вся книга состоит из переписки Добролюбова с родными, товарищами, вообще не представляющей чего-либо предосудительного с цензурной точки зрения. Как исключения, обращают на себя внимание только некоторые письма: на стр. 313 письмо Добролюбова, касающееся неудовольствий студентов главного педагогического института против бывшего директора И. И. Давыдова; на стр. 323 письмо, свидетельствующее об отрицательных убеждениях, к которым пришел Добролюбов; на стр. 528, 529, 542, 543, 557 письма, касающиеся реакции правительства против либерализма и цензурных стеснений; на 510 письмо, содержащее выражение сочувствия к Огрызко; на 548, 19, 138. 39, 40 письма, касающиеся студенческих волнений; наконец, на 485 письмо, содержащее легкомысленные в религиозном отношении выражения.

Донося об изложенном главному управлению по делам печати, считаю долгом присовокупить, что независимо от содержания книги обращено внимание и на фамилию Чернышевского, стоящую на обложке ее, каковое обозначение, по мнению комитета, противоречит распоряжению, сообщенному в предписании главного управления по делам печати от 19 февраля 1871 года за № 794.

Цензорский экземпляр книги прилагается; срок выхода книги наступит 28 марта; временно она приостановлена.

Председательствующий В. Федоров.

Отношение главного управления по делам печати в московский цензурный комитет, 7 апреля 1890 г., № 1502 [1].

Канцелярия главного управления по делам печати имеет честь возвратить при сем в московский цензурный комитет экземпляр книги, под заглавием «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные Н. Г. Чернышевским, т. I, изд. Солдатенкова», доставленный при представлении комитета от 24 сего марта за № 541, присовокупляя, что о выпуске в свет означенного издания сообщено уже г. председательствующему в московский цензурный комитет.

Член совета [подпись].

Представление СПБ цензурного комитета в главное управление по делам печати, 25 октября 1890 г., № 1543 [2].

В 1885 году разрешен был к печати петербургскою цензурою портрет русского писателя Добролюбова, каковой и отпечатан в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Выпуск же портретов в свет, в январе 1896 года, совпал случайно со временем панихиды на могиле Добролюбова, к которой, как носились тогда слухи, шумно готовились почитатели этого автора.

Имея в виду это обстоятельство, комитет предложил издателю портрета г. Л. Пантелееву ограничиться получением лишь нескольких, необходимых ему, экземпляров портрета,оставив остальные в Экспедиции до более благоприятного для выпуска их в свет времени. На это

[1] Канцелярия главного управления по делам печати. III отд., д. № 8, 1890 г., л. 27.

[2] Там же, д. № 7, 1890 г., л. 44.

издатель изъявил полное согласие, портретов не брал, и они хранятся до сего времени в мастерской Экспедиции.

Ныне г. Пантелеев просит комитет сделать распоряжение о выдаче ему 300 экземпляров портрета Добролюбова из Экспедиции.

С.-Петербургский цензурный комитет, хотя и полагает в настоящее время возможным удовлетворить просьбу г. Пантелеева, принимая во внимание, что портрет отпечатан с разрешения цензуры и что издатель беспрекословно исполнил предложение о невыпуске до времени портрета в свет, но в виду особенных обстоятельств, послуживших причиною приостановления выпуска экземпляров, на удовлетворение ходатайства этого испрашивает указания главного управления по делам печати.

Председательствующий, член совета главного управления по делам печати Кожухов.

Отношение главного управления по делам печати в СПБ цензурный комитет, 26 октября 1890 г., № 4444 [1].

Вследствие представления за № 1543 главное управление по делам печати сообщает СПБ цензурному комитету, что отпечатанный, с разрешения его в Экспедиции заготовления государственных бумаг, портрет писателя Добролюбова (в количестве 320 экземпляров) может быть выпущен в свет.

Начальник главного управления по делам печати Феоктистов.

Представление СПБ цензурного комитета в главное управление по делам печати, 1 июля 1896 г., № 1387 [2].

28 минувшего июня представлен в комитет IV том сочинений Н. А. Добролюбова (издание пятое, О. Н. Поповой), в котором, между прочим, помещен «Манифест Роберта Овэна, основателя системы разумного общества» (стр. 50—62).

Из дел комитета видно, что в 1876 г., при третьем издании сочинений Добролюбова, издателю Надеину было предложено (по личному распоряжению бывшего председательствующего в комитете тайного советника Кожухова) манифест Овэна исключить, что и было исполнено. Наконец в 1885 году, при четвертом издании сочинений Добролюбова, манифест этот исключен самим издателем Л. Ф. Пантелеевым.

В настоящее время манифест Овэна не может произвести вредного влияния, как значительно устаревшее ныне учение Овена, достаточно известное читающей публике, и следовательно он мог бы ныне явиться в настоящем издании, но ввиду указанных прецедентов С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь представить настоящий случай на усмотрение главного управления по делам печати.

Экземпляр книги при сем прилагается.

Срок выхода в свет наступит 5 июля.

И. д. председателя, цензор Коссович.

Резолюция начальника главного управления по делам печати: «Согласен с мнением д. ст. с. Косовича. М. Соловьев. 3 июля 1896 г.».

---

[1] Канцелярия главного управления по делам печати, III отд., д. № 9, 1890 г., л. 47.

[2] Там же, д. № 8, 1896 г., л. 44.

III. Демонстрация на Волковом кладбище в день 25-летия со дня смерти Н. А. Добролюбова

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 17 ноября 1886 г.[1]

Получено мною сведение, что сего числа, в час дня, предполагается общестуденческая панихида на могиле Добролюбова (на Волковом кладбище), по случаю 25-летия со дня кончины его. По сведениям соберется до 1 000 человек, причем собирающиеся предполагают, после панихиды, произвести демонстрацию.

О чем имею честь доложить вашему превосходительству.

Подполковник Секеринский.

Доклад министра внутренних дел гр. Д. Толстого Александру III, 17 ноября 1886 г.[2].

Сегодня утром, по случаю 25-летия годовщины смерти известного писателя Добролюбова, толпа учащейся молодежи мужчин и женщин в числе до 800 человек собрались около часу дня на Волковом кладбище, с целью отслужить панихиду и возложить на могилу венки.

Имея в виду вредное направление литературной деятельности Добролюбова, я сделал распоряжение о воспрещении служения панихиды, предпринятой с очевидной целью произвести демонстрацию, вследствие чего собравшейся толпе было предложено разойтись, причем однако градоначальник, желая побудить собравшихся к скорейшему исполнению этого требования, признал возможным допустить двадцать человек к возложению на могилу Добролюбова принесенных десяти венков.

Несмотря однако же на это, толпа сначала отказывалась подчиниться требованиям полиции, а затем заявила, что пойдут все в Казанский собор служить панихиду.

Для воспрепятствования такого шествия по людным улицам столицы. были вызваны казаки, которые, при содействии полиции, остановили сборище на Лиговке около Кузнечного переулка, и затем собравшиеся, по увещанию градоначальника, мало-по-малу разошлись.

При этом никаких столкновений с полицией не произошло, а лица, которые имели вид руководителей, замечены, и будут привлечены к ответственности.

Об изложенном долгом считаю всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству.

Гр. Д. Толстой[3].

Доклад петербургского градоначальника товарищу министра внутренних дел П. Дурново, 17 ноября 1886 г., № 11499[4].

Сего числа по случаю 25-летней годовщины со дня смерти литератора Добролюбова к воротам Волкова кладбища стали собираться учащиеся молодые люди, причем те из них, которые явились ранее 11 часов утра, успели было проникнуть за ограду, но с прибытием полицейского наряда они были оттуда удалены, а затем выходные кладбищен-

[1] ЦАР, Д. П., о. о., III, 1886 г., д. № 659, л. 1.
[2] Там же, л. 2.
[3] Там же, лл. 6–9.
[4] Толстой Д. А. (1823—1889 гг.). С 1866 по 1880 г. министр народного просвещения, при нем было усилено преподавание латинского и греческого языков. С 1882 г. мин. внутр. дел и шеф жандармов по день смерти. Им введены временные правила 1882 г., ограничившие свободу печати.

ские ворота были заперты, и таким образом молодежь уже не могла попасть на самое кладбище.

Около часа дня публики собралось до 500 человек, которые и стали требовать о впуске их на кладбище и о дозволении отслужить на могиле Добролюбова панихиду или литию.

Так как толпа все прибывала, и шум увеличивался, то для прекращения беспорядка явился полицеймейстер 3 отделения полковник Бирон, который и стал уговаривать собравшихся разойтись, но в это время выделилось шесть человек депутатов, кои и обратились к полковнику Бирону с просьбой допустить их возложить на могилу Добролюбова венки, а один из них, а именно студент университета Алексей Дмитриев Павловский вызвался ехать с полковником Бироном для переговоров со мной по телефону.

Когда возвратившимся полицеймейстером было об'явлено, что панихида и лития на могиле мной не разрешены, то молодежь от Расстанной улицы стала все сильнее и сильнее напирать на ворота кладбища, так что потребовалось всех бывших в наряде нижних полицейских чинов выстроить перед оградой, которым и пришлось удерживать дальнейший натиск толпы.

Молодежь, видя, что ей не удалось произвести демонстрацию на самой могиле Добролюбова, стала просить дозволить депутатам от разных учебных заведений возложить имевшиеся у них венки на могилу, что для успокоения и было им дозволено и впущено на кладбище до 15 человек.

Депутаты эти, положив венки на могилу, остановились с внутренней стороны кладбищенской ограды и на требование полиции не хотели оттуда выходить, оправдываясь тем, что они ждут одного запоздавшего депутата от С.-Петербургской духовной академии.

В ожидании этого последнего лица, находящиеся на улице перед кладбищенскими воротами, стали петь «вечную память» и «со святыми упокой».

По окончании пения этой частью собравшихся начинали петь то же самое молодые люди, находившиеся за оградой.

Затем, когда полицией было предложено прекратить пение и разойтись, то один из присутствующих студентов Военно-медицинской академии, поднятый на руках товарищами, обратился к толпе с речью, в коей заявил, что в виду того, что полиция запрещает им почтить память усопшего писателя и таким образом им не удастся исполнить задуманное, он предлагает им разойтись.

Речь эта не понравилась большинству публики, и оратора стали бранить заступником полиции.

Тем не менее после сего толпа тронулась от ворот кладбища по Расстанной улице, высказывая намерение отслужить панихиду в Казанском соборе.

С Расстанной улицы, упирающейся в передний фасад кладбища, толпа повернула на Лиговку, где и шла во всю ширину оной.

У Ново-Ямского моста толпа была встречена мной, и я предложил всем присутствовавшим разойтись, но так как приказание это не было исполнено немедленно, то молодежь при дальнейшем ее следовании по Лиговке, у здания Человеколюбивого общества, была встречена, вызванными, по моему распоряжению казаками.

На этом последнем месте вся толпа, состоящая приблизительно из 800 человек, в числе коих было до 150 женщин, разделена была мной на четыре группы, из коих я и выпускал лично, с обязательством итти домой, человек по 10—15.

Когда при окончании роспуска молодежи осталось их не более 70 человек, то эти последние стали просить арестовать их, думая, что прежде выпущенные не освобождены, а отправлены по полицейским участкам; спустя же некоторое время часть оставшихся стала просить выпустить их, что и было исполнено, а остальные, в числе 39 человек, по моему распоряжению, были переписаны, причем восемь человек из последних были задержаны и отправлены к их учебному начальству.

Участвовавшая в демонстрации молодежь преимущественно состояла из студентов высших учебных заведений и слушательниц высших женских курсов и акушерских заведений, причем более резкими выходками отличались женщины.

Молодежь, идя по улицам, никаких бесчинств и беспорядков не производила.

На могилу литератора Добролюбова возложено венков до 20, из коих три имели ленты с следующими надписями: «Н. А. Добролюбову — студенты С.-Петербургской духовной академии»; «Русское студенчество — благородному борцу против «темного царства» и «Студенты-поляки — поборнику прогресса».

Докладывая о вышеизложенном вашему превосходительству, считаю долгом присовокупить, что по удалении молодежи от ворот Волкова кладбища, некоторые из них, оставшись там, были встречены околоточным надзирателем Калининым и на предложение последнего уходить, заявили, что хотя администрация и помешала им отслужить панихиду и литию на могиле Добролюбова, но они решили все-таки желание свое привести в исполнение или завтра или как-нибудь на днях, и если и тогда им не удастся это, то они устроят демонстрацию, а потому мной, во избежание на будущее время беспорядков на Волковом кладбище, учреждены наблюдательные посты, как от чинов наружной полиции, так и от охранного отделения.

Генерал-лейтенант Грессер.

Донесение цензора С.-Петербургского почтамта товарищу министра внутренних дел П. Дурново, 23 ноября 1886 г., № 433 [1]

М. г. Петр Николаевич.

Имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству найденные сегодня на почте 85 кувертов с прокламацией под заглавием «17 ноября в Петербурге».

Примите, м. г., уверение в отличном моем почтении и преданности.

К. Вейсман.

Донесение цензора С.-Петербургского почтамта товарищу министра внутренних дел П. Дурново, 24 ноября 1886 г., № 440 [2]

М. г. Петр Николаевич

Имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству вновь задержанные сегодня на почте 29 кувертов с прокламацией под заглавием «17 ноября в Петербурге» [3].

Примите, м. г., уверение в отличном моем почтении и преданности.

К. Вейсман.

---

[1] ЦАР, Д. П., о. о., III., 1886 г., д. № 659, л. 43.

[2] Там же, л. 4.

[3] В то же время в департамент полиции поступил ряд сообщений из разных городов о получении экземпляров этой гектографированной прокламации, а именно: 1) из Костромы, куда прокламация была направлена на имя город-

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 24 ноября 1886 г.[1]

Дознано мной агентурным путем, что среди участников в демонстрации 17 сего ноября на Волковом кладбище господствует сильное возбуждение вследствие неудавшейся с их стороны попытки произвести предполагавшуюся демонстрацию. 18 ноября по этому поводу происходила сходка студентов, на которой было решено издать прокламации двух родов: «к студенчеству» и «к русскому обществу»; из них первого рода прокламации предположено распространять среди знакомых и товарищей, а вторые — опускать в ящики, устроенные во входных дверях частных квартир[2].

Докладывая о вышеизложенном вашему превосходительству, имею честь присовокупить, что к выяснению личностей, которые примут участие в составлении и распространении означенных прокламаций, место распространения таковых, в случае их появления и, наконец, место, в котором происходила означенная сходка и лиц, участвовавших в ней, мной приняты меры.

Подполковник Секеринский.

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 24 ноября 1886 г.[1]

Имею честь донести вашему превосходительству, что в силу состоявшегося распоряжения 28 лиц,— участников демонстрации 17 сего ноября,— высланы на места родины, причем высылка производилась постепенно с 21 по 23 сего ноября.

К сему имею честь доложить, что высланные лица по полу, вероисповеданию и занятиям разделяются следующим образом:

I. Мужчин	10	II. Женщин	18
из них:		из них:	
Студентов СПБ университета	6	Слушательниц высших женских курсов	13
» Технологич. ин-та .	2	Слушательниц разных специальных женских курсов . . .	5
» Лесного института	1		
Кандидат прав	1		
В том числе:		В том числе:	
Православных	6	Православных	15
Католиков	1	Католичек	1
Иудейского исповедания . . .	3	Иудейского исповедания . . .	2

Подполковник Секеринский.

ского головы (там же, л. 64); 2) из Новгорода — на имя городского головы В. Евдокимова (л. 57); 3) из СПБ на имя управляющего мин. юстиции сенатора Манасеина (л. 46); 4) из Владимира — на имя городского головы (л. 65); 5) из Воронежа — от городского головы (л. 66); 6) из Калуги — на имя председателя губ. зем. управы Мещеринова (л. 73); 7) из Екатеринослава — на имя губ., вице-губ. и других лиц, относительно адресов которых письмоносцы отозвались запамятованием (л. 74); 8) из Вятки — на имя городского головы (л. 77); 9) из Курска — на имя председателя губ. зем. управы Н. Полянского; 10) из Орла — на имя городского головы 80-летнего старика Колобухова, который по отзыву местной полиции «в политической благонадежности вполне одобряется»; 11) из Казани на имя городского головы Лебедева.

[1] ЦАР, Д. П., о. о., III, 1886 г., д. № 659, л. 47.

[2] По поводу рассматриваемых событий была выпущена прокламация, озаглавленная «17 ноября в Петербурге», начинавшаяся словами: «17 ноября 86 г. исполнилась 25-летняя годовщина смерти Добролюбова. Русскому обществу понятно значение Добролюбова. Темное царство, с которым он боролся, не потеряло своей силы и живучести до настоящего времени».

Прокламация была написана и гектографирована Александром Ильичом Ульяновым. Текст ее напечатан в сборнике, составленном А. И. Ульяновой-Елизаровой «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», Гиз, 1927 г.

[3] ЦАР, Д. П. о. о., III, 1886 г., д. № 659, л. 56.

Донесение С.-Петербургского градоначальника товарищу министра внутренних дел П. Дурново, 17 ноября 1886 г., № 11500 [1]

Сего числа учащаяся молодежь обоего пола высших учебных заведений столицы намерена была произвести, под предлогом чествования 25-летней годовщины смерти литератора Добролюбова, демонстрацию на Волковом кладбище, подробности о которой мной доложены вашему превосходительству в особой записке.

Принимая во внимание, что подобные чествования могут представляться весьма часто и действующими на оных лицами является преимущественно учащаяся молодежь, было бы желательно принять меры к воспрепятствованию молодежи этой фигурировать в подобных демонстрациях.

Докладывая о сем вашему превосходительству, имею честь признать возможным войти в сношение с подлежащими министерствами, в ведении коих состоят высшие учебные заведения, о том, чтобы начальствами этих заведений было бы об'явлено учащимся в оных, что последние без особого на то разрешения своего ближайшего начальства ни в каком случае не имеют права участвовать в чествованиях, носящих публичный характер, затем в случае произведения беспорядков начальство должно отвечать за посланных молодых людей, из коих один должен являться старшим в депутации и иметь список своих товарищей-участников.

Генерал-лейтенант Грессер.

Циркулярное письмо министра народного просвещения попечителям учебных округов, 16 декабря 1886 г., № 18015 [2]

17 сего ноября учащаяся молодежь обоего пола высших учебных заведений столицы намерена была произвести, под предлогом чествования 25-летней годовщины смерти известного своим вредным направлением литератора Добролюбова, демонстрацию на Волковом кладбище, которая мерами полиции своевременно была прекращена.

Принимая во внимание, что поводы к подобным чествованиям могут представляться весьма часто и что участие в оных учащейся молодежи представляется крайне нежелательным, я имею честь покорнейше просить ваше... предложить начальствам состоящих в вверенном вашему правлению округе учебных заведений об'явить учащимся, что последние, без особого на то разрешения своего ближайшего начальства, ни в каком случае не имеют права участвовать в чествованиях, носящих публичный характер, и что, в случае нарушения учащимися сего предписания, они будут немедленно увольняемы из учебного заведения.

Министр народного просвещения статс-секретарь И. Делянов [3].

---

[1] ЦАР, Д. П., о. о., III, 1886 г., д. № 659, л. 13.

[2] Там же, л. 79.

[3] Делянов И. Д. (1818—1897 гг.), граф, статс-секретарь, известный реакционный государственный деятель 80-х годов. С 1882 г. министр народного просвещения, при нем введен реакционный университетский устав 1884 г., закрыты Высшие женские курсы, а в 1887 г. издан циркуляр, которым предписывалось не принимать в средние учебные заведения «детей кучеров, лакеев, поваров, мелких лавочников и т. п.», для евреев в средних учебных заведениях была введена процентная норма.

Письмо министра народного просвещения И. Делянова министру внутренних дел гр. Д. А. Толстому, 12 декабря 1886 г., № 374 [1]

М. г. граф Дмитрий Андреевич.

В письме от 22 минувшего ноября за № 2812, ваше сиятельство изволили высказать предположение о воспрещении учащимся, без особого на то разрешения своего ближайшего начальства, принимать участие в чествованиях, носящих публичный характер.

Признав с своей стороны эту меру весьма полезной и сделав соответствующее циркулярное распоряжение, я долгом считаю копию с сего циркуляра препроводить при сем к вашему сиятельству. При этом считаю не излишним присовокупить, что нередко причиной появления учащейся молодежи в чествованиях, носящих публичный характер, бывают газетные статьи, оповещающие о дне таких чествований. В виду сего, не изволите ли вы, м. г., признать полезным сделать распоряжение о предупреждении появления в журнальных и газетных статьях подобных оповещений.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

И. Делянов.

Письмо управляющего министерством юстиции Н. Манасеина министру внутренних дел гр. Д. А. Толстому, 15 декабря 1886 г., № 2375 [2]

М. г. граф Дмитрий Андреевич.

Военный министр письмом от 11 сего декабря за № 905 уведомил меня, что ваше сиятельство, в виду попытки учащейся молодежи произвести 17 минувшего ноября демонстрацию на Волковом кладбище, изволили высказаться о желательности воспрещения воспитанникам военно-учебных заведений участвовать, без разрешения ближайшего начальства, в чествованиях публичного характера. При этом, препровождая проект составленного в означенном смысле приказа, генерал-ад'ютант Ванновский, до приведения его в исполнение, просил меня сообщить, будет ли признано соответственным и с моей стороны издание подобного же циркулярного распоряжения по отношению к учащимся в подведомственных министерству юстиции учебных заведениях.

Вследствие сего и имея в виду, что вопрос, по коему ныне обратился ко мне военный министр, возбужден вашим сиятельством и что в вверенном управлению моему министерстве нет никаких сведений о том, существует ли предположение распространить воспрещение участия в публичных чествованиях на воспитанников всех учебных заведений империи, я предварительно каких-либо с моей стороны распоряжений считаю долгом покорнейше просить ваше сиятельство почтить меня отзывом вашим по вышеизложенному предмету.

Примите, м. г., уверение в глубоком моем к вам уважении и таковой же преданности.

Н. Манасеин [3].

---

[1] ЦАР, Д. П., о. о., III, 1886 г., д. № 659, л. 78.

[2] Там же, лл. 83—84.

[3] Манасеин Н. А. (1835—1895 гг.), реакционер 80-х годов. С 1885 по 1894 г. министр юстиции. При нем проведено несколько мероприятий, направленных против основных начал судебных реформ 1864 г.

Письмо министра внутренних дел гр. Д. Толстого военному министру П. Ванновскому, 22 декабря 1886 г., № 3030[1].

М. г. Петр Семенович.

Вследствие письма от 11 сего декабря за № 902, возвращая у сего проект приказа по военному ведомству относительно воспрещения чинам сего ведомства, а воспитанникам военно-учебных заведений принимать участие, без разрешения своего начальства, в чествованиях, носящих публичный характер, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что я с своей стороны признаю означенную меру вполне целесообразной.

Примите, м. г., уверение и пр.

Граф Д. Толстой.

Отношение директора департамента полиции в главное управление по делам печати, 18 декабря 1886 г., № 3010[2]

М. г. Евгений Михайлович[3].

17 минувшего ноября учащаяся молодежь высших учебных заведений столицы намерена была произвести под предлогом чествования 25-летней годовщины смерти литератора Добролюбова демонстрацию на Волковом кладбище, которая мерами полиции была своевременно прекращена.

В виду того, что поводы к подобным чествованиям могут представляться весьма часто и что участие в оных учащейся молодежи представляется крайне нежелательным, г. министром внутренних дел было предложено министрам, в ведении коих имеются учебные заведения, об'явить учащимся, что последние, без особого на то разрешения своего ближайшего начальства, ни в каком случае не имеют права участвовать в чествованиях, носящих публичный характер.

Вследствие изложенного предложения министр народного просвещения письмом от 12 сего декабря за № 374, сообщая о сделанных им в сем смысле распоряжениях, присовокупил, что нередко причиной участия учащейся молодежи в чествованиях, носящих публичный характер, бывают газетные статьи, оповещающие о дне таких чествований, в виду чего признавалось бы полезным сделать распоряжение о предупреждении в журналах и газетах подобных оповещений.

На означенном письме д. т. сов. Делянова его сиятельство граф Димитрий Андреевич изволил положить следующую резолюцию: «Прошу сообщить главному управлению по делам печати для доклада мне».

Сообщая изложенное вашему превосходительству для распоряжений, покорнейше прошу вас, м. г., принять и пр.

П. Дурново.

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 23 декабря 1886 г.[4]

Имею честь представить при сем вашему превосходительству только что полученный мной агентурным путем, гектографированный отчет так называемого «Общества вспомоществования политическим ссыльным

---

[1] ЦАР, Д. П., о. о., III, 1886 г., д. № 659, л. 87.
[2] Там же, л. 87—88.
[3] Отношение было направлено на имя председателя в главном управлении — Е. М. Феоктистова.
[4] ЦАР, Д. П., о. о., III, д. № 659, л. 91.

и заключенным» № 2, с воззванием к «друзьям» от имени этого преступного сообщества по поводу беспорядков на Волковом кладбище 17 ноября сего года.

К сему имею честь присовокупить, что по тем же агентурным сведениям, отчет и воззвание это распространяется среди учащейся молодежи и что меры к выяснению составителей и распространителей этого воззвания мной приняты.

Подполковник Секеринский.

Воззвание общества вспомоществования политическим ссыльным и заключенным, 1886 г.[1]

Друзья!

Не пора ли вновь начать громко протестовать против правительственного произвола! У всех вероятно еще в памяти происшествие на Волковом кладбище, у могилы Добролюбова. Высшие полицейские (вроде гг. Толстовых, Плеве, Оржевских и т. п. негодяев) приняли все это за какую-то анти-правительственную демонстрацию. Начались аресты и почему-то особенно брали учащихся женщин. Все арестованные немедленно высланы. За что пострадали наши товарищи и особенно учащиеся женщины?! Неужели многочисленная учащаяся молодежь в Петербурге не найдет удобного пути расплатиться за несчастных женщин и товарищей и покончить с этими пошлыми и дерзкими людьми.

О. В. П. С. и З.

Донесение петербургского градоначальника в департамент полиции, 6 апреля 1887 г., № 3248[2]

Возвращая при сем 43 пакета, присланные при отношении от 25 ноября минувшего года за № 2832, имею честь уведомить департамент полиции, что из числа составителей гектографированных воззваний по поводу беспорядков, бывших на Волковом кладбище 17 ноября минувшего года, кои рассылались в означенных конвертах, по полученным в настоящее время сведениям, известны бывшие студенты С.-Петербургского университета, осужденные 19 сего апреля: Александр Ильин Ульянов и Петр Шевырев, а распространители таковых воззваний были следующие лица, студенты того же университета: Петр Гаркун, Михаил Канчер, Семен и Арсений Илларионовы Хлебниковы, Орест Макаров Говорухин, Николай Гудевич, студенты Горного Института: Дмитрий Голубятников и Николай Погребов и акушерка Ревекка Шмидова.

Генерал-лейтенант Грессер.

IV. К 40-летию со дня смерти Н. А. Добролюбова

Донесение начальника Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции от 12 декабря 1901 г., № 3176[3]

9 сего декабря, посредством пересылки по городской почте, в Нижнем Новгороде были распространены гектографированные воззвания, оза-

[1] ЦАР, фонд печатных изданий, инв. № 11072. Первая часть этой листовки, где приведен денежный «отчет № 7» названного общества, здесь опускается.
[2] ЦАР, Д. П., о. о., III, 1886 г., д. № 659, л. 110.
[3] ДП., о. о., 1908 г., д. № 5, ч. 4, лит. А., л. 44.

главленные: «Открытое письмо к Нижегородскому обществу» [1] и «К народу» (Листок второй).

Представляя при сем по одному экземпляру означенных воззваний, имею честь доложить департаменту полиции, что к розыску распространителей и авторов этих воззваний приняты агентурные меры.

Генерал-майор Шеманин.

Прокламация Нижегородской социал-демократической организации, от 7 декабря 1901 г. [2].

Летучий листок № 2.

«Милый друг, я умираю
Оттого, что был я честен,
Но зато родному краю,
Верно, буду я известен».

Так написал Добролюбов перед смертью. Но Добролюбов ошибся. Правительство наше принимало все силы, чтобы он не был известен родному краю. Оно запретило выдачу его в библиотеках, запретило писать о его взглядах и деятельности. Оно строго преследует чтение его учащейся молодежью. 17 ноября исполнилось 40 л. со дня смерти Добролюбова. Правительство нигде не позволило публичных чествований писателя. Нигде не слышно о нем, появилось только несколько статей. Правительство боится, что широкое знакомство с сочинениями Добролюбова слишком не выгодно для рассчитанной на народную темноту правительственной деятельности.

Писал Добролюбов о многом и писал горячо и просто. Его деятельность относилась к тому времени, когда правительство, прижатое крымским погромом и крестьянскими волнениями, обещало освобождение крестьян и другие реформы. Как всегда, заговорило оно об отеческой заботливости, о равном ко всем отношении, о мирном, свободном труде. Как всегда, ему поддакивали близорукие публицисты; они, как и многие другие, представители образованного общества, чувствовали негодность крепостного строя и чувствовали свою обязанность работать над его уничтожением. Но у них не было для того ни силы, ни смелости. Обещания правительства облегчили их совесть и они вместо дела занялись восхвалением правительственной заботливости и надеждами, что теперь все будет хорошо. Но Добролюбов не обманывался ни общим настроением, ни обещаниями правительства; он указал, что расширение народных прав дает правительство всегда только под давлением снизу и что не на правительство надо смотреть, а на то, под давлением чего оно действует. В каждой статье напоминал он, что ликовать рано, что

---

[1] Воззвание «Открытое письмо к нижегородскому обществу» о волнениях в Техническом училище имеется в том же деле, л. 52.

[2] ЦАР, печатные издания, инв. № 10959.

В заявлении Нижегородской социал-демократической организации, распространенном в феврале 1903 г., говорится: «Недавно исполнился год со дня возникновения в Н. Н. особой революционной группы, действовавшей под названием «Соц.-дем. орг.». 1 декабря прошлого 1901 г. вышел первый ее «Летучий Листок» — «К обществу» о беспорядках в здешнем техн. училище... С 1 декабря и до начала июня 1902 г. было выпущено 56 отдельных летучих листков, каждый листок выходил в количестве от 200—400 экз.; некоторые листки потребовали повторения издания (Листок «К народу» был перепечатан 6 раз)». Нижегородская социал-демократическая организация состояла из учащейся молодежи, в ней активное участие принимал Я. М. Свердлов и был близок А. М. Горький (Пешков). В июне 1902 г. группа слилась с Нижегородским комитетом.

еще ровно ничего не сделано. К борьбе призывал он, к борьбе с бесправием и произволом, к борьбе с самодурством и приниженностью личности. Воспитанные на даровом труде и чиновничьих окладах говорили о жалости к народу, об опеке над ним, о его неспособности к свободной жизни. Добролюбов резко возражает против этих крепостных предрассудков. Горячей любовью к народу и верой в его силы проникнуты его возражения, его защита прав народа на человеческое достоинство и равенство с представителями господствующих классов. Человеческое достоинство и любовь личности, вера в любовь и счастье и святость честного труда должны быть по Добролюбову девизом каждого в частной жизни. С ненавистью и отвращением говорил он о развитии самодурства в семье, обществе, о его экономическом и нравственном гнете, о его старании забить всякое стремление к свету, к знанию, всякое проявление самодеятельности, о его надругательстве над любовью. Сочувствием к угнетенным и забитым жертвам самодурства дышит каждая его строка. Картина этих отношений — «темное царство» — лучшие его статьи.

И с какой прямотой, с какой верой писались Добролюбовым эти строки. Он всего себя положил на борьбу за народное дело. Он сгорел за работой. 4 года писал он и на 5 скоротечная чахотка свела его в могилу. Целое поколение, поколение 70-х и начала 80-х годов, поколение славной революционной эпохи воспитывалось на его идеях, и первые борцы за народ, за его права и свободу своей кровью положили начало революционной борьбе. Они не достигли победы, их было немного, надежда на народную поддержку обманула их.

Наше время — время новой борьбы и борьбы широкой, народной. Рабочий народ начал понимать свое положение и почувствовал свою силу. Чем сильнее давит правительство, тем ярче разгорается борьба. Будем же помнить Добролюбова. Он первый призывал к борьбе за народ, за его права и свободу, за его экономическое освобождение.

Н. Новгород. 1901 г. 7 дек.

Из дневника Льва Тихомирова*

8 октября. Ровно месяц не записывал ни строки. Время было истощающей каторжной работы...

Между прочим был в СПБ. Необходимо было оградиться от отобрания об'явлений. Пробыл в СПБ от 30 сентября по 5 октября, ровно 6 дней за которые видел: 1) В. Н. Коковцова, 2) Макарова, 3) Щегловитова, 4) Саблера, 5) Сухомлинова, 6) Григоровича, 7) Роговича, 8) Плеве, 9) Харузина, 10) Гурлянда, 11) гр. Кутузова, 12) Лысогорского (пом. градонач.), 13) Зайончковского, 14) Кнолля, 15) Бельгарда, 16) курского Гильхена, 17) Богдановича, 18) сенатора Дедюлина, 19) Палеолога, 20) Замысловского, 21) Влад. Бобринского, 22) Тихменева, 23) кучу бывших сослуживцев... Кажется, от экспроприаций тимашевских чиновников несколько защитился.

Макаров производит по направлению очень хорошее впечатление. Но вопрос в силе его. Коковцов был уныл. Собственно хорошего трудно ожидать. Вероятно подземная борьба между Коковцовым и Макаровым.

Ко мне как будто все относятся хорошо...

Да,— «хорошо относятся»... только не «правые»... «Русское знамя» буквально бесновалось, ругая меня. Особенно гнусна статья кн. Волконского, недурен и Булатович (Люцилий), которого сотрудничество я отверг. А в собрании главного совета союза русского народа (марковская организация) некто Соколов заявил, что я — опаснейший тайный враг самодержавия...

Прямо куча какой-то сволочи, которых можно принять за преднамеренных врагов этой же монархии и вообще русского дела.

23 ноября. Среда. Дела мои вообще скверны. Собирался ехать в СПБ, захворал; то зубы, то кишки...

Все прочее тоже неказисто. Против меня ведется прямо остервенелая кампания самой разнородной партийности, особенно твердят, что я будто бы цареубийца (это 1 марта 1881 г.!), и вообще негодяй, и набиваю себе карманы (это от моего собственного-то предприятия!), и что нужно у меня отнять казенные об'явления. Тут соединение всех мотивов. Мне передавали, что кн. Волконский, особенно ругающий меня в «Русском знамени», имеет целью выжить меня из «Московских ведомостей» и получить аренду себе. Несомненно тоже, что октябристы испугались призрака моего политического влияния. Затем — куча простой пищущей твари злятся, что я не принимаю их сотрудничество... Но вся эта разнородная компания одинаково грызет меня. Конечно, кампания идет и не в одних газетах, а и в кабинетах...

Теперь в Москве идет с'езд русского народа... И тот же Дубровин обратился ко мне с любезным письмом, приглашал почтить с'езд присутствием,— и напечатать об'явления...— Это редактор «Русского знамени»! Ну я — повел себя обычно: напечатал их об'явления, послал на

---

* См. «Красный архив» № 72, 73 и 74.

с'езд корреспондента, печатаю о с'езде... Сам впрочем не был. Но Дубровин навестил меня и просидел часа два с хвостом... Извиняется в мерзостях своей газеты. Ничего, дескать, не могу поделать. У них — господин всего не он, а Полубояринова, которая дает деньги. А она — женщина, понятно, не высокого развития и властолюбивая. Волконский имеет на нее огромное влияние. Вот положение «вождя»!

Об'яснялись много. Обещал изменить отношение своей газеты[1].

За это же время в СПБ произошел мордобой Бориса Никольского с Марковым — в русском собрании. Подкладка та, что Никольский хотел помочь Дубровину низвергнуть главный совет союза русского народа. У них разделение такое: председатель союза — Дубровин, и в том же союзе главный совет, захваченный его врагами, в том числе соломенные чучела — Эммануил Коновницин — председатель совета, и действительный глава — Марков. Дубровин хочет низвергнуть совет; совет хочет низвергнуть Дубровина. Начальство платит деньги совету...

И вот Б. Никольский завел речь о «темных деньгах», за что обиделись Коновницин и Пуришкевич и напустили Маркова. Произошел мордобой.

Здесь, на с'езде, низвержение совета тоже, кажется, не выгорает.

Но с'езд пока идет гладко, и если Дубровин сумеет его провести без скандалов и разрыва, то это очень аттестует его свыше. Теперь боятся революции и выборов, и если Дубровин произведет впечатление какой-то силы союза, то конечно получит свыше доверие. А отсюда — пойдет конечно и воздействие на главный совет...

Одним словом — политика!

За то Восторгов — терпит гонение. Не разберешь даже — где против него мины и влияния, но он считается падающим. Айвазов уже изменил ему, явился сегодня на союз русского народа, и в речи своей ругал Восторгова... Это были два неразрывные друга — Восторгов и Айвазов, а Дубровин — их величайший враг. И вот полное превращение!

Противно все это...

Ну, а у меня все швах. Подписка — идет мерзко.

Были у меня кое-кто со с'езда: Ясинский, Старицкий, Вердеревский, это все умеренные элементы, плохие «черносотенцы»... все мало-мальски порядочные подавлены сволочью, и нет исхода, не видать ему даже и начала. Пожалуй, разве революция сметет все это...

27 ноября. Воскресенье. Билеты взяты. Завтра собираемся с Надей в Петербург. Как и всегда — еду с крайней неохотой. Шляйся по городу, с утра до ночи... А что толку? Обыкновенно я еду туда все-таки с лучшим настроением. Кажется, будто русская жизнь дает какие-то просветы. А походишь по Петербургу, и такая безнадежность охватывает, такая тоска берет, что не знаешь, как и дождаться обратного поезда в Москву.

Теперь же — у меня даже и тут тоска. Что же будет в Петербурге? Собственно говоря, все эти разные деятели, бьющие друг друга по морде,— вовсе не плохие люди; не говорю уже о министрах, которые конечно выше всех их... Но все они ниже того, чего бы требовала Россия для того, чтобы воспрянуть к жизни, достойной нашего прошлого, так неумолимо разрушаемого.

А на месте этих руин — что вырастает? Жалчайшая банальная конституция, разводящая гниль, грязь и гадость сверху и снизу. Тошно, тошнехонько...

---

[1] Понятно — наврал (*примеч. в подлиннике*).

4 декабря. Воскресенье. Возвратился утром из СПБурга. Там оказалось чорт знает что. Коалиция чиновников и либеральных думцев отнимают у меня и частные и знач[ительную] долю казенных об'явлений, даже и не разберешь, суммы, не менее 140 тыс. рублей. Придется бросить издание! Пока борюсь, но двуличие Коковцова и вялость Макарова, да и всеобщее поведение — пожалуй выбросят меня.

Там ничтожество правительства вообще поразительно. Все вспоминают Столыпина... То-то, а прежде ругали!

6 декабря. Печальные дни. Мы не то что накануне гибели, а в сущности уже погибли. По проекту Щегловитова у нас отнимается 110 000 рублей, т. е. почти все казенные об'явления (остается 39 тысяч). По проекту Тимашева отнимается 95 000 р. Итого 205 тысяч. Конец!

Я отбиваюсь. Разослал письма всем кому мог. Но что толку?

Спасти мог бы только государь, не утвердив проекта Щегловитова. Но это — невозможность, сновидение.

Написал в Гос. совет Арх. Николаю, Дурново, Ширинскому. Авось не задержат ли хоть возражениями.

Но вряд ли. А мне нужно не отрезать себе отступления, и я уже послал министру и Главному управлению, что с момента утверждения — отказываюсь от аренды.

Послал телеграмму даже государю, прося его, по утверждении, приказать хоть не обижать меня, а отпустить не обобранным... Но это тоже не сулит ничего. Доложат ли ему? С какими комментариями?

Какая-то дьявольски ловкая интрига опутала меня. Я же — проворонил ее.

21 декабря. Возвратился из СПБ, где пробыл 4 дня (с 17 декабря). Собственно — спасся, кажется, хотя и не надолго. А именно: Коковцов задержит все законопроекты об об'явлениях, что возможно задержать. А законопроект мин. юстиции, прошедший уже и в Гос. совете, нельзя остановить. Посему Коковцов возмещает мне всю теряемую сумму,— на 2 года, т. е. 1912 и 1913 гг. Итак до 1914 г. газета — спасена. Макаров утешает, что к тому времени можно что-нибудь придумать... Уж не знаю. Но во всяком случае теперь два года все равно, что два столетия. За два года, если проживу, можно приготовиться к ликвидации. А может быть можно еще спасти и служащих, найдя хоть части их занятия... Наконец, м. б. через два года никого из нас не будет на свете...

Кстати. Государь передал мою телеграмму Коковцову с надписью: «чем он (т. е. я) провинился?» Значит он счел отнятие об'явлений за репрессию. Как мало он осведомлен о делах.

Коковцов же мне прямо сказал, что, идя на двухлетнее возмещение убытка, он руководствуется тем, что в 1912 и 1913 годах, с их вероятными смутами,— невыгодно подрывать какие-нибудь правые издания.

Сам я — согласен с ним. Конечно, я бы охотно бросил издание теперь, если бы меня к этому принудили. Но, не сделав всех усилий спасти издание, мне было бы совестно сидеть в сторонке во время революционной перепалки.

1912 г.

2 января. Сегодня получил первую ведомость за этот год. Такое страшное падение подписки, какого я не мог себе и представить. Конечно, за первые числа января немного прибавится, но это не уменьшает тяжести разгрома. Вообще газета ежегодно падает.

Вот число подписки 1 января:

	Платные	Бесплатные	Всего
1909 г.[1]	1 508 —	532 —	2040
1910 г.	1 241 —	757 —	1 999[2]
1911 г.	1 165 —	814 —	1 979
1912 г.	1 118 —	859 —	1 977

Бесчестное правительство, затеяв свои законопроекты об отнятии об'явлений, дало мне смертельный удар. На всю Россию газеты раструбили, что «Московские ведомости» уничтожатся, что я уже ухожу — и вот результат...

Щегловитов может похвалиться, что убил «Московские ведомости». А теперь форменно злится на меня, за то что я попрекнул его этим (хотя я очень скоро извинился по бесполезности этих попреков), не ответил на письмо, не прислал даже карточки...

22 января. Сегодня газетам сообщена «покорнейшая просьба» мин. внутр. дел ничего не печатать о Григории Распутине. Какой нестерпимый позор для царской фамилии. Они себя губят. Я даже и в истории не помню такого позора...

28 января. Суббота. Возвратился Нольде, который 23 января уехал в СПБ.

Вот раз'яснение истории Гермогена, по чиновничьей и думской версии. Григорий Распутин добивался свидания с Гермогеном. Тот его не принимал. И вот вышло следующее:

1. По версии частной (повидимому, со слов Родионова). Сидели у Гермогена — Илиодор, братец Митя и Родионов, казак, писатель (автор «Конец православной сказки»). Родионов — почитатель Гермогена. Докладывают, что пришел Распутин. Гермоген сказал, что не может принять. Но Родионов просил принять — «Хочется посмотреть, что за Распутин». Гермоген велел впустить.

Распутин подошел под благославление, и Гермоген, возложив на него руки (на голову), начал его заклинать, чтобы он не предавался во власть плоти, подчиняющей его дух... Распутин попятился к дверям, Митя шел за ним, все уличая его, и Распутин вышел в двери. При этом Родионов все время сидел и смотрел. Илиодер тоже оставался зрителем.

2. По версии, распространившейся сразу в разных концах города и идущей, по предположению, из обер-прокурорских источников, рассказывают иначе. Распутин явился к Вырубовой и будто бы рассказал ей следующее: когда он подошел под благословение к Гермогену, то будто бы Митя... и Илиодор схватили его и начали душить... Но его выручил будто бы Родионов, обнаживший саблю, и Распутин выскочил в дверь.

Митя, говорят, маленького роста, и у него правая рука совсем сухая, а левая парализована наполовину. Рассказ посему — невероятен, ибо во Дворце знают Митю и его неспособность к физическому насилию.

Засим, продолжает эта версия, Вырубова побежала к супруге, а она к самому государю. Рассказ будто бы страшно разгневал его и он будто бы послал Саблеру записку «Убрать Гермогена с лица земли»...

Эти будто бы слова государя повторяют именно в этой формуле, как яко бы подлинной.

Сообразно с этим будто бы и начал немедленно действовать Саблер. Это именно тот рассказ, вследствие которого правая фракция отказалась от намерения сделать запрос в Думе. Первоначально она хотела сделать запрос о ссылке Гермогена.

[1] Это относится к 17 января, ибо раньше не было точной статистики.
[2] Так в подлиннике.

Тогда-то Гучков решил сделать свой запрос.

Вся эта вторая версия полна невероятных подробностей.

Но, повидимому, верно одно: Распутин нарочно набивался на свидание, чтобы иметь возможность что-нибудь наклеветать на Гермогена и Илиодора. Что именно он наклеветал,— это нужно признать неизвестным, но очевидно нечто такое, что разгневало государя против Гермогена и Илиодора. А Саблер может быть и рад был этим воспользоваться для уничтожения Гермогена и Илиодора.

Два страшных факта ясны:

1) сила Распутина при дворе, 2) союзничество Саблера с Распутиным. Ясно и последствие — 3) ужасные рассказы о государыне и государе, способные иметь роковые последствия при распространении в народе.

Над нами тяготеет какой-то страшный рок.

29 января. Тягота на душе ужасная

Что это мне, братцы, тошным тошно,
Все тошным тошно, да грустненько?

Этот подлый Гришка, и его бесовская власть — просто гнетут душу. Мане, Текел, Фарес. Нет нам божией милости.

И что можно придумать? За что стоять, что защищать, когда мерзость запустения водворилась на месте святе?

Бессмысленно положение человека, пытающегося отстаивать наши несчастные «основы». Но уйти? Куда, зачем? Разве есть теперь куда уходить? Разве где бы то ни было можно быть спокойным?..

14 февраля. Московский окр. суд (под предс. кадета Гудим-Левковича) признал сегодня меня виновным в оклеветании этой стервы Окулич, и присудил к 2 месяцам тюрьмы.

18 февраля. Уехал в СПБ, где пробыл 19—23 февраля...

В Петербурге неслыханные пучины распутинского болота... Даже во сне не может привидеться ничего подобного.

27 февраля. У меня все замечательно скверно. Законопроект об об'явлениях пошел уже из Думы. Значит — немного дней, и он будет утвержден. Кредиты Юстиции прекратятся. А у нас ничего не сделано. Как только я уехал — Бельгард опять стал переделывать правила. О совещании ничего не слышно. Можно подумать, что он нарочно делает.

В марте я ничего не получу, а платить — должен. Это чорт знает что.

С процессом — не лучше. Завтра — мотивировка, а секретарь говорит, что раньше 3 марта не сделает протоколов. Как же подавать апелляционную жалобу? Суд повидимому — совсем мерзавцы. Нарочно стараются отнять возможность обжалования. Мой Маттерн — очень неподвижен...

22 марта... Собирался на пасху послать отказ от аренды.

Но вчера получил телеграмму, заставляющую думать, что все еще уладится...

2 апреля... Приближается срок окончательно устраивать новый контракт. Закон мин. юст. утвержден государем (23 марта)... может быть даже опубликован. А наши правила не приняты еще и министрами. Макаров кейфует в Ялте — до 9 апреля. Туда же зачем-то уехал Бельгард. Коковцов со вчерашнего дня в Москве, и куда уедет — неизвестно. Пожалуй туда же — к теплу и свету юга...

8 апреля. Через несколько часов я должен ехать в СПБ — хлопотать об окончании контракта или совсем отказаться от аренды. Закон мин. юстиции вчера опубликован, значит вошел в законную силу...

17 апреля. Три дня назад возвратился из СПБ, ничего не добившись. Тошно и записывать. Все так глупо у нас, так лишено мысли, что не выразить. Теперь Коковцов задерживает, он, который сам же и заявил в декабре, что не хочет допустить, чтобы я оставил издательство!..

Но все это теперь уж неинтересно. Я уехал 14 апреля из СПБ с тем, чтобы возвратиться через три дня и так или иначе покончить: оставаться или уходить. Так об'явил, как было решено.

Но это было три дня назад, а кажется, что это было когда-то очень давно. Все изменилось за три дня. Из-за истории на Ленских приисках — целое революционное движение. В Петербурге забастовки и демонстрации. Сейчас Тихменев говорил по телефону, что бастующих рабочих уже 50 000 человек! Из-за забастовки типографий — некоторые газеты завтра не выйдут (между прочим «Земщина»). Возможно, что начинается новый 1905 год.

В Москве ведется агитация, прокламации. В университете уже пели «вечная память» — убитым ленским рабочим.

Что будет завтра?

Неустойчивое равновесие завершается логически: перекувыркнемся снова. Вот тебе и «умиротворение» и «успокоение»!

21 мая. Говорят, завтра, в воскресенье, назначены демонстрации — но по какому случаю — неизвестно. М. б. Ленская история?

18 мая. Сегодня мною и гр. С. С. Татищевым (новым начальником главн. упр. по делам печати) подписаны дополнительные правила к договору 1909 г.— эта бесконечная канитель — замучавшая меня и состарившая на несколько лет — завершилась.

Теперь — я имею аренду до 1 января 1914 года... Только. Но, вероятно, это, приблизительно, на всю жизнь.

Эта «трагедия казенных об'явлений», как справедливо выразился какой-то хулиган «Русского слова» завершилась тем, что я буду иметь возможность 1½ года кормить человек 150—200, приютившихся около издания. Смысла же общественного издание уже не имеет, ибо какое политическое дело можно начинать на 1½ года? Нелепость!

Сущность договора состоит в том, что убыток от отнятых об'явлений мин. юстиции возмещается полностью прямой субсидией. Но высчитывать убытки страшно сложно, и берет массу сил и времени — и это все для поддержания жизни на 1½ года...

30 августа. Сейчас (около 12 ч. ночи) гремят колокола: это от'езд государя. Кончились торжества...

Одно было темное пятно. На параде (Ходынка) при обходе государем фронта Софийского полка — какой-то рядовой внезапно вышел из фронта и подошел к государю, подавая какое-то прошение. Государь, говорят, был поражен этим и только сказал «Оставьте, оставьте меня»... Но кажется кто-то взял прошение. Это была жалоба на незаконное будто бы привлечение к воинской повинности. Говорят, командиры батальона и роты уже смещены. Рядовой по закону подлежит арестантским ротам...

30 октября. Как глупо проходит время. По два месяца не находишь минуты записать что-нибудь в дневник. И сказать бы — со смыслом уходит время. Но нет: суетишься с утра до ночи — и абсолютно без толку. Ни радости, ни пользы.

А ведь события какие прошли за это время: Балканская война началась и почти кончилась. Думу избрали. Очень вероятно, что теперь начнутся серьезные события уже у нас, из-за обеих причин.

Балканскую войну теперь придется так или иначе ликвидировать державам, в том числе нам. Мы же «не готовы», а потому стараемся чего-нибудь достигнуть тем средством, в отношении которого наименее «готовы», т. е. дипломатической мудростью. Разумеется, опять окажемся в дураках, и вероятно — навеки провалим себя в восточном вопросе. Теперь бы нужно без колебаний брать Константинополь и стать во всю широту за славян и греков. Да где нашим слизнякам!

Ну — Дума, при помощи правительственного искусства — вышла ни в мать, ни в отца, в проезжего молодца. Номинальных «правых» прибыло, но господь их ведает, кто они окажутся. У октябристов провалился Гучков. Но может быть это — к лучшему для него. Может быть и преднамеренно не старался... Дело в том, что разных левых очень достаточно, около 30% состава, да еще и октябристы, пожалуй, хоть частично поддержат. Говорят, план такой: сделать запрос о незакономерности действий правительства на выборах и потребовать ответственности министров. Если не дадут — то всем «независимым» демонстративно сложить полномочия. Рассчитывают, что это выйдет около половины Думы. Тогда Дума станет невозможной, ее придется распустить. Новые выборы — будут «оппозиционные» и тогда власть очутится в руках Думы и революции.

Гучков тогда может явиться спасителем отечества. Весь скандал пройдет без его участия, и он легко явится «честным маклером» — посредником между троном и революцией.

О возможной роли Гучкова — это моя личная догадка. Относительно же запроса и отказа от полномочий — это установленный план, в котором принимают участие и октябристы, по крайней мере калужские. Мне это рассказал Толмачев.

Правительство такое — что с ним все возможно. А пропаганда в войсках и подготовка рабочих все время идет. Все может быть. Конечно, с бестрепетным сердцем и твердой рукой,— все это легко бы было разрушить в зародыше. Но при данном персонале людей вскоре может быть дождемся и своего 1793 года. Ведь у нас революция идет по французскому — масонскому рецепту...

Не даром Столыпина убили. Он хотя и конституционалист, но человек «прусского образца», и по энергии характера не дал бы монарха в обиду. А теперь — людей нет, и вероятно куча прямых предателей. В народе же даже и для Вандеи нет уголка. Не Курская же губерния со своими правыми?

Несчастнейший монарх. Мне его до смерти жалко. Я лично, признаюсь, потерял всякую веру в спасение...

24 декабря. Много происходит разных мелких событий, но некогда даже и отметку сделать. Занят с утра до ночи, и нет мне ни отдыха, ни срока...

Отвратительно идет и подписка на газеты. По нынешний день едва 4/5 прошлогодних. Уходят подписчики. Не гожусь я для них.

В материальном отношении я, в сущности, обеспечен. Но тяжело сознавать свою непригодность, свое расхождение с современниками, если даже считать себя правым, а их ошибающимися.

30 декабря. Вечер. Николай уехал в Царицыно на прогулку на лыжах и только что вернулся, весь день прошлялся. А там, на редакционной половине происходит елка для детей служащих... Все наши там. Слышны песни детей... Кажется, веселятся. А я тут лежу один в кабинете. Устал да не знаю чего. И ничего мне не хочется...

А из-за чего эта истощающая работа? Кому нужна, для чего?

Указатель имен к дневнику Л. Тихомирова *

Адрианов, А. А. (1862—1916), ген.-майор свиты, московский градоначальник (1908—1915).

Айвазов, И. Г. (1872), миссионер, профессор Московской духовной академии.

Акимов, М. Г. (1847—1914), председатель Государственного совета (с 1907 г.).

Александра Федоровна (1872—1918), императрица, жена Николая II.

Алексей, епископ таврический.

Алексей Алексеевич, см. Садовский.

Анастасий, епископ серпуховской, викарий московской епархии.

Антоний (Вадковский, 1846—1912), митрополит петербургский.

Антоний (Храповицкий, 1863), архиепископ волынский член Государственного совета по выборам от черного духовенства (1906—1907).

Арбузов, А. Д. (1859), директор департамента общих дел министерства внутр. дел.

Арсеньев, А. А. (1849), тульский губернский предводитель дворянства, потом член Государственного совета.

Балашев, В. А., московский черносотенный журналист, редактор-издатель газеты «Вестник русского патриота».

Барсов, репортер «Московских ведомостей».

Бартенев, Ю. П. (1866—1908), цензор в Москве, сын издателя «Русского архива», член монархических организаций.

Башмаков, А. А. (1858), чиновник особых поручений при министре внутр. дел, главный редактор «Правительственного вестника».

Бельгард, А. В. (1861), начальник главного управления по делам печати (1905—1912).

Бисмарк, Отто (1815—1898), князь, прусский государственный деятель, канцлер Германской империи.

Блажчук, М. И., чиновник особых поручений при министре внутр. дел.

Бобринский, В. А. (1867), граф, член II, III и IV Государственной думы от Тульской губернии, националист.

Богданович, А. В. (1845—1914), урожд. Бутовская, жена Е. В. Богдановича, автор дневника «Три последних самодержца».

Богданович, Е. В. (1829—1914), ген.-от-инфантерии, член совета министра внутр. дел, издатель патриотических брошюр.

Богров, Д. Г., социал-революционер, бывший секретным сотрудником киевского охранного отделения; убийца П. А. Столыпина.

Бострем, И. Ф., контр-адмирал, товарищ морского министра, потом главный командир Севастопольского порта.

Бочаров, царицынский полицеймейстер.

Брюин-де-Сент-Илер — ошибочно вместо Брюн-де-Сент-Ипполит.

Брюн-де-Сент-Ипполит, В. А. (1871—1918), прокурор Московского окружного суда (1909—1912), потом директор департамента полиции (1914—1915).

Будберг, А. А. (1854—1914), барон, главноуправляющий канцелярией прошений, приносимых на высочайшее имя, член Государственного совета.

Будилович, А. С. (1846—1908), профессор, славист, член совета министра народного просвещения, с 1907 г. редактор «Московских ведомостей».

Бурцев, В. Л. (1862), народоволец, потом эсер, издатель «Былого». В 1917 г. поддерживал авантюру ген. Корнилова. После Октябрьской революции — белый эмигрант.

Варзар, 1) В. Г. (1851), инженер-технолог, статистик, фабричный ревизор, и 2) Ф. Г., старший ревизор департамента гражданской отчетности.

Варнава, иеромонах, «старец» Зосимовой пустыни.

Введенский, А. И. (1861—1913), профессор Московской духовной академии по кафедре философии и логики, сотрудник и секретарь редакции «Московских ведомостей».

Вебер, С. Ф., директор департамента государственного казначейства.

Вердеревский, член черносотенных организаций.

Витте, С. Ю. (1849—1915), граф, бывший председатель совета министров (1905—1906).

Владимир (Богоявленский, 1848—1918), митрополит московский (1898—1912), петербургский (1912—1915) и киевский.

Владимиров, В. В., директор департамента духовных дел иностранных исповеданий.

Вознесенский, А. И., член московского комитета по делам печати.

Волконский, М. Н. (1860), князь, сотрудник «Нового времени» и черносотенных сатирических журналов («Виттова пляска» и др.).

Ворсонов, Л. Н., секретарь редакции «Московских ведомостей».

---

* См. «Красный архив», №№ 72—75.

Воронцов-Дашков, И. И. (1837—1916), граф, генерал-ад'ютант, бывший министр двора (1881—1897), наместник на Кавказе с 1905 года.

Восторгов, И. И. (1866—1918), протоиерей, деятель монархических организаций, председатель союза русского народа в Москве, издатель газеты «Русская земля» и др.

Вырубова, А. А. (1884), урожд. Танеева, ближайший друг царской семьи и Г. Распутина.

Вязигин, А. С. (1867), профессор Харьковского университета, председатель харьковского отдела «Русского собрания», член III Государственной думы, председатель фракции правых.

Герасимов, О. П. (1867—1920), московский педагог, товарищ министра народного просвещения (1905—1908).

Гермоген (Долганев, 1858—1919), епископ саратовский, черносотенец, покровитель иеромонаха Илиодора.

Гершельман, С. К. (1854—1910), ген.-от-инфантерии, командующий войсками Московского военного округа и московский генерал-губернатор (1906—1909), потом командующий войсками Виленского военного округа (1909—1910).

Герье, В. И. (1837—1919), профессор Московского университета, историк, член Государственного совета.

Гильхен, курский монархист.

Голенищев-Кутузов, А. А. (1848—1913), граф, секретарь императрицы Марии Федоровны, обер-гофмейстер, поэт, почетный академик.

Голенищев-Кутузов, П. А. (1845), граф, бывший цензор, публицист.

Головин, И. В. (1856—1916), граф, правитель дел канцелярии главного управления по делам печати.

Гондатти, Н. Л. (1863), приамурский генерал-губернатор с 1911 года.

Горемыкин, И. Л. (1839—1917), председатель совета министров (1906), член Государственного совета, в 1914 г. был вторично председателем совета министров.

Гофштеттер, И. А., публицист, сотрудник реакционных газет, редактор-издатель «Крестьянской газеты».

Грибоедов, сотрудник правительственного «Осведомительного бюро».

Григорович, И. К. (1853), адмирал, товарищ морского министра (1909—1911), морской министр с 1911 года.

Гримгмут, В. А. (1851—1907), деятель монархических организаций, редактор «Московских ведомостей».

Гудим-Левкович, А. П., товарищ председателя московского окружного суда.

Гурлянд, И. Я. (1868), бывший журналист и профессор Демидовского юридического лицея, истории права, с 1907 г. член совета министра внутр. дел, редактор-издатель официозной газеты «Россия».

Гурьев, А. Н., финансист, сотрудник газеты «Россия».

Гучков, А. И. (1862—1936), крупный промышленник, член III Государственной думы, с 1908 г. председатель ее, октябрист, в 1917 г. военный и морской министр временного правительства. Белоэмигрант.

Дедюлин, В. А. (1858—1913), генерал-ад'ютант, с 1906 г. дворцовый комендант.

Дедюлин, Н. А., сенатор.

Джунковский, В. Ф. (1865), флигель-адъютант, московский губернатор (1905—1913), потом товарищ министра внутренних дел, командир отдельного корпуса жандармов.

Диков, И. М., адмирал, генерал-ад'ютант, морской министр, член Государственного совета.

Добрынин Н. П., судебный следователь в Москве.

Доррер, В. Ф., граф, курский губернский предводитель дворянства, крайний монархист, член III Государственной думы от Курской губернии.

Дубровин, А. И. (1875—1922), врач, один из основателей союза русского народа, почетный и действительный председатель его, редактор газеты «Русское знамя», организатор еврейских погромов и политических убийств (убийство Иолоса, Герценштейна и др.).

Дурново, П. Н. (1845—1915), министр внутренних дел (1905—1906), статс-секретарь, сенатор, член Государственного совета, где был председателем правой группы, в 1911 г. за оппозицию Столыпину уволен в заграничный отпуск.

Евлогий (Георгиевский, 1868), епископ люблинский, викарий варшавской епархии, член II и III Государственной думы, известный черносотенец.

Евреинов, П. М. (1875), столоначальник министерства внутр. дел.

Елизавета Маврикиевна (1865—1927), вел. кн., жена Константина Константиновича.

Зайончковский, Н. Ч. (1859—1918), педагог, бывший попечитель Оренбургского учебного округа, с 1906 г. член совета министра внутр. дел.

Замысловский, Г. Г. (1872), чиновник судебного ведомства, потом присяжный поверенный, член III и IV Государственной думы, член союза русского народа.

Зеленый, Н. А (1844), отставной адмирал.

Игнатьева, С. С., графиня, рожд. княжна Мещерская, вдова ген.-адъютанта графа А. П. Игнатьева.

Извольский, А. П. (1856—1923), министр. иностр. дел (1906—1910), посол в Париже (1910—1917).

Извольский, П. П. (1863—1928), обер-прокурор синода (1906—1909), член Государственного совета с 1909 года.

Илиодор Труфанов, иеромонах Почаевской лавры, проповедник-дематог, ярый противник революционного движения в 1908 г., переведен в Царицын, за упорное неисполнение распоряжений синода сослан в Флорищеву пустынь, впоследствии начал борьбу против Распутина, был расстрижен и эмигрировал.

Иннокентий (Беляев, 1862—1913), епископ тамбовский, потом экзарх Грузии.

Исидор, монах Зосимовой пустыни.

Истомин, В. А., отставной дейст. стат. советник, причисленный к московскому комитету по делам печати.

Казанский, Л. И., врач казенных театров.

Карамзин, Н. М. (1766—1826), автор «Истории государства Российского».

Кассо, Л. Ар. (1865—1914), профессор Московского университета, юрист, директор Московского лицея, министр нар. просвещения (1910—1914), получивший известность своими реакционными мероприятиями по высшей и средней школе.

Катенин, А. А. (1849), член совета главного управления по делам печати и председатель петербургского цензурного комитета.

Катков, П. М. (1859), полковник, сын известного реакционного публициста.

Кауфман, П. М. (1857—1926), министр народного просвещения (1906—1908), член Государственного совета.

Келеповский, С. И. (1873), херсонский землевладелец, член II и III Государственной думы, националист.

Киреев, А. А. (1833—1910), ген.-лейтенант, состоящий при вел. кн. Александре Иосифовне, писатель по церковным вопросам.

Кисловский, Л. Л. (1860), московский монархист.

Клочков, С. Н. (1869), помощник вологодского епархиального миссионера, член III Государственной думы от Вологодской губернии, правый.

Кнопль. И. Г., правитель канцелярии П. А. Столыпина.

Коковцов, В. Н. (1853), министр финансов (1906—1914), председатель совета министров (1911—1914). Активный участник борьбы против советской власти. Белоэмигрант.

Колобов, В. И., председатель кавказского цензурного комитета.

Кологривов, член монархических организаций.

Коновницын, А. И. (1855), граф, председатель одесского союза русского народа (1905—1911), организатор погромов.

Коновницын, Э. И. (1850—1915), граф, председатель совета союза русского народа, почетный председатель петербургского отдела союза, организатор черносотенных боевых дружин.

Константин Константинович (1858—1915), вел. кн., начальник военно-учебных заведений, президент Академии наук, поэт (К. Р.).

Коростовец, И. Я., посланник в Пекине.

Красовский Н. Т., московский член союза рубского народа.

Кривошеин, А. В. (1858—1923), товарищ министра финансов (1906—1908), главноуправляющий земледелием и землеустройством (1908—1915), член Государственного совета с 1906 г. Активный участник борьбы с советской властью. Возглавлял правительство Врангеля. Белоэмигрант.

Кривцов, Я. В. (1859), инженер, член III Государственной думы от Курской губернии, правый.

Крупенский, П. Н. (1863), отставной гвардии полковник, крупный бессарабский землевладелец, член II, III и IV Государственной думы от Бессарабии, националист.

Крыжановский, С. Е. (1861), товарищ министра внутр. дел (1906), сенатор (с 1907 г.), государственный секретарь (1911—1917).

Кузнецов, Н. Д., московский присяжный поверенный, писатель по церковным вопросам.

Кузнецов, приказчик, член союза русского народа в Москве.

Кулябко, Н. Н. (1873), подполковник, начальник охранного отделения.

Курлов, П. Г. (1860— 1923), ген.-лейтенант, товарищ министра внутр. дел и командир отдельного корпуса жандармов (1909—1911), после убийства Столыпина в Киеве уволен в отставку.

Кутузов, граф, см. Голенищевы-Кутузовы, графы.

Ладыженский, Н. Н. (1842), чиновник особых поручений при обер-прокуроре синода.

Ламкерт, О. И., член совета гл. упр. по делам печати.

Лаппо, М. Р., цензор центрального комитета цензуры иностранной.

Ледницкий, А. Р. (1866—1935), московский присяжный поверенный, член I Государственной думы от Минской губернии, кадет.

Леонтьев, К. Н. (1831—1891), беллетрист, критик и публицист крайне консервативного направления.

Литвинов-Фалинский, В. П. (1868), инженер-технолог, управляющий отделом промышленности министерства торговли и промышленности (1905—1915).

Лихачев, Н. П. (1862), помощник директора публичной библиотеки в Петербурге, историк.

Лукьянов, С. М. (1855), доктор медицины, профессор Военно-медицинской академии, сенатор, член Государственного совета, обер-прокурор синода.

Лысогорский, В. В. (1866—1924), помощник петербургского градоначальника (1907—1917).

Львов, В. Н. (1872), член III и IV Государственной думы от Самарской губернии, октябрист, в 1917 г. член временного правительства. Эмигрировал за границу, в 1921 г. примкнул к «сменовеховцам».

Львов, Н. Н. (1867), член I, III, IV Государственной думы, прогрессист.

Майков, А. А. (1866), сын известного поэта, один из основателей и член главного совета союза русского народа, организатор черносотенной боевой дружины.

Макарий (Гневушев), архимандрит, настоятель Высокопетровского монастыря в Москве.

Макарий (Невский, 1835), архиепископ тобольский, потом митрополит московский, известный черносотенец, вдохновитель томского погрома в 1905 году.

Макаров, А. А. (1857—1919), товарищ министра внутр. дел (1906—1909), государственный секретарь (1909—1911), потом министр. внутр. дел

Маклаков, В. А. (1870), московский присяжный поверенный, член II, III и IV Государственной думы от Москвы, правый кадет. В 1917 году назначен послом в Париж. В годы гражданской войны — представитель правительств Деникина, Колчака и Юденича в Париже.

Марголин, М. А., назван так ошибочно вместо Морголи.

Мария Павловна (1890), вел. кн., дочь вел. кн. Павла Александровича, с 1908 г. жена принца шведского Вильгельма.

Мария Федоровна (1847—1928), императрица, вдова Александра III.

Марков 2-й, Н. Е. (1866), крупный помещик, член III и IV Государственной думы от Курской губернии, товарищ председателя фракции правых, член главного совета союза русского народа; в 1910 г., разойдясь с Дубровиным, образовал новый союз русского народа. Белоэмигрант.

Матвеев, С. П., корректор «Московских ведомостей».

Матросов, И. С., член московских черносотенных организаций.

Маттерн, Э. Э., московский присяжный поверенный.

Милюков, П. Н., историк и публицист, лидер кадетской партии, основатель и фактический редактор газеты «Речь», член II, III и IV Государственной думы, в 1917 г. член временного правительства. После Октябрьской революции активный участник всех контрреволюционных выступлений на юге России. Белоэмигрант.

Митрофан, епископ пензенский.

Модль, В. Ф. (1871), полковник, помощник московского градоначальника (1908—1915).

Морголи, М. А., секретарь И. Г. Кнолля.

Муромцев, А. В., член совета главного управления по делам печати.

Муромцев С. А. (1850—1910), бывший профессор Московского университета, юрист, присяжный поверенный, председатель I Государственной думы, кадет.

Назаревский, Б. В., педагог, член московских черносотенных организаций.

Назаревский, В. В., председатель московского комитета по делам печати.

Нейдгардт, А. А. (1832—1915), тайный советник.

Николай Николаевич (1856—1929), вел. кн., главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, верховный главнокомандующий в начале мировой войны.

Николай (Зиоров), архиепископ варшавский.

Никольский, Б. В. (1870—1919), преподаватель училища правоведения (1907—1917), один из деятельнейших членов черносотенного русского собрания, сторонник Дубровина в союзе русского народа.

Никон (Рождественский, 1851—1918), епископ вологодский (1906—1912), член Государственного совета с 1907 года.

Нилус, С. А., писатель-антисемит.

Новоселов, М. А., бывший толстовец, писатель по церковным вопросам.

Нольде, А. Э., барон, секретарь редакции, потом редактор «Московских ведомостей».

Овчинников, Б. М., помощник присяжного поверенного в Москве.

Олег Константинович (1892—1914), князь, сын вел. кн. Константина Константиновича.

Оловенников, В. В., редактор-издатель черносотенной газеты «Вече».

Олсуфьев, Д. А. (1862), граф, член Государственного совета от Саратовской губернии с 1906 г., октябрист.

Орлов, В. Г., ревизор движения Московско-брестской железной дороги, председатель главного совета «отечественного патриотического союза», деятель союза русского народа и «палаты Михаила архангела», организатор погромов.

Орлов, В. Н. (1868), кн., флитель-ад'ютант, потом ген.-майор свиты, начальник военно-походной канцелярии Николая II.

Павлов, Н. А., крупный землевладелец Саратовской губернии, сотрудник «Московских ведомостей» и «Гражданина»; подписывал свои статьи «дворянин Павлов».

Палеолог, С. Н. (1878), чиновник министерства внутр. дел.

Парфений, епископ тульский.

Перевозников, московский рабочий.

Петрункевич, И. И. (1844), земский деятель, один из лидеров кадетской партии, член I Государственной думы.

Пистолькорс, А. А. (1885), урожд. Танеева, сестра А. А. Вырубовой.

Пихно, Д. И. (1853—1913), профессор Киевского университета, редактор газеты «Киевлянин», член Государственного совета, правый.

Плевако, Ф. Н. (1842—1908), известный московский присяжный поверенный, выдающийся оратор, член III Государственной думы от Москвы, октябрист.

Плеве, Н. В. (1871), помощник управляющего (1906—1910), потом управляющий (1910—1914) делами совета министров.

Погодин, А. Л. (1872), профессор Варшавского университета по кафедре славянской филологии.

Полубояринова, Е. А. (1864), вдова полковника, владелица книжного склада и типографии, член главного совета и казначей союза русского народа, с 1907 г. издательница органа союза — газеты «Русское знамя», сторонница Дубровина.

Похвиснев, В. Б., московский почт-директор.

Пуришкевич, В. М. (1870—1920), крупный помещик, чиновник особых поручений при министре внутр. дел (1904—1906), член II и III Государственной думы от Бессарабии и IV от Курской губернии, один из основателей и товарищ председателя совета союза русского народа, член совета русского собрания, основатель монархической организации «палаты Михаила архангела». После Октябрьской революции был во главе офицерского контрреволюционного заговора.

Рагозин, член московской черносотенной организации.

Распутин-Новых, Г. Е. (1872—1916), тобольский крестьянин, в молодости конокрад, пользовался громадным влиянием на царя и царицу. Убит группой монархистов в декабре 1916 г.

Рахманинов, московский старообрядец (вероятно, назван так ошибочно вместо Рахманов).

Рейценштейн, Н. К. (1854), вице-адмирал, член Адмиралтейского совета.

Римский-Корсаков, А. А. (1850), сенатор, с 1909 г. председатель главного совета союза русского народа.

Родионов, И. А., писатель-черносотенец; почитатель Илиодора.

Руднев, астраханский черносотенный журналист, временный редактор газеты «Русская правда».

Ряхин, репортер «Московских ведомостей».

Саблер, В. К. (1845—1929), член Государственного совета с 1905 г., обер-прокурор синода (1911—1915).

Савенко, А. И. (1874), публицист, постоянный сотрудник «Киевлянина», основатель и товарищ председателя клуба националистов в Киеве, член главного совета всероссийского национального союза, впоследствии член IV Государственной думы.

Садовский, А. А., правитель дел канцелярии главного управления по делам печати.

Самарин, Ф. Д. (1858—1916), крупный землевладелец, публицист, член Государственного совета от Московской губернии, правый (1907—1908).

Серафим (Чичагов, 1856), епископ можайский, викарий московской епархии.

Серафим, епископ орловский.

Сергей Михайлович (1866—1918), вел. кн., ген.-инспектор артиллерии.

Сергей (Старогородский), архиепископ финляндский.

Сидоров, А. А., председатель московского комитета по делам печати.

Симанский, П. А. (1866), ген.-майор, бригадный командир 35-й пехотной дивизии.

Скворцов, В. М. (1859), чиновник особых поручений при синоде, миссионер, редактор журнала «Миссионерское обозрение», газеты «Колокол» и других черносотенных изданий.

Скрыдлов, Н. И., вице-адмирал, член Адмиралтейского совета.

Слепцов, П. А. (1869—1919), член московского комитета по делам печати, беллетрист (псевдоним П. А. Досужнин), автор статей по сельскому хозяйству и народному образованию.

Соколов, В. П. (1880), инженер, один из учредителей союза русского народа, товарищ председателя совета марковского союза русского народа, организатор боевой дружины.

Соколов, Н. В., служащий московской университетской типографии.

Соловьев, В. С. (1853—1900), философ и поэт.

Старицкий, член черносотенной организации.

Стахович, М. А. (1861—1923), орловский губернский предводитель дворянства, с 1909 г. член Государственного совета от орловского земства.

Степанов, К. П. (1854—1910), художник, академик, член московской черносотенной организации, редактор-издатель газеты «Московский голос».

Степанов, Ф. П. (1857), прокурор московской синодальной конторы.

Столыпин, А. А., журналист, сотрудник «Нового времени».

Столыпин, П. А., (1862—1911), министр внутренних дел и председатель совета министров в эпоху реакции. Убит сотрудником охранки Богровым.

Стессель, А. Н. (1848), ген.-лейтенант, комендант крепости Порт-Артур во время японской войны.

Сухомлинов, В. А. (1848—1926), ген.-ад'ютант, военный министр (1909—1915).

Сучков, Н. Н., член московской черносотенной организации.

Сыромятников, С. Н., публицист, сотрудник «Нового времени» (псевдоним Сигма) и официозной газеты «Россия».

Таганцев, Н. С. (1843—1923), профессор Петербургского университета, криминалист, член Государственного совета.

Танеев, А. С. (1850), главноуправляющий собственной канцелярией императора, отец А. А. Вырубовой.

Татищев, С. С. (1872—1915), граф, саратовский губернатор (1906—1910), начальник главного управления по делам печати (1912—1915).

Тимашев, С. И. (1858—1920), министр торговли и промышленности (1909—1915).

Тиханович-Савицкий, Н. Н., купец в Астрахани, владелец музыкального магазина, председатель астраханской народной монархической партии, автор воззвания, напечатайного в «Русской правде» (в Астрахани), против новых основных законов.

Тихменев, Н. П., журналист, сотрудник черносотенной газеты «Земщина».

Тихомирова, Х. Н. (1828), урожд. Каратаева, мать автора дневника.

Толмачев, И. Н. (1863), одесский градоначальник (1907—1911).

Толстая, С. А. (1844—1919), графиня, урожд. Берс, жена Льва Николаевича Толстого.

Толстой, Л. Л. (1869), граф, писатель, сын Льва Николаевича Толстого.

Торопов, А. Д. (1851—1927), библиограф, редактор «Книжных новостей».

Торопов, И. В., московский домовладелец, член черносотенной организации, участник убийства Иоллоса.

Трепов, В. Ф. (1860—1918), член Государственного совета с 1908 г., уволен в 1911 г. в заграничный отпуск за оппозицию Столыпину.

Трубецкой, С. Н. (1862—1905), князь, профессор по кафедре философии и ректор Московского университета.

Тьер, Адольф (1797—1877), французский политический деятель и историк, глава исполнительной власти, потом президент Французской республики, в 1871 г. с необычайной жестокостью подавил Парижскую коммуну.

Унгерн-Штернберг, барон, был обвинен в шпионаже.

Феофан (Быстров, 1873), епископ гдовский, викарий петербургской епархии и ректор Петербургской духовной академии (1909—1910), потом епископ таврический (1910—1911); ввел Распутина в придворные сферы, а затем разочаровался в нем и сделался его врагом.

Филипп, французский гипнотизер и спирит; был приглашен в Россию и некоторое время имел влияние при дворе.

Фредерикс, В. Б. (1838), барон (позднее граф), ген.-ад'ютант, министр двора (1887—1917).

Харитонов, П. А. (1852—1916), государственный контролер (1907—1916).

Харузин, А. Н. (1863—1932), директор департамента духовных дел иностранных исповеданий (1908—1911), товарищ министра внутр. дел (1911—1913).

Хомяков, Д. А. (1841—1919), сын поэта, публицист правого направления.

Хомяков, Н. А. (1850), сын поэта, член II и III Государственной думы, председатель III Думы.

Чаплин, Н. Д., сенатор, товарищ министра юстиции, заведующий межевой частью.

Чарыков, Н. В. (1855), гофмейстер, бывший товарищ министра иностр. дел, посол в Константинополе.

Шарапов, С. Ф. (1856—1911), черносотенный публицист, издатель-редактор газеты «Русское дело», противник финансовой политики Витте.

Шванебах, П. Х. (1846—1908), государственный контролер (1906—1907), член Государственного совета, правый.

Шварц, А. Н. (1848—1915), профессор Московского университета, попечитель московского учебного округа, потом министр народного просвещения (1908—1910).

Шереметев, С. Д. (1844—1918), граф, крупнейший помещик, член Государственного совета, монархист, историк-дилетант.

Шечков, Г. А. (1856), крупный землевладелец, член III Государственной думы от Курской губернии, правый.

Шипов, И. П. (1865), министр торговли и промышленности, член Государственного совета.

Ширинский-Шихматов, А. А. (1863), князь, обер-прокурор синода (1906), затем член Государственного совета.

Шифф, Я., американский банкир.

Шредер, С. Ф., управляющий конторой «Московских ведомостей».

Штюрмер, Б. В. (1848—1918), член Государственного совета с 1904 г.; впоследствии председатель совета министров и министр внутр. и иностр. дел.

Щегловитов, И. Г. (1861—1918), министр юстиции (1906—1919). Вдохновитель процесса Бейлиса; был тесно связан с черносотенными организациями.

Эссен, Н. О. (1860—1915), адмирал, помощник начальника морских сил в Балтийском море (1908—1915).

Юшкевич, С. С. (1868—1917), писатель.

Языков, Д. Д., библиограф, секретарь редакции «Московских ведомостей», прикомандированный к московскому комитету по делам печати.

Янчак, репортер «Московских ведомостей».

Янышев, И. Л. (1826—1910), протопресвитер, духовник царской семьи.

Ясинский, член черносотенной организации.

Из записной книжки архивиста

Трудовое казачество Донской области о Брестском мире и о защите Советской страны

Пролетариат Донской области и беднейшие массы донского казачества вместе с пролетариатом и крестьянской беднотой Советской России, под руководством героической партии Ленина—Сталина, вписали не мало прекрасных боевых страниц в историю Великой пролетарской Октябрьской революции.

В самые тяжелые периоды в жизни Советской республики, когда Донская область была захвачена всякого рода белогвардейскими бандами контрреволюционных генералов, нашедших поддержку среди кулацкого населения донского казачества, беднота и трудящиеся массы казачества, во главе с пролетариатом Ростова, Донбасса и других рабочих центров, героически сражались за власть советов. Об этом красноречиво говорят многочисленные архивные материалы.

Собравшийся в апреле месяце 1918 г. в чрезвычайно сложной обстановке первый с'езд советов Донской области[1] наряду с вопросами организации области, вопросами внутреннего характера, обсудил важнейший вопрос, от которого зависело тогда существование советской власти — вопрос о войне и мире.

Делегаты, представлявшие на с'езде интересы революционного пролетариата, казачества и всех трудящихся Донской области, по этому чрезвычайно актуальному вопросу шли по ленинско-сталинскому пути, решительно отвергли контрреволюционные установки левых эсеров и смыкавшейся с ними группы левых коммунистов во главе с Сырцовым.

Подавляющее большинство делегатов с'езда высказалось за одобрение заключенного Советским правительством Брестского мира. В резолюции, предложенной тов. Орджоникидзе и принятой большинством голосов делегатов с'езда, говорится: «Первый с'езд советов Донской республики присоединяется и одобряет мирную политику Совета народных комиссаров. В ответ на открытый поход контрреволюционных генералов, Каледина, Алексеева и др., в ответ на выступление авантюристов Богаевского, Голубова, Фетисова, несмотря на все попытки меньшевиков и эсеров, в том числе и левых, обмануть трудовые массы казачества и совлечь их с ленинско-сталинского пути нашей партии, трудящиеся казаки, делегаты с'езда, поклялись в том, что они всеми средствами будут отстаивать советскую власть, а если потребуется, то и отдадут свою жизнь за пролетарскую диктатуру. Эту клятву, данную на своем первом с'езде советов, донские казаки с честью выполнили, сражаясь в 1 Конной армии, руководимой тт. Ворошиловым и Буденным.

Годы, прошедшие после боев и побед гражданской войны, укрепили энтузиазм и боевую готовность трудового казачества, что нашло свое яркое выражение в письме казаков Дона, Кубани и Терека великому вождю ленинской партии и народов нашей социалистической родины — товарищу Сталину.

«И только, дорогой товарищ Сталин, кликни тревожный клич,— говорится в этом письме,— соколами слетимся на защиту родных границ. Не только мы, но и наши жены, сестры и матери непоколебимой стеной станут на защиту своей великой родины.

Мы клянемся, что все казачье население наших станиц станет могу-

---

[1] Первый с'езд советов Донской области открылся 9 апреля 1918 г. 8 апреля состоялось частное совещание делегатов с'езда, на котором были обсуждены вопросы о политическом положении Донской области и о положении в Новочеркасске.

На с'езде присутствовало 713 делегатов с решающим и 125 с совещательным голосом. В порядке дня стояли следующие вопросы: а) текущий момент, б) организация власти на Дону, в) о земле.

чим резервом Рабоче-Крестьянской Красной армии и если враг посмеет на нас напасть, в рядах непобедимой Красной армии мы будем гнать, рубить и уничтожать врага, чтобы победить врага на его территории, чтобы и на западе, и на востоке покончить с врагами навсегда»[1].

Мы публикуем выдержки из стенограммы речей делегатов Первого с'езда советов Донской республики, выступавших по первому вопросу о войне и мире. Делегаты с мест подвергли резкой критике предательскую тактику левых эсеров и единодушно высказывались за то, чтобы воспользоваться хотя бы временной передышкой для организации боеспособной Красной армии, налаживания народного хозяйства и окончательного разгрома очагов внутренней контрреволюции.

Публикуемые нами выдержки приводятся по стенограмме Первого с'езда советов Донской республики, хранящейся в Центральном архиве Октябрьской революции, ф. № 1940, 1918 г., д. № 26, оп. 2.

Г. Костомаров.

Выдержки из стенограммы Первого с'езда советов Донской республики 9 апреля 1918 года.

С'езд решил дать высказаться по одному представителю от каждого округа, для выяснения взглядов населения на местах на войну, предоставив каждому оратору 10 минут.

Председатель с'езда тов. Ковалев читает приветственную телеграмму от Донецкого окружного совета следующего содержания: «Об'единенное заседание Исполнительного комитета Донецкого окружного совета совместно с Каменским Исполнительным комитетом, представителями от войсковых частей Каменского гарнизона и представителями от профессиональных союзов шлет горячий привет товарищам казакам, крестьянам и рабочим с'езда, как верховной власти молодой Донской республики. Мы надеемся, что областной с'езд положит конец контрреволюции и навсегда закрепит на Дону советскую власть, власть трудящихся. Да здравствует Донской областной с'езд! Да здравствует Донская советская Республика! Да здравствует социализм!»[2].

Тов. Хохлачев (Сальский округ). — Товарищи! Здесь борьба двух партий большевиков и левых эсеров. Вопрос стоит ребром: война или мир Наши левые эсеры очень храбры, не боятся, что их убьют. Хорошо воевать под красными знаменами, но никто не хочет итти в окопы. Я недавно уволен с позиции и потому это знаю. Я думаю, что каждый из нас хозяин знает, что десятины не вспашены. Хлеба в Сальском округе нет. Нас никто не бьет. Мы сами себя бьем, здесь в Донской области мы будем биться с нашими контрреволюционерами до последней капли крови. Здесь представители Украины говорили, что они надеятся, что протянутая ими рука не повиснет в воздухе, но мы три дня тому назад признали советскую власть, а она заключила мир. Мы должны его признать.

Петрушенко (Ростовский округ). — Товарищи! Война и мир ставится ребром, мы здесь скажем последнее слово. Меня сейчас выбрал Совет от Ростовского округа. За последние дни мне пришлось много испытать, и я как практик скажу, что сейчас невозможно вступать в войну. Признавая власть, признавая подписанный мир, мы уже ни с кем не воюем. Брестский мир мы признаем, и если на нас будут наступать, мы все способные носить оружие станем на защиту Донской республики и будем укреплять в ней советскую власть.

Товарищи! Все, кто из присутствующих был солдатом, знают, возможно ли сейчас призвать на службу солдата, который много увидел за последнее время. В Ростовском округе до 30 тыс. жителей. В нем 8 тысяч солдат, но под моим руководством сейчас только 30—40 красноармейцев. Согласны воевать только 40 человек. Разве с ними можно что-либо сделать? Когда на нас подымутся германцы, придут в Донскую область, мы все подымемся как один человек, чтобы не дать нарушить позорнейший мир, подписанный Советом народных комиссаров, не дать уничтожить советскую власть...

Алаев (Усть-Медведицкий округ). — Товарищи! У меня короткий и определенный наказ от населения; в лице своих представителей оно просило меня передать одно: с войной покончено, воевать мы не будем, мир заключен, но заявляем, что всякое посягательство на революцию и свободу, мы будем отражать всеми средствами, вплоть до того, что с вилами в руках пойдем бороться. (Гром аплодисментов.)

Рыжков (Донской округ). — Братья-казаки, крестьяне и рабочие! Пред нами стоит серьезной важности вопрос, быть или не быть нам. Представители не могут определенно выразить настроение населения. У нас никогда не

---

[1] «Правда» № 77 (6683) от 18 марта 1936 г.

[2] Приветственная телеграмма вписана в текст другим почерком.

обсуждался вопрос о войне и мире, но общее положение наметилось, казаки и крестьяне решили, что Брестский договор признавать, конечно, приходится, мы признаем мир. В заключение мы говорим, что с германскими и австрийскими пролетариями воевать не будем, но общее настроение I Донского округа наметилось в том смысле, что свою республику мы защищать будем. (Аплодисменты.)

Зеленский (Морозовский округ). — Товарищи! Пред нами ставится вопрос, мирную или военную политику мы одобрим? Его нужно решить в зависимости от того, от мирной или военной политики зависит успешный ход нашей революции. Мнение населения нашего округа такое, что война не принесет нам ничего хорошего, что нам нужно считать войну с Германией законченной. Мы должны признать позорный и тяжелый мир, который вынуждено было подписать[1] правительство. Но мы думаем, что только тогда германский и международный пролетариат пойдет вместе с нами, когда увидит силу и военную мощь. Для того, чтобы создать ее, нам сейчас нужно строить жизнь внутри страны, и нашими первыми задачами должны быть: организация на местах рабоче-крестьянского правительства, борьба с нашей хозяйственной разрухой, организация местной Красной армии.

Тов. Пареев (Донецкий округ). — Мне поручено заявить всем делегатам первого с'езда, что Донской округ никогда не согласится вести эту войну. У нас нет хлеба, продовольствия, разрушен транспорт, нет вооружения; но Донецкий округ говорит, что если кто будет разгонять советы и итти против советской власти, то мы поднимемся на защиту завоеваний революции.

Тов. Ларин (Черкасский округ). Оглашает резолюцию, принятую по вопросу о войне и мире на Черкасском окружном с'езде, выражавшем настроение всего округа[2].

«С'езд признает, что заключение мира с Германией не исключает возможности и необходимости, образовав Донскую республику, дать наступающим украинско-гайдамацким контрреволюционным войскам должный отпор, если указанные войска двинутся на Дон, — для чего с'езд призывает все советы на местах к организации Красной армии, единственной опоры в борьбе как с внутренними, так и с внешними врагами Советской власти».

[1] Далее зачеркнуто: «наше».

[2] Далее резолюция в виде газетной вырезки без указания газеты, в которой резолюция была напечатана.

Тов. Новодарский (Армейский областной комитет). — Товарищи! Я — член армейского областного комитета. Армейский комитет составляется из представителей от всех боевых частей — казачьих, солдатских и рабочих, какие только сейчас есть на Дону. К нам в армейский комитет поступали разные требования на аммуницию, оружие и другие военные предметы. Но всего этого у нас сейчас нет. Относительно того, итти на Украину или нет — все части заявили, что дальше Новочеркасска они не пойдут. (Смех.) Но если враг придет на Донскую республику, тогда не нужно будет об'являть мобилизации, тогда все подымутся и пойдут на защиту Дона.

Председатель. — Запись ораторов по этому вопросу предполагается прекратить.

(С'езд принимает предложение). Слова просит представитель от мусульман тов. Булушев.

Тов. Булушев. — Вопрос о войне и мире сейчас стоит очень тяжело. Каждый из нас знает, что мир позорный. Но как бы то ни было, мы должны признать этот мир, ибо если мы станем нарушать его, мы об'явим новую войну немецкому империализму. Тогда немцы не станут с нами церемониться, они займут Донскую республику. Чтобы избежать этого, нам необходимо признать мир, как бы тяжел он не был, и заняться строительством своей жизни, не дать немцам раздавить Советскую республику.

Представитель от ст. Тихорецкой обращается с приветственной речью к с'езду[1].

Председатель предлагает послать телеграмму всем советам с просьбой местными силами помочь произвести весенние работы на полях оторванных от труда делегатов. (Оглашается текст телеграммы[2]; предложение единодушно принимается.)

Тов. Гришин (От с'езда Кубанской области) — суммирует все сказанное предыдущими ораторами и заканчивает речь призывом голосовать за резолюцию большевиков.

Резолюция, принятая Первым с'ездом советов Донской республики по предложению тов. Орджоникидзе.

Первый с'езд советов Донской республики присоединяется и одобряет мирную политику Совета народных комиссаров и рассматривает Донскую республику как часть РСФСР, считает для себя Брестский мирный договор обязательным. Революция на Дону, свергнув всю власть помещиков

[1] Речь в подлиннике не приведена.

[2] Телеграмма не приводится.

и генералов, поставила у власти трудовые элементы, сплотившиеся в своей борьбе вокруг рабочего класса. Свержение режима казацких генералов является лишь началом победы революционного союза рабочих, беднейших крестьян и трудового казачества. Для полного торжества советского правительства необходимо победоносно закончить разрастающуюся на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества. Главной задачей рабоче-крестьянского правительства в данный момент является создание революционно-советской армии и привлечение всех сил к борьбе с хозяйственной разрухой. Советская власть должна быть готова к тому, что империализм всех стран не остановится перед новым нападением на нее, и ни одна минута не должна пропасть даром.

С'езд заявляет перед всем миром, что, признавая Брестский мирный договор, трудовое казачество, крестьяне и рабочие не остановятся ни перед чем для защиты границ РСФСР, Донской республики, и все, как один, с оружием в руках встанут в случае вторжения в пределы Донской республики чужеземных войск. Необходимо в данный момент напряжение всех сил и всей энергии. Необходима самая энергичная работа в налаживании народного хозяйства и в строительстве на развалинах капиталистического строя новой социалистической России. С'езд уверен, что нынешнее затишье на арене борьбы пролетариата с мировым капиталом есть затишье перед бурей, что недалек уж тот момент, когда на помощь пролетариату России придут трудящиеся всего мира. С'езд приветствует грядущую победоносную мировую социалистическую революцию.

За резолюцию 348, против 106, воздержавшихся 42.

Резолюции голосовались в порядке поступления со следующими результатами:

За резолюцию левых с.-р. голосует	126
Против	336
Воздерживается	41
За резолюцию большевиков голосует	348
Против	106
Воздержавшихся	42
За резолюцию меньшевиков[1] голосует	2
Против	все
Воздерживается	6

Председатель об'является, что принята резолюция большевиков.

Губернатор в роли проповедника корана

Позорная история российского самодержавия, его кровавая, грабительская политика угнетения народов, населявших Россию, широко отражена в документах, хранящихся в наших архивах.

Публикуемый нами документ показывает, как в грозные минуты народного восстания представители правящих классов использовали для борьбы с восстанием все средства, как царские генералы вопреки своим убеждениям становились проповедниками других религий для того, чтобы добиться осуществления своих реакционных целей.

В 1916 г. военный губернатор Ферганской области генерал-лейтенант Гиппиус выступил с кораном в руках, в качестве проповедника ислама.

С другой стороны, этот документ разоблачает политику местного духовенства — мулл, которые охотно заключили союз с губернатором, чтобы обмануть трудящиеся массы узбеков и вместе с тем избавить себя от мобилизации.

В середине второго года империалистической войны царской армии срочно потребовалось на тыловые работы один миллион человек. Царизм решил использовать людские резервы коренного населения своих средне-азиатских колоний. К тому времени царизм успел выколотить на военные нужды из Средней Азии (не считая денежных поборов): десятки тысяч лошадей и верблюдов, сотни тысяч баранов, десятки тысяч квадратных аршин войлока, тысячи юрт; был вывезен весь хлопок, шерсть и кожа. Все это делалось при одновременном резком сокращении ввоза в край самых необходимых продуктов. Ко всему этому в первых числах июля 1916 г. по всей Средней Азии было об'явлено знаменитое, так называемое, «высочайшее повеление от 25 июня о реквизиции инородцев на тыловые работы в действующую армию». Коренное население края восстало против царского империализма, уничтожая свою и русскую местную власть и чиновников.

9 июля 1916 г. началось восстание в Фергане. Ферганский губернатор Гиппиус отдал приказ о расстреле

[1] При оглашении меньшевиком Гросманом своей резолюции в зале поднялся невероятный шум и протесты с требованиями немедленного удаления Гросмана из зала заседания. Под крики: «долой», «вон», «сволочь», Гросман покидает зал.

восставшего народа и потребовал дополнительного ввода войск. Но временно исполнявший должность туркестанского губернатора—генерал Ерофеев предложил ферганскому губернатору обходиться своими силами, так как восстание охватывало уже весь край, и войск нехватало. Тогда Гиппиус об'явил набор добровольцев. Об'явления об этом, отпечатанные на узбекском и русском языках, во многих тысячах экземпляров были разосланы по области. По этой причине восстание в Фергане пошло на убыль. Ободренный этим, генерал Гиппиус стал самолично об'езжать города области и уговаривать коренное население записываться добровольцами. В результате почти месячной работы записались всего лишь несколько сотен добровольцев, а от области надо было срочно выставить 50 тысяч рабочих. Тогда Гиппиус по сговору с муллами решился на необычайные для губернатора приемы агитации среди возбужденного населения Ферганы.

«Надев на себя сартовский[1] халат,— доносит начальник туркестанского охранного отделения директору департамента полиции,— и тюбетейку, его превосходительство самолично изволил что-то читать собравшимся сартам из корана, который затем поцеловал. В качестве зрителей присутствовало немало русских, которые были этим удивлены и с негодованием ушли с места произнесения речи»[2].

Вскоре после этого в газетах появились корреспонденции о том, как в Намагане ферганский губернатор собрал население в местную джами-мечеть, явился туда сам, одетый в абу, с чалмой на голове и с посохом в руке. Генерал Гиппиус в это время уже был в Петрограде, где высшие инстанции потребовали от него об'яснения поведения в Фергане.

Ниже приводится об'яснительная записка генерала Гиппиуса по существу о том, как изрядно струсивший губернатор стал проповедником ислама и как муллы охотно пошли на явное оскорбление иноверцем корана в надежде на освобождение себя от мобилизации.

П. Русин.

Военный губернатор Ферганской области Гиппиус министру внутренних дел[3]

Мной составлена записка о мотивах моего поведения 23 июля с. г. в г. Намангане, в мечети джами,— собственно для начальника главного штаба. В виду того, что в означенной записке мне пришлось упомянуть ваше имя, считаю своим долгом представить при сем один экземпляр также и вашему высокопревосходительству.

А. Гиппиус.

Записка военного губернатора Ферганской области Гиппиуса

Беспорядки по поводу набора рабочих происходили почти во всех городах и разных селениях Ферганской области и в промежуток от 9 июля до 17 июля и прекратились лишь с 18 июля, со дня рассылки мной моего 2 воззвания к туземному населению. Для оказания своего нравственного воздействия на туземное население я, по собственному почину, раз'езжал по всем городам Ферганской области в промежутке от 11 до 26 июля, после чего был вызван в Ташкент и с тех пор больше не возвращался в Ферганскую область.

Вскоре же после первых беспорядков стало ясно, что дело грозит перекинуться на почву религиозную, так как во время моих раз'ездов мне неоднократно докладывали, что туземцы ссылаются на коран, якобы не допускающий им давать рабочих для нужд русской армии. Ранее нежели начать вести свои беседы с населением, я неоднократно пытался, во всех городах, беседовать с лицами ученого мусульманского сословия, с муллами, мударисами, аглямами, муфтиями и просил их раз'яснить населению, что в коране нет таких запретительных постановлений и не может быть, потому что коран написан за тысячу лет до начала нынешней войны; я просил их перевести населению те места корана, где говорится про необходимость подчинения властям; ведь ключи к раз'яснению того, что написано в коране, находятся у них, только у ученого сословия, которое знакомо со священным языком корана, и сведения о том, что собственно написано в коране, может проникать в население только через мусульманских ученых. Я отлично понимал, что в такой моей просьбе заключался укор, ибо никто иной, как сами же гг. муллы, открыли собою серию беспорядков в Ферганской области, вышедши 9 июля в Андижане из мечети джами толпой с протестом против набора рабочих; толпа выросла от присоединения других туземцев, в результате чего были вызваны войска и оказалось, кажется, 11 человек раненых. Сам уездный начальник, полковник Бржезицкий, едва выбрался из толпы: его экипаж был окружен и дрожал от наседания бунтарей.

[1] Так в подлиннике.
[2] Д. П., IV, д. № 130, ч. I, т. II, л. 44.
[3] Д. П., IV, № 130, ч. I, т. IV, лл. 19—23.

В своих разговорах с этими господами я все время чувствовал упорное с их стороны сопротивление и понятно почему: ведь ни закон о реквизиции 3 августа 1914 года, ни телеграмма министра внутренних дел от 29 июня 1916 года не упоминали про какие-либо из'ятия или льготы для мулл, а муллы как раз подходят, все — сплошь, под об'явленный призывной возраст от 19 до 31 года, к физической же работе чернорабочих они не только не привыкли (да и не годятся), но смотрят на нее с презрением.

В ответ мне эти ученые мусульмане или молчали, или говорили, что никак не могут исполнить моей просьбы по следующим причинам; мусульманский закон запрещает об'яснять или раз'яснять населению коран, его можно только читать, но так как коран написан на арабском языке, которого население совсем не понимает, то читать выборки из корана нет смысла, — население все равно ничего не поймет; переводить же коран на туземный язык также запрещается мусульманским законом.

Такой ответ был безусловно верен; однако для меня, как губернатора, было по тогдашним условиям и обстоятельствам весьма важно, в интересах охранения общественного порядка, в интересах правительственных и государственных, пробить столь несокрушимое средостение между администрацией и управляемым туземным населением. Если бы гг. ученым мусульманам было выгодно пробивать в июле сего года означенное средостение, то, я думаю, они отлично сумели бы справиться с задачей, несмотря на все мусульманские законы, но им самим это было невыгодно, и, по всей вероятности, сами же они и распускали или поддерживали такие слухи; во всяком случае им было выгоднее молчать, а никак не раз'яснять.

Убедившись после 10-дневных разговоров с учеными и мусульманами, что дело не подвигается вперед, я, наконец, им заявил, что если мусульманский закон запрещает мусульманским ученым раз'яснять коран населению и переводить его тексты на туземный язык, то я обойдусь и без мулл, а как знающий арабский язык, все сам один устрою и скажу населению, что в коране нет указаний против нынешнего набора рабочих, и прочту те места корана, где говорится про подчинение властям. Поэтому я просил (это было, кажется, в Коканде) этих ученых господ оказать мне только следующее содействие: через два дня, 23 июля, приготовить мне в Намангане несколько изданий корана, так чтобы я мог выбрать привычный мне шрифт и заложить страницы, где говорится про необходимость подчинения властям.

К приятному своему изумлению, я встретил полнейшую охоту гг. ученых все, как я приказал, в точности исполнить и, действительно, 23 июля, когда я прибыл в Наманган, все было исполнено: на дворе мечети была собрана тысячная толпа туземцев, для меня приготовили удобное место на паперти мечети, возвышающейся над слушателями, а позади моего места, более в глубь мечети, ближе к молитвенной комнате, был поставлен большой стол, а на нем лежало несколько книг разных форматов.

Сказав слушателям вступление, я заявил, что сейчас я прочту подходящие места корана и переведу эти места с арабского языка на обыкновенный язык, понятный слушателям-туземцам; но так как они арабского языка не знают и могут подумать, что и я его не знаю, то я сначала прочту им первую молитву корана, которую всякий мусульманин знает наизусть, а потом прочту и места про подчинение властям.

Я встал с своего места, подошел к столу, на котором были разложены разные издания корана, стал выбирать знакомый мне шрифт и тут же увидел на столе сложенный халат, а на халате чалму. Я не придал этому никакого значения и сначала не понял, к чему тут на столе халат и чалма. Выбрал себе коран и хотел вернуться к своему месту. В этот самый момент один туземец взял со стола халат с чалмой, а другой туземец, с умным и интеллигентным лицом, стал рядом и, обращаясь ко мне, сказал только одно слово: «таксыр» (в переводе: «господин»), рукой указывает мне на коран, а глазами на крышу мечети. Тут только я вспомнил, что коран нельзя публично читать без чалмы и халата, но вместе с тем понял и западню, какую приуготовили мне господа хитрые муллы, замыслившие поразить меня неожиданностью, конечно, в расчете, что не наденет же на себя военный губернатор чалмы и халата, а, следовательно, не придется ему и корана читать. Это было очень умно задумано и исполнено, и я сразу несколько смутился, но из положения на глазах тысячной толпы, уездного начальника, чинов судебного ведомства и других чиновников надо было моментально найти правильный выход.

Что случилось бы, если бы я, остановившись перед внезапным препятствием, отказался от чтения? Мог последовать общий смех: не суйся, мол, г. губернатор, не в свое дело. А что случилось бы, если бы я просто от-

верг чалму и халат и стал бы в мечети читать коран в своем форменном одеянии? Я рисковал возбудить против себя всю[1] толпу (быть может уже заранее подстроенную в этом смысле), а в лучшем случае не произвести впечатления: после моего ухода те же восточные политики-муллы могли бы, смеясь, распространять слухи: да, мы ему нарочно подсунули ненастоящий коран, отлично зная, что не наденет же он чалмы, а в настоящем-то коране и сказано, чтобы не давать для русской армии рабочих.

Уже впоследствии 10 сентября, когда я был у министра внутренних дел и все это рассказывал, А. А. Хвостов выразил мысль, что можно бы, разве, еще предложить одному из мулл прочесть коран. Однако, в действительности это было собственно мне невозможно сделать по следующей причине. Я привык читать коран, но не привык слушать его в чужом чтении, к тому же у всякого свое произношение. Я обучался арабскому языку у подлинного араба, у профессора Нофаля, в Петрограде и усвоил себе его произношение, а ферганские муллы читают коран с различным произношением, то бухарским, то ферганским и так же, как и я, умеют только читать и понимать читаемое, но никто из них не владеет разговорным арабским языком, и, следовательно, не выработалось общего произношения, понятного каждому при устном чтении. Если бы я поручил читать коран первому попавшемуся мулле, то я, вероятно, не понял бы того, что он читает, а, следовательно, не мог бы перевести. Значит, я должен был все же, сам заглядывать в книгу, — заглянуть же без чалмы опять нельзя, — а если бы мулла с намерением пропустил именно нужные мне места, то мне пришлось бы вступать с ним в препирательства. Все это крайне неудобно на глазах тысячной толпы, и впечатление было бы испорчено, мне же важно было не само по себе чтение, а именно впечатление на слушателей.

Я вышел из трудного положения сразу же, не задумываясь и без малейшего видимого замешательства, и даже предупреждая еще и другой мусульманский обычай, сказал очень спокойно, как дело мне известное и понятное: «хорошо, надену чалму, накиньте мне халат; я привык читать коран; очень люблю эту вашу священную книгу и, будь я мусульманином, даже поцеловал бы ваш коран и приложил бы ко лбу раньше, нежели начать читать». Затем я сел на свое место и спокойно провел всю свою программу. Окончив чтение корана, я снял чалму и надел фуражку, а сзади скинули с меня халат. Все вышло очень спокойно и серьезно, царила мертвая тишина, а некоторые старики даже плакали от умиления.

Общее настроение было превосходное.

Гг. ученым муллам я не дал себя провести.

Остается добавить, что с толпой говорил не я непосредственно, а говорил, громким голосом, только мой переводчик; я только следил за правильностью перевода; переводчику же я говорил не повышая голоса.

Я поставил мусульманскую ученую братию в положение таков, потом они сами стали привирать для оправдания своего провала в столкновении со мной. Я сужу об этом по корреспонденции в московскую мусульманскую газету «Сов». Самой корреспонденции этой я не читал, а сужу о ней по прилагаемой у сего выреэки из петроградской газеты «Современное слово» от 17 августа с. г., № 086. Там утверждается, будто я вышел с посохом в руках (на самом деле я был в Наманганской мечети без оружия, а с тросточкой), явился с чалмой и в халате и т. д. Этим враньем муллы, вероятно, желали себя как-нибудь оправдать в том, что допустили публичное чтение корана губернатором, да еще допустили перевод корана на туземный язык. Однако, и при всем таком вранье, в корреспонденции удостоверено хорошее впечатление от моей речи и моих действий; а мне только это и надо было.

Впоследствии я узнал, что на меня был подан донос. 22 августа я прочел в Ташкенте донесение товарища прокурора Скобелевского окружного суда г. Френкеля. Он, вероятно, по своей неопытности, совершенной неподготовленности к службе на окраине, незнанию туземного языка, ничего не понял из того, что происходило у него на глазах; и все представил в превратном виде. 23 августа за № 164 я представил туркестанскому генерал-губернатору свои об'яснения собственно по пунктам донесения г. Френкеля, а копию означенного № 164 вручил 6 сего сентября начальнику главного штаба, которому тогда же на словах доложил и мотивы своих действий, так, как они выше изложены.

Генерал-лейтенант А. Гиппиус.

---

[1] Всего за десять дней до 23 июля пришлось в том же Намангане и поблизости той же мечети усмирять туземцев пулеметами; были убитые и ранены, кажется, до 36 человек *(Прим. в подлиннике)*.

Из истории Шосткинского порохового завода

Публикуемый документ, извлеченный из дела департамента полиции — «о волнениях и стачках среди рабочих по Черниговской губернии», хранящегося в Центральном архиве революции, относится к истории Шосткинского казенного завода, одного из первых пороховых заводов в России. Пороховой завод на реке Шостке в Черниговской губернии был основан в 1739 г. и был в ведении гетманов Украины, поставляя свою продукцию и на российские полки. В 1764 г. он был закрыт, согласно указу Екатерины II, по которому все пороховые заводы на Украине должны были быть ликвидированы.

Однако в 1771 г. Шосткинский завод снова был пущен, как завод, принадлежащий казне.

Открытие завода вызвано было военными потребностями. Кроме того на его сравнительное процветание сильно влияло то обстоятельство, что по-близости к нему находился рад местностей, занятых кустарным селитренным производством. Шосткинский завод был одним из крупных заводов первой половины XIX столетия. В 1802 г. на заводе было 253 рабочих, а в 1860 г.— 330. Общая продукция его составляла 53,4 тыс. пудов в 1860 г. В 1854 г. во время Крымской кампании он давал пороху 40,9 тыс. пудов, а в 1855 г.— 134,3 тыс. пудов.

В 1871 г., в год столетнего юбилея завода, он получал наименование Михайловского Шосткинского завода[1].

Несмотря на то, что завод с 1872 г. окончательно перешел на вольнонаемную рабочую силу, он, как все казенные заводы, пользовавшиеся крепостной рабочей силой, и после 1861 г. надолго сохранил крепостнические пережитки.

Рабочие таких заводов пользовались от завода землей либо бесплатно, либо за пониженную цену, но благодаря этому чрезвычайно понижалась их заработная плата; заводы получали «своих», привязанных к заводу, дешевых рабочих.

В 1902 г. Шосткинский завод находился в непосредственном ведении главного артиллерийского управления; начальником его был генерал-майор Пылков. Поселок, образовавшийся около завода еще в 60-х годах прошлого столетия, насчитывал в 1902 г. 8 тыс. населения.

Публикуемая ниже корреспонденция, направленная в «нелегальную прессу», рисует грубую эксплоатацию рабочих, произвол, казнокрадство, взяточничество, которые особенно сильны были в таком глухом захолустье, а условия военной обстановки, военной дисциплины, при царизме подавляли малейший протест и затрудняли развитие революционного движения среди рабочих-солдат.

Сведения, сообщаемые в данной корреспонденции, частично дошли до редакции газеты «Искра» и нашли выражение в небольшой заметке, помещенной в № 22 «Искры» от 1 июля 1902 г.[1]

К началу 1900-х годов картина на заводе и в прилегающем к нему поселке начинает меняться; автор приводимой ниже корреспонденции сообщает о начавшемся среди рабочих завода революционном движении. И — что особенно важно — корреспонденция подчеркивает, что рабочее движение с весны 1902 г. приняло организованный характер и проявилось открыто, что было отмечено также редакцией «Искры» в указанной уже заметке.

Имеющееся в том же деле департамента полиции, из которого взята публикуемая корреспонденция, донесение начальника Черниговского жандармского управления в департамент полиции от 12 июня 1902 г. за № 2379 подтверждает ряд фактов, сообщаемых в корреспонденции, как, например, кражу платиновых чаш, факт смерти рабочих, как результат тяжелых бытовых условий на заводе, а также появление рабочей организации и выпуск ею агитационных листовок[2].

М. Сыромятникова.

Корреспонденция за границу о пороховом заводе поселка Шостка, Глуховского уезда, Черниговской губернии, 13 мая 1902 г.[3]

Долгие годы монотонно шла заводская жизнь нашего порохового завода. Долгие годы совершались безобразия

[1] Оглобин, Архив Шостенського порохового заводу, в журнале «Архивна справа», кн. 1(12), Харьков, 1930 г., стр. 1—11.

[1] «Искра», вып. III, стр. 140, изд. Истпарта ЦК ВКП(б).

[2] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 12, лит. А, лл. 25—27. Листовки, отпечатанные на гектографе, хранятся в деле Д. П., о. о., 1898 г., № 5, ч. 11, лит. В, л. 3 и под арх. инв. № 9733.

[3] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 12, лит. А, л. 16. — Печатается с оригинала письма, подписанного псевдонимом «Петухов» и отправленного по адресу:

заводским начальством: казнокрадство, притеснения рабочих, грабеж их в самых разнообразных видах — процветали в нашем захолустье, быть может, так, как нигде на других казенных заводах, благодаря тому, что наш завод заброшен среди болот восточной части Черниговской губернии, и еще не так давно пробираться туда на почтовых приходилось чуть ли не с опасностью для жизни. Недавно мимо Шостки провели железную дорогу; начался более живой обмен рабочих масс, и в настоящее время в этом году местная организация шостенских рабочих решила начать борьбу с заводским начальством и приступила к широкой агитационной деятельности. Появились прокламации и нелегальная литература. Но прежде, чем перейти к изложению текущих событий, мы считаем себя нравственно обязанными предать огласке кое-какие факты из недавнего Шостки. Эти факты довольно ярко рисуют, насколько политика русского правительства следует девизу гнуть все в бараний рог, хотя бы и самому правительству от этого пользы из'ять было бы нельзя. До 1872 г. на нашем заводе был исключительно солдатский труд. Пригоняли сюда новобранцев, отбывали они свой срок и, по желанию, могли оставаться жить в поселении, которое мало-по-малу образовалось возле завода. Бывшие солдаты, продолжавшие работать на заводе, получали надел, возводили жилые и нежилые строения по определенному типу и масштабу, пользовались правом завещать имущества после смерти, одним словом, владели наделом, как бы своей полной собственностью, хотя не имели никаких документов, так как никакой юридической формельной сделки начальство не заключало: все это делалось по-домашнему. В 1872 году начальство эти наделы перестало выдавать. Рабочие продолжали владеть землей и к тому времени, когда артиллерийское ведомство опомнилось, что оно не имеет никаких документов, доказывающих его права на землю, а по праву давности рабочие являются полноправными владельцами наделов, население Шостки так свыклось с мыслью о полной принадлежности земли, так сжилось со своими насиженными гнездами, что даже мысль о непринадлежности им земли казалась прямо-таки несуразной. Так или иначе, в начале 90-х годов артиллерийское ведомство предлагает жителям Шостки подписать арендные контракты, т. е. тем самым признать, что земля не их, а артиллерийского ведомства, которую они только арендуют. Начались судебные процессы. Пригласили рабочие адвоката, к сожалению, очень неудачного, тратили, тратили на процесс, судились в нескольких инстанциях, но в конце концов потерпели фиаско, плюс еще судебные издержки на каждый двор, чуть не по 100 рублей. Да и немудрено было проиграть дело. Нужно только удивляться, на какие ухищрения пускалось заводское начальство. Например, пристав не доставлял рабочим повесток о разборе дела в суде, о котором они узнавали стороной, так что был даже такой случай: является в суд поверенный завода капитан Кох, и к своему большому удивлению, видит в зале суда представителей рабочих. «Вы как здесь?» — не удержал восклицания бравый защитник прав артиллерийского ведомства. Правдами, или неправдами, но артиллерийское ведомство получило санкцию окружного суда на несколько десятин земли. Оно теперь, конечно, уже не стесняется показать, что оно — законный владелец отнятой земли. Назначается срок, в который должны быть подписаны контракты. Народ не хочет подписывать. Начинается целая сеть мелких придирок, расчет с завода, штрафы и т. п. Публика volens-nolens начинает сдаваться, начинают подписывать контракты. Остается неподписавшихся только 14 душ, главным образом старики, пользующиеся наделами еще с николаевских времен. Они упорно не подписывают. Назначается последний срок 15 ноября 1900 года; если не будут подписаны контракты, дома будут сносить. Первый дом, подлежащий сноске — это дом Емельянова. Приходит 15 ноября. Тот же Кох ведет местную команду, собралась полиция из окрестных мест, исправник и все прочие на место действия. Ищут Емельянова, чтобы последний раз предложить ему подписать отказ от владения. Его нет. К месту действия собирается народ. Из дома раздаются стоны и плач

«Hern Fechheimer, Berlin, W. Ludwigskirchplatz, 8, Германия, Deutschland», с почтовым штемпелем на конверте: «Киев, 13 мая 1902 г.». Данный адрес не был одним из известных условных адресов какого-либо нелегального периодического издания того времени и являлся, очевидно, передаточным.

Документ этот, вместе с копией его, хранится с сопроводительным отношением начальника особого отдела департамента полиции начальнику Черниговского губернского жандармского управления от 31 мая 1902 г. за № 3847.— Документ подготовлен к печати Е. Горелкиной.

беременной жены и детей Емельянова. Слышится команда: «ломай». Солдаты лезут на крышу и начинают срывать доску за доской. Взрыв негодования собравшейся толпы уже готов был разразиться. Уже одна баба замахнулась топором на Коха, и только случай спас его... Но неуместное появление Емельянова и выказанная им слабость — он подписал контракт — помешали вылиться народному правосудию и предотвратили кровавую расправу. Жена Емельянова родила мертвого ребенка... Начальство решило, что после этого и остальные 13 подпишут контракт. Но нет, те отказались наотрез. Понадобились еще войска, приезд губернатора, ряд ужасных угроз. Остальные сдались, и артиллерийское ведомство празднует победу. Оно отняло несколько десятин земли, которую раньше подарило. Продолжаем дальше историю злоупотреблений местной администрации. Мы оставим в покое то, что было до описанного момента, оставим потому, что — много бы нужно было исписать бумаги и чернил, чтобы хоть сколько-нибудь полно охарактеризовать колоссальные злоупотребления, которые бывали раньше. Многих преступников уже нет на свете, а других прогнали со службы, хотя довольно еще есть и таких, которые стоят у дел, хотя о них и известно, что они воровали да не проворовывались. А разве трудно русскому чиновнику воровать и не проворовываться. Итак, оставим то «славное старое время», когда брали, не стесняясь, брали, сколько душе только угодно, и обратим внимание читателей на ту сравнительно тонкую систему воровства, казнокрадства, грабежа, которые создало начальство в конце XIX и начале XX века. Что начальство ворует, знали все. Но проворовалось оно совершенно случайно и, не будь пропажи платиновых чаш стоимостью 60 тысяч рублей, пожалуй еще долгие годы сокращало бы для своего кармана 2 000 000 заводский бюджет чуть ли не на 25%. Кража чаш в высшей степени характерный факт, достаточно ярко рисующий, с одной стороны, местные порядки, с другой стороны, нашу бюрократию. В августе 1901 г. разнеслась весть, что украдены чаши. Когда, кто украл,— никаких данных нет. Виновника нет, но он должен быть. Чаши находились в отделе эфира и кислот, начальником которого состоял капитан Мамышев: этот капитан, как очень часто он сам иронизировал, в Шостку приезжал только в отпуск; все остальное время проводил он в Киеве. Собственно, какое он имел фактическое отношение к заводу, сказать трудно: подписать несколько бумажек, сократить число рабочих, сократить их желания, покричать — вот и все. Этот отдел самый нищенский по рабочей плате. За 4—5 лет он таким образом насобирал достаточно остаточных сумм, а что такое остаточные суммы, мы думаем, понятно всякому: их можно употребить на фонтаны, цветники, кушетки и т. п; а, может быть, и еще на что-нибудь. Незадолго до описываемой кражи этот самый Мамышев еще сократил штаты, рассчитал лишнего сторожа, дежурившего около сарая, где хранились чаши. Украли чаши. Украли поразительно ловко, прямо, можно сказать, совершена одна из исторических краж; все цело: замки, печати, окна, крыша, а чаш нет. Читатель пусть не думает, что чаши были совсем без охраны; их охраняли сторожа, которых еще у нас довольно осталось. Мамышев, по обыкновению, уехал «в отпуск». Кто же виноват? По нашему, главный виновник Мамышев. Он виновен в том, что совсем не желал никакого касательства иметь к заводу и на все смотрел сквозь пальцы; но виновник должен же быть, и вот жребий пал на несчастного чиновника В. Прокофьева. Мы не беремся судить, сколько виноват он в краже, но склонны думать, что не больше Мамышева. Однако Прокофьев арестован, а Мамышев попрежнему у дел. Вообще у нас на заводе так: если виноват офицер, то постараются всегда свернуть на чиновника. Начинают искать чаши, ищут, ищут, а найти не могут... Чаш нет, но нашли нечто другое, пожалуй, даже интереснее, чем чаши... Конечно, с точки зрения общественной, но не начальства. Нашли ни больше ни меньше, как записную книжку поставщика угля, серы и пр. предметов купца Гиля!.. И вот, как волшебник, перед удивленными зрителями по мановению волшебной палочки показывает чудеса, так и Гиль перед изумленным и негодующим начальством раскрыл грандиозную картину казнокрадства и взяточничества за пять лет, с 1894 по 1900 год. Оказывается, что, как вполне акуратный коммерсант, он по двойной итальянской бухгалтерии вел все счеты и, конечно, так как взятки представляют достаточно крупную сумму, то было бы с его стороны большой ошибкой не записывать их в приход и расход. И вот появляется богатый материал для следователя. Вопиющие злоупотребления не позволяли замолчать о грандиозной системе кражи. Будем кратки. У Гиля в книжке нашли место почти все высшие служащие завода. Первое место принадлежит полковнику Пашкевичу (председатель хозяйственной комиссии), по приблизительному

подсчету получавшему до 600 рублей в год. Дальше полковник Кобекко помощник начальника завода. Член от артиллерийского ведомства полковник Андреев, полковник Карташев. Затем следуют еще чиновники и офицеры, получавшие и правильное месячное жалованье от Гиля и воздаяние единовременно, кто сотни рублей, а кто фунты конфет. Все они, за исключением Пашкевича, остаются на своих местах и вершат заводские миллионные дела. Мы надеемся еще поговорить о них, когда кончится процесс. Есть основание думать, что это дело о воровстве канет в Лету; тем более считаем важным появление хотя бы таких кратких сведений в нелегальной литературной прессе. Русское правительство хорошо знает пословицу: «рука руку моет». Мы думаем, что читатель легко может себе представить, что не менее систематически обворовывали и рабочего. Брали с подрядчика за поставку неудовлетворительного материала, брали и с рабочего. Мастера и чиновники брали за предоставление рабочим работы, брали натурой, брали и деньгами (иногда больше месячного жалованья). Штрафовали, но куда шли эти деньги, неизвестно. Наши заводы находятся в ведении фабричной инспекции. Чины повыше сокращали число рабочих, взваливая работу 15 на пятерых. Последствием такого сокращения было два случая несчастий подряд, в январе и феврале настоящего года. В мастерской «пресса» случился пожар с человеческими жертвами: один сгорел, два обгорели. Начальство терялось в догадках и пустилось на разные ухищрения в рапортах по этому инциденту. То обвиняли «песчинку», которая попала в пороховую массу и, проходя через отверстие пресса, дала искру, то еще что-то не менее мудреное выдумали... А ларчик просто открывался. Рабочий не мог досмотреть и предотвратить несчастия потому, что ему приходилось исполнять обязанности двух или даже трех. Та же причина смерти и другого товарища. Он исполнял работу нескольких, почему приходилось бросаться из стороны в сторону; он поскользнулся на ступеньке лестнички, попал под колесо и там нашел свою смерть. Обеспечения никакого у нас не полагается ни калекам, ни вдовам; все судебные процессы не имели успеха. Не думаем, чтобы не было сумм; суммы то, кажется, есть, об израсходовании их, быть может, даже докладывают, куда следует, но куда они идут? Очевидно, все в тот же бездонный карман начальства. Долго может терпеть русский человек притеснения, но есть и его долготерпению конец... Месть народная может быть ужасна, она может быть еще ужаснее, если правительство будет попрежнему бояться пускать в народ, в деревню книжку и вообще задерживать культурную борьбу с деревенской тьмой. Мы ужасаемся перед той картиной, которую представит наше отечество, когда голодный мужик поднимет дубину на «пана». Это будет жестокая страница в истории. Судя по нашей округе, мы недалеко уже от этого момента. Товарищи! Мы, живущие скорее в деревне, чем в городе, видим рост негодования сельских масс, мы призываем вас работать и в деревне. Нужно выработать приемы, тактику и план социалистической пропаганды в деревне. Деревня гораздо больше принесет городу, чем принято думать, ей только нужно об'яснить, чего хочет город. Как было уже сказано, весной у нас появились прокламации. Вышло 3 №. Местная организация рисует картину наших заводских порядков и призывает рабочих для борьбы не только за улучшение своей участи, но, говоря о 1-майском празднестве, она призывает присоединиться местных рабочих к общерусской политической борьбе рабочих. Доказывает, что существующие безобразия и скверное положение рабочих на заводе является естественным результатом царизма. Поэтому и у нас должен раздаться лозунг современных революционеров: «Долой самодержавие»! Организация не считает возможным открыто праздновать в этом году 1 мая. Она выставляет в прокламациях необходимость организованной сознательной борьбы и предостерегает рабочих от бунтарской формы проявления протеста. Наш город видит злоупотребления, чувствует прижимки, поборы панов, чиновников, мастеров, полиции, которые закон молчаливо одобряет. Он тогда сам на себя берет роль правосуда и расправляется жестоко. Безнаказанные поборы побудили какого-то смельчака стрелять в мастера Криворученко (подозревают одного рабочего, он уже арестован). Криворученко ранен. Прокламации, затем покушение создали панику среди местного начальства. Оно позаботилось об охране, и вот, незадолго перед пасхой, появились 8 рот солдат. Заканчиваю корреспонденцию более отрадными фактами. Кроме прокламаций местной организации и подписанных организацией рабочих Шостенского завода, у нас появились стихи, пасквили, каррикатуры и т. п... Мы с радостью поделимся с товарищами тем успехом, который нашла, хотя и кратковременная, но очень плодотворная деятельность местной организации. Мы также

с радостью можем констатировать факт того, насколько уже теперь, в таком захолустьи, как наша Шостка, прокламации встречают колоссальное сочувствие. Наши прокламации разошлись по соседним селам; было три или четыре случая чтения их на сходах, не говоря уже, что чуть ли не во всех прилежащих селах они читались. Были случаи, когда ее вывешивали в волости. Подводя итог, мы должны сказать, что деревня тоже нуждается в прокламациях, ее там прочтут, она там полезна и даже необходима...

Мы постараемся и на будущее время делиться с товарищами тем, чему нас научит практика революционной деятельности, таким образом уже вышедшая из границ поселения Шостки и захватившая территорию, радиус которой 30 верст. Мы просим товарищей оказывать возможное содействие присылкой нелегальной литературы, приспособленной не только для заводских рабочих, но и для крестьян. Как результат действия прокламаций, мы можем указать на колоссальный под'ем духа. Прокламации окончательно дискредитировали в глазах рабочих воров-начальников, они пробудили в них стремление критики и способствовали поднятию чувства человеческого достоинства. На начальство они произвели не менее сильное впечатление. Оно боится бурного проявления народной мести и позаботилось о присылке с о л д а т. Арестов не было.

О получении известить немедленно открыткой по известному адресу.

П е т у х о в.

Ответственный редактор **Я. Берзин.**
Редакционная коллегия: **В. Максаков.** (зам. ред.), **С. Пашуканис, Ф. Роттштейн**

Сдано в производство 28/III 1936 г. Подписано к печати 14/IV 1936 г. Статфор. Б 176×250. 12¼ п. л. 60 480 зн. в п. л. С.-Э. (п.) № 14. Зак. 439. Уполномоченный Главлита Б 19819. Выпускающий А. Налимов. Тираж 3 475.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10.